

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА *Р* БОЛЬШИЕ КНИГИ

Николай
Леонов

ТРАКТИР
НА ПЯТНИЦКОЙ
♦
АГОНИЯ
♦
ВАРИАНТ «ОМЕГА»

« А З Б У К А »

Русская литература. Большие книги

Николай Леонов

**Трактир на Пятницкой.
Агония. Вариант «Омега»**

«Азбука-Аттикус»

1968, 1971, 1972, 1973, 1981

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Леонов Н. И.

Трактир на Пятницкой. Агония. Вариант «Омега» /
Н. И. Леонов — «Азбука-Аттикус», 1968, 1971, 1972, 1973,
1981 — (Русская литература. Большие книги)

ISBN 978-5-389-23074-3

Имя Николая Леонова хорошо известно поклонникам детективного жанра. В 1950–1960-х годах будущий писатель работал в Московском уголовном розыске, а покинув органы МВД в звании капитана, занялся литературным творчеством. Он автор множества романов и повестей, признанных классикой отечественного детектива и ставших «школой» для следующего поколения писателей. «Трактир на Пятницкой» и «Вариант „Омега“» («Операция „Викинг“») – пожалуй, самые известные его произведения. В первом из них разворачивается захватывающая история времен нэпа. В банду преступников-рецидивистов внедряется сотрудник МУРа, но оказывается, что и в стане милиционеров есть бандитский агент... Сюжет второго романа (он написан в соавторстве с Ю. Костровым) относится ко времени Великой Отечественной войны и основан на документальных материалах о работе советских разведчиков. Эти произведения многим знакомы по экранизациям, роли в которых исполнили блистательные актеры: Александр Галибин (обаятельный Пашка Америка), Николай Еременко и Лев Прыгунов – в фильме «Трактир на Пятницкой»; Олег Даль, Ирина Печерникова, Александр Калягин – в фильме «Вариант „Омега“». В книгу также вошли детективно-приключенческие повести «Агония», «Ринг» и «Нокаут». Мастер детективного жанра, Леонов в каждой из них виртуозно выстраивает сюжет и сохраняет интригу до самой развязки.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-23074-3

© Леонов Н. И., 1968, 1971, 1972,
1973, 1981

© Азбука-Аттикус, 1968, 1971, 1972,
1973, 1981

Содержание

Трактир на Пятницкой	7
Глава первая. Пашка Америка	7
Глава вторая. В районном уголовном розыске	15
Глава третья. Серж	22
Глава четвертая. Больше ждать нельзя	29
Глава пятая. Серый	35
Глава шестая. Не для того погиб человек...	44
Глава седьмая. Тезки	53
Глава восьмая. Если ты классный вор	63
Глава девятая. Выигрыш фигуры	73
Глава десятая. Шах!	77
Глава одиннадцатая. Мат!	83
Глава двенадцатая. Отъезд	87
Агония	93
Глава первая. Скованные одной цепью	93
Глава вторая. Уголовник-рецидивист по кличке Корень	101
Глава третья. Профессионалы	106
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Николай Леонов
Трактир на Пятницкой.
Агония. Вариант «Омега»

© Н. И. Леонов (наследники), 2023

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023 Издательство
Азбука®

Трактир на Пятницкой

Глава первая. Пашка Америка

Пашка стоял на излюбленном месте – у мануфактурной лавки Попова. Перевалило за полдень, стало жарко, а клиент не появлялся. Два раза можно было взять по мелочи, и приказчик Федор многозначительно подымал бровь, но Пашка не шевелился и провожал мелкую рыбешку равнодушным взглядом. На то он и был Пашка Америка, фартовый вор, известный каждому деловому человеку на Пятницкой, Ордынке, Кадашах и даже Сухаревке, чтобы не разменивать себя на пятаки.

Федор постучал в окно, и Пашка вошел в лавку.

– Что же ты? – выдохнул Федор. Он копался в своих книгах и исподлобья поглядывал на Пашку. – Мильона ждешь?

– Подсказчик липовый. Грошова твоя душа. – Пашка длинно сплюнул на дощатый пол. – У старухи если и есть червонец, так она его из рук не выпустит, а краля зашла на твой барахляный товар позевать, у нее, кажись, и на трамвай нету...

Федор открыл было рот, но дверной колокольчик предостерегающе звякнул, и приказчик заспешил навстречу покупателю.

Пашка посмотрел на щуплую дамочку, прижимающую к груди выдавший виды ридикюль, профессионально определил, что она сегодня не завтракала и обедать пока не собирается, пнул ногой дверь и вышел на улицу.

Лавка эта была хороша для Пашки и тем, что стояла на пути к большим магазинам, и все, кто отправлялся за покупками, обязательно заглядывали в нее. А Пашка уж безошибочно определял, есть ли у человека деньги, где они лежат и стоит ли связываться. Пять дней назад он здесь наколот жирного гуся, который принес Пашке двадцать червонцев. Но это было пять дней назад, а сейчас от этих червонцев осталась лишь головная боль.

Пришло время обедать, и он бодро зашагал по Пятницкой. Чумазый парнишка на углу торговал папиросами. Увидев Пашку, он ловко подхватил спадающие штаны и, шлепая по булыжникам коваными подошвами солдатских ботинок, подбежал к Пашке.

– Завязал, Америка? На сегодня контора закрыта? – спросил он.

– Перерыв на обед, Шкет Иванович. Скоро вернусь. Ты жди, сегодня будет удача.

– Купи папиросочку, Америка. Сделай почин, поддержи мою коммерцию. – Пацан протянул раскрытую пачку «Люкса».

– Уговорил, купец. – Пашка взял пару папирос, одну бросил в рот, а другую заложил за ухо.

– Прошу, гражданин-товарищ-барин, – в одно слово выпалил пацан, артистически взмахнул рукой, и в заскорузлой ладошке заплясал огонек спички. – Прикурите-с. Четвертачок, Америка.

– На обратном пути, купец. Смотри штаны не потеряй. – Пашка шлепнул его по затылку и пошел в пивную Когана, где мог перекусить в долг. По дороге он думал, что удачи сегодня не будет. И если бы он спьяну вчера не обещал Нинке отметить ее день рождения в «Балчуге», то пошел бы сейчас спать. Какая же работа с похмелья!

Увидев Пашку, старик Коган быстро налил кружку пива, наложил на тарелку сосисок и швырнул ее по стойке. Кружка с тарелкой, как связанные, скользнули по белой жести и остановились перед Пашкой. Пока он ел, старик с полотенцем в руках сидел рядом, молчал, вздыхал и смотрел на Пашку грустными слезящимися глазами.

– На мели сидишь. Может, передумал, Паша? – спросил он, когда Пашка отодвинул пустую тарелку и закурил. – По краешку ходишь, не ценишь себя. С твоей внешностью и моим опытом мы бы такую коммерцию организовали!

– Не тарахти. – Пашка встал. – Расплачусь позже.

– Подожди. – Старик взял его за рукав. – Утром заходили двое, расспрашивали.

– Знаю я их. – Пашка рыгнул и потянулся. – Районная уголовка. Я им ни к чему. Они рабоче-крестьянскую собственность берегут. Их такие, как Серый, интересуют. Только не вздумай капать. У Серого разговор короткий. – Пашка провел большим пальцем по горлу. – Понял?

– Серый сегодня был. Так я его предупредил, а он смеется.

– Ну-ну. – Пашка махнул рукой и вышел на улицу.

И тут он увидел человека, которого ждал полдня. Увидел, не поверил глазам и зажмурился. Может, он пропадет, развеется как дым? Но тот упрямо стоял, держал в руках бумажник и был красив в своей фраерской непосредственности. Это был толстый мужчина. По шелковой бабочке, галифе и мягким хромовым сапогам Пашка определил, что фраер залетный, то есть не москвич. Он покупал какую-то дребедень в открытой лавке и держал в руках бумажник, а тот раздувался и готов был лопнуть, как фаршированная щука.

Пашка смахнул со лба выступивший пот, вытер руки и подошел ближе. Мужчина, самодовольно улыбаясь, оглядел разложенный на прилавке товар и сказал:

– Эту... как ее... – Он пальцем очертил над головой круг.

– Шляпу, – подсказал продавец и повторил: – Шляпу, – внимательно посмотрел на покупателя, – гражданин желает шляпу... Так-так. – Продавец пожевал губами, взял одну шляпу, другую, положил на место. Потом решительно вынул из-под прилавка соломенное канотье. – Пожалуйста. – Он отвернулся и стал перекладывать на полке товары.

Станичник надел канотье, посмотрел на себя в зеркало и недовольно хмыкнул.

– Гражданин, – обратился к нему продавец, – где тот босяк, что торговал у меня шляпу? Простите! – Он прижал к груди руки. – Это вы?! Боже мой! В этой шляпе вы вылитый Чемберлен!

– Осади. Не на такого напал. – Станичник снял канотье и бросил на прилавок.

Когда он отошел, продавец перегнулся через прилавок и тихо сказал Пашке:

– Не забудьте зайти за шляпой, молодой человек. Она вас ждет.

Пашка рассмеялся и опять вытер лоб. Он не отрываясь смотрел, куда же станичник положит бумажник.

Чудеса продолжались. Клиент сунул бумажник в задний – чужой, как его называют деловые люди, – карман и пошел, широко расставляя ноги и задевая прохожих плечами.

Пашка двинулся следом, свистнул и, когда папиросник подлетел, бросил сквозь зубы:

– За мной. Возьми еще одного.

Клиент перешел мост, и Пашка испугался, что тот осядет в «Балчуге», а туда Пашке заходить было нельзя. Но клиент прошел мимо ресторана и направился в торговые ряды.

На углу перед торговыми рядами стоял карманник Колька Свищ. Он увидел толстяка и сделал стойку. Проходя мимо, Пашка ткнул его локтем в живот и услышал за спиной завистливый шепот:

– Фартовый ты, Америка.

Пашка не стал спорить. Наступали решающие мгновения. Надо подойти вплотную. И все. Только подойти.

Пацаны крутились рядом и ждали сигнала.

Толстяк остановился у рыбной лавки и, разинув рот, уставился на огромного осетра, подвешенного за жабры.

– Я пошел, мальчики, – прошептал Пашка и бегом пустился к толстяку. На секунду он к нему прислонился, и бумажник перекочивал в Пашкины брюки, скользнул по колену и тяжело плюхнулся в потайной карман у щиколотки.

– Сколько же эта рыбина стоит? – Толстяк отставил ногу и подбоченился.

Рыбник перестал точить нож, посмотрел на толстяка, потом на Пашку и криво улыбнулся.

– Непродажный осетр. – Потом, видимо, не удержался и добавил: – Да и денег-то у вас, гражданин хороший, нет.

Толстяк полез в карман, нахмурился и закричал.

Пашка стоял в двух шагах и удивленно смотрел на багровое лицо с вздувшимися веревками вен. Он знал, что его крестник будет кричать. Но такого крика Пашка еще никогда не слышал. На этот рокошующий, срывающийся на визг вопль как по команде откликнулись:

– Атае! Срывайся!

И в стороне замелькали вихры мальчишек.

Пашка посмотрел в спину рванувшемуся, как борзая, крестьянину и спросил рыбника:

– Так сколько же стоит этот осетр?

– Ладно, топай себе, Америка. Нечего зубоскалить, и так торговля ни хрена не идет.

– Каждому по труду. – Пашка развел руками и пошел.

Бумажник тяжело мотался в брючине и бил по ноге. У «Балчуга» Пашка вновь увидел своего крестника. Тот, отдуваясь и вытирая струившийся по жирной шее пот, что-то объяснял равнодушным прохожим. Пашка точно знал, что именно объясняет прохожим толстяк, и на всякий случай перешел на другую сторону. Он завернул в ближайший двор и, присев на ящик из-под пивных бутылок, вытянул свою добычу. Денег было много. Пашка даже не стал считать их, а просто сунул в карман тугую пачку хрустящих червонцев. Кожаный бумажник с монограммой он бросил за ящик. Жалко, но ничего не поделаешь. Так и сгореть недолго.

Пашка гоголем прошелся по Пятницкой. Дал червонец пацанам, которые уже торговали на своем углу. Купил у них пачку папирос и пообещал, что скоро придет опять. Остановился у лавки, где полчаса назад толстяк торговал канотье, заплатил за него вдвойне и, нахлобучив на голову, отправился к Когану.

– Эх, разменяйте мне сорок миллионов! – крикнул он, появляясь в дверях. – Получи-ка должок. – и бросил червонец на прилавок. – Да налей стопарик.

– Так не положено, Паша, – зашептал старик, быстро пряча деньги. – Я же на водку разрешения не имею.

– А ты налей две: одну мне, другую себе.

– Широкий ты человек, Америка. Недаром от тебя все девки без ума.

От удачи и водки у Пашки кружилась голова. Он решил зайти к Нинке, договориться с ней о вечере, кивнул старику и, громко хлопнув дверью, вышел на улицу. Хотел остановить лихача и подкатить к Нинкиной хате с шиком, но передумал. В неудобном месте жила девка – прямо напротив районной уловки. На лихаче там появляться ни к чему. С Нинкой он гулял вторую неделю.

Пашка поравнялся с отделением милиции.

– Паша!

Он остановился и с недоумением посмотрел на незнакомую худенькую девушку.

– Угости папиросочкой, Америка, – сказала девчонка и отвернулась.

Пашка вынул пачку папирос и молча протянул, девчонка вытянула губы трубочкой, прикуривала сосредоточенно, словно выполняла сложное и ответственное дело. Когда Пашка рассеянно кивнул и двинулся дальше, девчонка бросила папиросу, вздохнула и, подняв худые плечи, пошла в другую сторону.

Пашка выпятил грудь и засвистел. Пусть смотрят граждане начальники: идет человек, и ничего такого за ним не имеется. Около этого двухэтажного дома у Пашки каждый раз пере-

сыхает во рту и ужасно хочется заглянуть внутрь, посмотреть, что они там делают. Он косит глазом и, еле волоча ноги, проходит мимо закрытой двери.

– Антонов! Антонов!

Пашка было приостановился, пытаясь вспомнить, где он слышал эту фамилию.

– Антонов! Павел! Ты что, оглох, парнишка?

Пашка остановился и медленно повернулся.

Рядом стоял начальник уголовки, известный среди блатных под кличкой Лошадник.

– Фамилию собственную забыл. – Начальник оглядел Пашку, снял с него шляпу, повертел в руках, рассмеялся и спросил: – Каждую кражу отмечаешь обновкой?

– О чем это вы, гражданин...

– Климов, Василий Васильевич, – перебил начальник и протянул Пашке шляпу. – Держи. И зайди на минуточку. Разговор есть. – Он круто повернулся и зашагал во двор уголовки.

«Почему Лошадник? Типичная обезьяна, – думал Пашка, глядя на низкорослого, широкоплечего человека на толстых кривых ногах. – И руками аж по коленям шлепает». Пашка замешкался на пороге. Может, сорваться?

Климов обернулся:

– Страшно стало?

Пашка вошел, сел на предложенный стул и огляделся. Видно, бьют не здесь. Окна настежь, ежели заорать, так на всей Пятницкой слышно будет. Ну, для того и подвалы существуют. Интересно, зачем он меня затянул? А может, рыбак накапал? Нет, тогда повязали бы на улице и этот черт ногой не шаркал бы – «зайди на минутку».

– О чем это ты мечтаешь, Павел? – Климов снял пиджак и расстегнул рубашку. – Чтобы вокруг тебя были одни слепые и у каждого из заднего кармана бумажник торчал? Об этом, что ли?

– Какой бумажник? – Пашка посмотрел Климову в лицо.

– Ладно, это я так. Может, ты совсем о другом мечтаешь. – Климов миролюбиво улыбнулся и стал набивать трубку. – Кури.

Пашка вытащил «Люкс» и закурил.

– Много я о тебе слышал, Павел Антонов. Ребята шутят, что ты когда-нибудь наган у меня срежешь. – Климов похлопал себя по боку.

– Этим не интересуюсь, – Пашка улыбнулся и опустил глаза, – не по моей части.

– Серый интересуется.

– Какой Серый? – Пашка незаметно вытер о колени вспотевшие ладони. – Что-то вы путаете, начальник.

– Тот самый, что третьего дня комиссионный магазин пытался взять и сторожа убил. Смотри в глаза. – Голос у Климова погустел и налился злобой.

Пашка поднял голову и встретился с черными маленькими, как буравчики, глазами.

– Я тебя воспитывать, стервеца, не буду. – Климов постучал трубкой по столу. – Ты при советской власти растешь, должен соображать, что к чему. Отец где?

– Убили в германскую.

– Мать?

– Белые убили.

– А ты вор. Да еще с Серым путаешься. Если в тебе гражданской совести нет, то к убийцам родителей хотя бы личную ненависть иметь должен!

– Что-то вы темните, начальник. Политику вяжете. Папаню с маманей приплели. – Чувствуя, что против него ничего конкретного нет, Пашка обнаглел. – Не берите меня на характер. Я не мальчик и крику не боюсь.

Климов засопел трубкой и тихо спросил:

– И сколько же тебе, не мальчику, годков?

Пашка промолчал. Что ему надо, этому головастику? Ишь, башка огромная, бритая, шея жилистая. Силен, наверное. Наверняка силен, раз Фильку Блоху один повязал.

– Считаешь, что ли? – Климов ухмыльнулся. – Семнадцать тебе годков. Другие в твоём возрасте какие дела делают. – Он задумался и стал ковырять свою трубку. – Я в семнадцать лет вот эту трубку от комбрига получил. – Он ткнул мундштуком Пашке в лоб. – Да тебе все это...

– Что это, начальник? – перебил Пашка. – «При советской власти растешь, должен понимать, что к чему»... А кто сейчас понимает, что к чему? – Пашка посмотрел в удивленное лицо Климова и продолжал: – Буржуи были? И сейчас есть. Бедные, богатые, все по-старому, начальник. Так что вы эту трубочку верните своему командиру, честнее будет...

Климов, стараясь быть спокойным, сказал:

– О политике в другой раз поговорим, Павел. Ты час назад у рыбной лавки станичника дернул...

Пашка знал: нужно что-то говорить, отпираться. Но во рту было сухо и шершаво, будто провели наждачной бумагой, а язык не ворочался.

– Да не смотри ты на меня так. Мне твои глазищи ни к чему. Как рассказал станичник про мальчишек, я сразу понял, что ты. Почерк у тебя особый. – Климов встал и прошелся по кабинету, зачем-то выглянул в окно, вернулся к столу и медленно выговорил: – Посажу я тебя в острог. И отправлю потом по этапу.

Пашка приподнялся, быстро сунул руку в карман и протолкнул деньги в штанину. Теперь, когда он встанет, червонцы свалятся в тайник.

– Руки! – Климов брякнул наганом о стол. – Встать! Кругом!

Пашка повиновался. Он почувствовал, что ствол нагана уперся между лопаток, а рука Климова обшарила пустой карман.

– Садись, паршивец. Думал, стрелять собираешься. Испугался. – Климов облегченно вздохнул. – Сказал, посажу, значит, точка. На первой же краже и сгоришь. Предупреждаю.

Пашка опустил на стул.

– Ты знаешь, что такое... – Климов запнулся, стал оглядывать стол, потом взял какую-то книгу и заглянул в нее, – что такое презумпция невиновности? Не знаешь. Я тоже не очень. – Он на секунду замолчал, потом продолжил: – Такие дела, Павел. Чтобы посадить тебя в острог и отправить потом по этапу, я должен сначала доказать твою вину. Вот ты украл...

– Не крал я, начальник. – Пашка перекрестился.

– Украл, – спокойно сказал Климов. – Ты знаешь, и я знаю, что украл, а посадить тебя не могу.

Пашка попытался опять перебить, но Климов поморщился и застучал трубкой по столу.

– Не хочу я тебя сажать, очень не хочу, Павел, но работа у меня такая... Поэтому, Павел Антонов, если ты воровать не прекратишь, я тебя поймаю с поличным и тогда... Понял?

– Зря вы горячитесь, гражданин начальник. – Пашка развел руками. – Не ворую я.

– Я тебя предупредил, – сказал Климов и кивнул на дверь. – Иди пока.

Пашка спустился по лестнице, прошел два квартала и только тогда оглянулся. На хвосте никого не было. Не пойдет он к этой Нинке. Пусть сама ищет. А начальничек-то ничего. Ушлый. Все знает. И имя, и фамилию, и сколько лет, и про отца с матерью.

– Америка! – путаясь в штанах, к нему бежал шкет с папиросами. – Дело есть. – И зашептал в самое ухо: – Тебя Серый ищет. Сказал, чтобы ты шел в «Три ступеньки».

– На, держи. – Пашка протянул малышу червонец. – Завязал я.

– Эх, верное дело было, – вздохнул малец. – Неужто догадалась уголовка?

– Топай, шкет. – Пашка отвернулся.

– Я всегда на своем углу, Америка, если что – свистни.

Пашка сдвинул на затылок шляпу. И откуда он все знает, этот мент? Рассказать Серому или нет? А может, и не ходить? Может, переждать? Деньги есть. Осесть у той же Нинки и переждать? Но ноги сами несли его к «Трем ступенькам».

На стене старого четырехэтажного дома красовалась вывеска ресторана «Встреча», но никто в округе такого ресторана не знал, заведение было известно как трактир «Три ступеньки».

Трактир находился в полуподвале старого дома. К тяжелой дубовой двери вели три щербатые ступеньки. Зимой Пашка не вылезал из этого заведения.

К вечеру здесь собирались деловые люди со всей округи. В задних комнатах начиналась крупная игра. Со двора заскакивали ребятишки с горячим, левым товаром, шептались с хозяином заведения, отцом Василием (так его звали за привычку непрестанно креститься). Потом рассаживались в зале за круглыми столами. Заходили погреться девочки, и начинались «свадьбы», или «крестины», или «поминки». Гульба всегда имела какое-нибудь пристойное название. Гуляли тихо, говорили чинно и понимали друг друга с полуслова. За всю зиму Пашка не помнит ни одной драки или скандала. В случае надобности предложение «выйти во двор» делалось как бы между прочим. Скандалист в залу не возвращался, и о нем никто не вспоминал.

Но ранней весной появился Серый. Он вошел с двумя здоровыми флегматичными парнями, которые за весь вечер не сказали ни слова. Отец Василий поклонился новым гостям еще ниже обычного и обслужил их сам.

Позже Пашка узнал, что Серый с хозяином «Трех ступенек» старые знакомые.

В тот вечер Серый скромно сидел в углу, ничего не ел и почти не пил. Он внимательно и подолгу рассматривал каждого посетителя, изредка подзывал хозяина и что-то у него спрашивал.

Пашке новичок не понравился сразу. Не понравилась подобострастность отца Василия. Не понравились серое, в темной сыпи лицо, оловянный взгляд больших, навывкате глаз, суетливые руки, животная жадность и молчаливость спутников.

Когда захлопали задние двери и в залу ввалился Петька Вихрь с друзьями и красавицей Варькой, Пашка понял, что быть беде. Отец Василий усадил Петьку в самый дальний угол, кивнул половым, а сам бросился к Серому и стал его о чем-то просить. Тот качал отрицательно головой и не сводил глаз с Варьки.

Пашка не видел, с чего началось, и поднял голову, только когда Вихрь вылез из-за стола, ухмыляясь и многозначительно засунув руки в карманы, пошел к выходу. Но Серый вызова не принял и спокойно сидел на своем месте. Тогда Петька, покачиваясь, подошел к столу Серого. Тот вынул из-под стола руку с пистолетом и выстрелил Петьке в лицо.

Громилы, сидевшие с Серым за одним столом, вскочили и направили наганы на корешей Петьки. Потом поставили их лицом к стене и отобрали пушки и финки. Делали они это быстро, ловко и явно не впервой. Самого Петьку завернули в шубу, выволокли во двор, и через несколько минут знаменитый налетчик отправился в свое последнее путешествие.

Серый в это время сидел безучастно за столом, вертел в руке пустую рюмку и поглядывал на Варьку.

Так он пришел к власти. Теперь Варька спит с Серым, а Петькины кореша у него на побегушках.

Все это не коснулось бы Пашки Америки, но в последнее время Серый стал приглашать его к своему столу. И сейчас предложение явиться в трактир ничего хорошего не предвещало.

Как только Пашка вошел, к нему подлетел половой Николай.

– Жаждались тебя, Америка. В кабинет, пожалуйста. – и бросился между столиками. – Сюда.

Серый сидел на диванчике, ковырял вилкой квашеную капусту и что-то выговаривал Варваре. Увидев Пашку, он довольно улыбнулся и, видно заканчивая разговор, сказал:

– Говорю, собирай шмотки, значит, амба.

Варька зевнула, потянулась и подошла к Пашке.

– Пашенька, родненький. – Она обняла его за плечи и заглянула в глаза. – Хоть ты заступись за меня.

Пашка резко отстранился. Уж он-то точно знал, что ласки Варвары добром кончиться не могут.

Серый нахмурился:

– Сказал, иди, не лапай парня. Он мне еще нужен.

– Хочешь меня рядом с Вихрем положить? Не выйдет, – сказал Пашка, глядя в потолок.

– С каким Вихрем, Пашенька? – спросила удивленно Варвара. И было в ее вопросе столько равнодушного недоумения, что Пашка, не зная, что ответить, растерянно смотрел ей в глаза.

Из-за портьеры выскользнул отец Василий и подтолкнул Варьку под крутой локоть.

– С богом, Варварушка. Иди с богом. Не гневи мужика понапрасну. Колька! – крикнул он визгливо, а когда рыжие вихры полового просунулись в кабинет, елеинным голосом сказал: – Избави тебя бог, Николушка, без вызова в кабинеты заходить. В зале будь. В зале. А я здесь сам уж по-стариковски обслуживаю дорогих гостей.

Пашка стоял в стороне и недовольно поглядывал то на Серого, то на причитающего хозяина. За тонкой перегородкой шумела пьяная компания, Серый кивнул на нее и пробормотал:

– Передай, отец, чтобы смотрели в оба. И не напивались бы до зеленого змия.

– Выполню, сынок. – Хозяин сменил скатерть, расставил чистые приборы и ушел.

Пашка сел, налил водки и выпил. Серый явно был не в себе и расхаживал по тесному кабинету.

– Что за разговор? – спросил Пашка, выпил рюмку и взял горсть маслин.

– Ты свой в доску, Америка. Хочу с тобой покумекать. – Серый наконец сел и налил в бокал квасу. – Помощь твоя нужна.

– Чем это может желторотый шкет помочь червонному валету? – Пашка потянулся к графину, но Серый его остановил:

– Потом выпьем, Америка. Слушай. – Он подвинулся ближе и зашептал: – Ты ведь в округе всех блатных знаешь?

– А ты?

– Я на курорте червонец тянул, моих корешей сейчас нет в городе. Тут вот какое дело. – Серый замолчал и положил на стол наган. – Разговор серьезный. Понял?

– Не будет разговора. – Пашка встал. – Мне твои дела ни к чему.

Серый вскочил и крикнул:

– Будет!

За стеной замолчали, а через секунду портьеру отодвинула обвислая физиономия Свистка.

– Звал? – спросил Свисток и наполнил кабинет удушливым перегаром.

Серый махнул рукой – подручный скрылся, и тут же появился хозяин. Отец Василий шмыгнул мимо Пашки, взял со стола наган и убрал под сюртук.

– Сохрани, господь, и помилуй. – Он быстро перекрестился. – По-хорошему надо, сынок. Только по-хорошему. Ты говори, а я посижу с вами, рюмашечку выпью, может, и помогу советом. Сядь, Пашенька, сядь, родной, и выслушай божьего человека.

Пашка посмотрел в оловянные глаза божьего человека и решил, что лучше сесть.

– Вот и слава богу, вот и поговорим, – причитал хозяин.

– Да заткнись ты. – Пашка выругался, оттолкнул Серого и налил себе водки. – Что привязались? Один пушкой об стол грохочет, хотя за стеной бандюги сидят. Другой... – Он опять выругался и выпил.

Серый говорил долго, хватал Пашку за плечи, грозил, потом хватался за пустой карман. Наконец Пашка вышел на улицу и побрел совершенно трезвый, хотя выпил графин водки. На свою беду, Пашка многое понял из этого разговора.

У Серого в уголовке свой человек имеется. Но последний месяц – одни неудачи. Трижды налетел на засаду. Вывод один: засунул им начальник своего парня и посмеивается. Все сгореть могут – и Серый, и тот человек в уголовке. Не знает Серый местное ворье, потому и раскрывает свои карты. Не знает, кто действительно ворует, а кто только фасон держит. Он назвал десяток имен, кого можно подозревать, и закончил: «Узнай, Америка! Озолочу. Пришьем мента, сделаем дело – и айда из Москвы. А ты, Пашка, можешь оставаться».

Только Пашка не дурак. Если он и узнает, то его шлепнут раньше, чем этого мента. И если не узнает – шлепнут. С одной стороны Серый, с другой – уголовка. Сгорел мальчишечка.

Глава вторая. В районном уголовном розыске

Климов отложил книгу и опять посмотрел на часы и телефон. Часы тикали, телефон молчал. Климов встал, одернул пиджак и прошелся по кабинету. Вынул из кобуры наган, повертел и бросил на стол. При его нынешней работе наган был явно ни к чему. Уже месяц он расхаживает по кабинету и смотрит на часы и телефон.

Часы тикают. Телефон молчит.

– На этом закончим, товарищи, – сказал начальник, закрывая совещание. Потом оглядел присутствующих, нашел Климова и сказал: – Останься, Василий Васильевич.

Климов чувствовал на себе насмешливые и сочувствующие взгляды сотрудников. Он плотнее устроился в кресле и вытащил из нагрудного кармана трубку. Не курить три часа подряд он не мог.

Начальник открыл окно, заложил руки за спину и стал ходить по кабинету, изредка останавливаясь и покачиваясь на носках.

– М-да, – наконец проговорил он. – Ну, давай, Василий, подробно и коротко расскажи о делах в районе.

– Вы же знаете, товарищ начальник. – Климов передвинул трубку в угол рта.

– В твоих рапортах сам черт не разберется. Сказал, выкладывай. Подробно и коротко. – Он повернулся спиной к Климову и начал изучать оперативную карту города.

Климов подошел и встал рядом.

– Десятого мая налет на инкассатора в Старомонетном. – Он ткнул трубкой в карту. – Инкассатор убит, количество налетчиков и их приметы неизвестны. Пятнадцатого – магазин на Ордынке. Показания очевидцев путаные, то ли четверо, то ли пятеро, все вооружены. Примет опять никаких. Шестнадцатого – касса на Малой Якиманке.

– И тут вы зацепились.

– Зацепились. Всплыл уголовник – рецидивист Рыбин, известный среди налетчиков под кличкой Серый. Выявили его штаб-квартиру, трактир «Три ступеньки».

– Хватит. – Начальник махнул рукой и отошел от карты. – Скажи, где расставляли засады?

– Вы же знаете, – с тоской протянул Климов.

– Сядь, Василий. Я бы тебе всыпал. – Начальник потер коротко остриженную шишковатую голову. – Обязательно всыпал бы, если бы сам не дал промашку. Смотри, что получается. – Он подвинул лист бумаги и стал писать. – Шесть налетов за месяц. Вы выходите на Серого после третьего, и он это, конечно, чувствует.

– Но доказательств-то никаких!

– Рассуждай здраво. Как должен действовать налетчик, если чувствует, что ему наступают на хвост?

– Уйти на дно и отсидеться.

– Или перейти в другой конец города. Серый же, наоборот, совершает еще три налета, и все в одном районе. Почему? Почему, спрашивается, он прицепился именно к тебе? Утечка у тебя.

– Что? – Климов поднялся.

– Утечка у тебя в отделе. Вот что. Понял?

– Как это – утечка? – Климов забегал по кабинету. – Предатель, что ли?

– Если хочешь, так. Ты сядь, не мельтеши перед глазами. И я тебе не барышня, мне твои переживания ни к чему. Сядь, говорю!

Климов смотрел начальнику в глаза и видел своих ребят. Усталые, издерганные, с осунувшимися лицами, они больше месяца не уходят с работы. Когда сегодня вызвали на совещание, каждый заходил к нему в кабинет, неумело подбадривал, что-то говорил, советовал.

– Что ты как лунатик? – раздался издалека голос начальника. – Чаю хочешь?

– Не может этого быть. Не может. Ясно?

– На, выпей. – Начальник пододвинул стакан. – И слушай меня, а не смотри стеклянными глазами. – Он тряхнул Климова за плечо. – Я ничего плохого про твоих хлопцев сказать не хочу. Утечка – не обязательно предательство. Молодо-зелено, у кого-то может быть девчонка или приятель, откровенные разговоры, то да се.

– Уверен, что никто из ребят...

– А я уверен, что так оно и есть, – перебил начальник, – и другого быть не может. Ясно? Знает Серый, что ты на него вышел? Наверняка знает. Однако не уходит из твоего района. Значит, имеет точную информацию.

– Так что же, мне теперь каждого подозревать?

– Подозревать не надо. Рыбина надо взять с поличным, и все образуется. И учти, что он, видимо, только исполнитель. Я эту сволочь давно знаю: жесток, дерзок, но прямолинеен. До такого фортеля ему не додуматься. Ищи фигуру крупнее, копай глубже, а Серого не бери, пока он не выведет тебя на главаря. Воюй их же оружием: они тебе подсунули своего человека, ты им – двух своих. Только вот людьми я тебе помочь не могу. Нету людей. – Начальник развел руками.

С этим Климов и ушел. На совещании в отделе, пряча от ребят глаза, он объявил:

– Чертовщина получается. Дали мне срочное задание. Придется вам Серого добивать без меня. Зайцева прошу остаться.

Зайцев был его заместителем. Год назад Климову сообщили, что ему назначают заместителя, и дали прочитать характеристику Зайцева. Характеристика была написана большим начальником ВЧК, в ней говорилось, что будущий заместитель абсолютно надежен, умен, опытен и инициативен.

«Раз он такое золото, могли бы оставить себе», – подумал Климов, но окончательных выводов до личного знакомства с Зайцевым делать не стал. Зайцев оказался человеком неприятным: жилистый, подтянутый, с точными и скупыми движениями и скрипучим недовольным голосом. Выбритый до синевы и причесанный волосок к волоску, безукоризненно вежливый, он замораживал окружающих и держал всех на почтительном расстоянии. Даже матерые уголовники разговаривали с ним без мата и на «вы». С Климовым Зайцев никогда не спорил, просто излагал свою точку зрения и молча выполнял полученные указания. Потом, когда выяснялось, что прав был заместитель, а не начальник, Зайцев ничего не говорил; если же Климов сам начинал разговор, заместитель смотрел на него, как на ребенка, который упрямо познает мир на ощупь и, не веря взрослым, должен сам убедиться, что кипяток горячий, а соль – соленая.

Но в одном заместитель устраивал Климова: он не любил участвовать в облавах, засадах и предпочитал круглые сутки заниматься задержанными. Допрашивал он мастерски, терпением, логикой и подчеркнутой вежливостью всегда добивался блестящих результатов.

Сейчас Зайцев вертел в руках коробочку монпансье, с которой никогда не расставался, а Климов, роясь в бумагах, не знал, с чего начать, ведь от заместителя нельзя отделаться заявлением о «чертовщине и срочном задании».

– Решили начать с другого конца? – спросил неожиданно Зайцев. – Поняли все-таки, что в отделе утечка?

– Прошу вас временно возглавить работу отдела, – не отвечая на вопрос, сказал Климов.

– А Серого пока оставить в покое? – Зайцев открыл коробочку и стал выуживать очередной леденец. – Не хотите отвечать – не надо. Мне и так все ясно.

– Вот и отлично. Значит, договорились. – Климов встал, проводил взглядом молча вышедшего Зайцева и взялся за телефон.

Он позвонил в Киев, где в уголовном розыске работал его лучший друг, и объяснил, что в Москву на месяц необходима пара хороших ребят.

Друг довольно хохотнул, обозвал Климова шутником и спросил о здоровье.

Климов пригрозил небесными карами, кулачной расправой и два раза повторил: «Как друга прошу».

Друг тяжело вздохнул и сказал:

– Значит, тебе совсем плохо, Васек. Встречай на вокзале в четверг. Встань в сторонке, они тебя сами найдут. Золотых ребят... – Он замолчал, а потом добавил: – Сыновей посылаю.

Отправляясь на вокзал, Климов решил часть пути проделать пешком. Климов шел по самому краю тротуара, стараясь держаться подальше от стоявших в дверях своих заведений хозяйчиков, которые два года назад, словно клопы, вылезли из своих щелей, сначала робко, а потом деловито забегали и засуетились, размножаясь и жирея прямо на глазах.

Климов шел, заложив руки за спину, намеренно подчеркивал свою неуклюжесть, сутулился и загребал ногами больше обычного. Посасывая трубку, он следил краем глаза за непманами и делал вид, что не замечает самодовольных, правда тщательно прикрытых угодливой улыбочкой, лиц. Климову казалось, что всем своим видом они говорят: это вам, гражданин, не семнадцатый год. Разве вы можете без нас существовать? Жрать захотели – и лапки кверху. Мир перекраивать вы горазды, ломать и отнимать – вы мастаки, но одними идеями не прокормишься, избирательские права оставили себе, а обедать к нам ходите? Еще посмотрим: кто – кого.

Климов знал «кто – кого», но сейчас старался быстрее миновать район, где на него смотрят с любопытством или с плохо скрываемой злобой.

Случайно взглянув на другую сторону улицы, Климов увидел, что в центре небольшой группы любопытных торчит лохматая голова Интеллекта – известного в округе забулдыги и мошенника. Щедро пересыпая матерщину иностранными словами, Интеллект возмущался наглостью нетрудового элемента, вопрошал, за что погибли товарищи и зачем он, рабочий класс, делал революцию? Климов подошел ближе и понял, что проходимец призывает граждан разгромить к «чертовой матери» пивную Когана, откуда его, трудового человека, только что нахально выставили. Климов протиснулся в первый ряд, оратор поперхнулся и сделал шаг в молчаливо стоящую толпу, но Климов взял его за рукав и спросил:

– В рабочий класс перековываешься, бандит? Выпить не на что? Хочешь, я тебя за подстрекательство к грабежу в острог упрячу?

Толпа притихла. Интеллект молчал, а Климов оглянулся и заметил в задних рядах двух молодых ребят.

– Рабфаковцы? – спросил он и, получив утвердительный ответ, попросил: – Выручайте, ребята. Мне сейчас некогда, отведите «рабочий класс» в милицию и скажите дежурному, что Климов велел задержать до вечера. Сделаете?

– Конечно, товарищ Климов, – сказал высокий худой блондин в застиранной гимнастерке и взял жулика под руку. – Хлопцы, пошли быстрее, а то опоздаем.

Климов посмотрел вслед рабфаковцам и что-то объясняющему им Интеллекту, перевел взгляд на разочарованных зрителей и пошел дальше. Он не успел дойти до набережной, как снова попал в историю. На углу у аптеки торговала пирожками старушка Фроловна. Хрустящие, тающие во рту пирожки с ливером жевала все Пятницкая. Беда была в том, что трудолюбивая старушка упрямо не приобретала патент, и Климов дважды отбирал у нее корзину, штрафовал и терпеливо объяснял, как легко и дешево она может легализовать свое «предприятие». Поджав сухие губы, старушка выслушивала Климова, потом, положив на стол коричневые, изуродованные многолетней работой руки и скорбно качая головой, рассказывала, сколько

она кладет яиц, масла и других снадобий в свои пирожки и что навару она имеет одну копейку со штуки. А за эту копейку она не присядет целый день, а булочник Шмагин – жулик, он бесится, что все покупают пирожки у нее, Фроловны. А покупают потому, что... И вновь началось перечисление, сколько фунтов масла и дюжин яиц она кладет в тесто. Когда после второго штрафа Фроловна со своей корзинкой вновь появилась у аптеки, Климов сдался и сказал ребятам, чтобы старуху не трогали, а сам стал ходить по другой стороне, делая вид, что он ничего не знает и не видит.

Сейчас Климов зазевался и налетел на Фроловну. Оказавшись нос к носу с «подпольной буржуйкой», он чертыхнулся и остановился в нерешительности.

– Сгорела бабка, – сказал какой-то босяк, взял из корзины пирог и откусил сразу половину.

Климов посмотрел на съжившуюся старушку, вспомнил огромный живот и лоснящуюся физиономию булочника Шмагина, его жирные, в кольцах руки, которыми он развел в недоумении, явившись как-то «искать правду и просить защиты у справедливых товарищей». Климов вспомнил все это, вздохнул, взял из корзины пирог, откусил и, подмигнув босяку, сказал:

– Хороши пироги, а как приобрела Фроловна патент, так стали еще вкуснее. – Он бросил в кружку пятак. – Не забудь заплатить, орел, – добавил Климов, отходя от причитающей старушки.

Климов был уверен, что булочник, конечно, узнает о случившемся и напишет на него жалобу.

На вокзале, когда состав в последний раз вздрогнул и остановился, Климов отошел в сторонку от хлынувшего потока пассажиров и встал подбоченившись, широко расставив короткие ноги. «Уж что я в прошлом кавалерист – это они точно знают», – думал он, вглядываясь в быстро мелькающую вереницу лиц.

– Здравствуйте, Василий Васильевич! – услышал он над самым ухом, повернулся и чуть было не выругался.

Они были совсем пацаны, эти агенты. Ну если сказать – восемнадцать, значит наверняка прибавить.

– Николай Панин, – сказал один и тряхнул рыжими кудрями.

– Михаил Лавров. – высокий худой юноша смущенно улыбнулся, и Климов почувствовал в своей руке тонкую ладонь.

– Ну и добре, – почему-то на украинский манер сказал Климов. – Поехали, хлопцы.

Ребята подхватили мешки и зашагали рядом. Климов шел молча и только иногда поглядывал на своих спутников. В трамвае Панин и Лавров уселись напротив, и Климов имел возможность разглядеть их как следует.

Панин был среднего роста, широкоплеч и рыж. Сквозь веснушки проглядывала нежная розовая кожа, круглые глаза были беспокойны, как ртуть, а нос воинственно торчал вверх. Он безуспешно старался закрыть рот, который все время расползался в мальчишеской довольной улыбке. Он был прост и улыбался так откровенно и радостно, что невольно появлялась мысль, не прячется ли за этой белозубой улыбкой тот самый русский мужичок, который готов по простоте душевной играть в подкидного дурака с чертом и требовать в невесты цареву дочку.

Михаил Лавров был высок, худ и черноволос. В лице его было что-то иноземное. Возможно, кто-нибудь из его предков шагал среди гренадеров Наполеона. А может, еще раньше, с гиканьем и свистом, размахивая кривой саблей, катился с лавиной татарской конницы. Или с серьгой в ухе днем шел по деревням в обнимку с медведем, а ночью воровал лошадей и покой русоголовых девчат. Потому и соединились в лице Лаврова серые загадочные глаза, нос с горбинкой и широковатые скулы.

Они сошли на Zubovskoy, свернули в переулок и поднялись на второй этаж маленького кирпичного дома.

– Ваше временное жилье, – сказал Климов, останавливаясь перед дверью с большим висячим замком. – Открывайте. – Он достал из кармана два ключа.

Панин открыл замок, широко распахнул дверь и по-хозяйски оглядел почти пустую комнату.

– Моя, – сказал он и бросил мешок на кровать у окна. Хлопнул себя по бедрам и прошелся чечеточкой по щербатому паркету. – Мишка, мы с тобой домовладельцы.

Лавров улыбнулся и, как бы извиняясь за товарища, сказал:

– Спасибо, Василий Васильевич. Мы здесь недолго задержимся, – вошел в комнату и сел к столу.

– Ясное дело, что недолго. – Панин круто повернулся на каблуках и стрельнул в Климова озорным взглядом. – Повяжем ваших бандюг и айда домой.

Климов стоял на пороге, все не решаясь войти и закрыть дверь. Казалось, что, пока дверь открыта, можно еще отказаться от этой затеи. Не посылать ребят в лапы к Серому, распутывать все одному, не прятаться за чужие спины.

Лавров опять мягко улыбнулся и, как бы отвечая на мысли Климова, сказал:

– Входите же, Василий Васильевич. Все будет в порядке. Да не обращайтесь внимания на Кольку. Он, вообще-то, серьезный мужик.

Серьезный мужик подлетел к Климову, толкнул его в комнату и захлопнул дверь.

– Вам вот такой привет от бати. – Панин растопырил руки до отказа. – Он рассказывал, как вы беляков рубали.

Климов улыбнулся. Тяжело ступая по скрипучему паркету, прошел в комнату и уселся верхом на стул.

– Смотри, Мишка, Василий Васильевич сидит на стуле точно как батя.

– Сядь и ты так. Кто тебе мешает? – Лавров сердито посмотрел на товарища.

Климов расстелил на столе карту района. Долго прихлопывал по ней большими ладонями, выравнивая сгибы. Откашлялся и начал говорить. Рассказал о появлении неизвестной банды налетчиков. О том, почему пришли к выводу, что бандитов возглавляет Серый. О его коварстве и жестокости. О жертвах. О неудачных засадах.

Ребята слушали внимательно. Панин то и дело вскакивал, смотрел карту, переживая неудачи районного уголовного розыска, кряхтел и тряс рыжими вихрами. Лавров сидел неподвижно, с отсутствующим выражением на лице и лишь иногда косился на карту.

– Вот такие дела. – Климов облокотился на стол и посмотрел на ребят. – Следовательно, ваши задачи следующие. Стать своими людьми в «Трех ступеньках». Выяснить, кто стоит за Серым. Предоставить мне возможность взять его с поличным или найти иные доказательства его преступной деятельности. И... – Климов замолчал и перевел дух.

– Обнаружить канал, по которому Серый получает информацию о работе вашего отдела, – тихо сказал Лавров и пнул ногой товарища, который уже было выговорил слово «предатель».

– Да, канал, – пробормотал Климов, отворачиваясь. И в который раз стал мысленно вглядываться в лица сотрудников своего отдела.

Рядом раздался какой-то треск, и Климов вернулся к действительности: видимо, это был звук затрещины, так как Панин стоял со стулом в руках, его щека и ухо стали вишневыми.

Лавров по-девичьи взмахнул длинными ресницами, чуть улыбнулся и сказал:

– Николай интересуется, есть у вас предложения по вводу нас в окружение Серого?

– Есть отличная версия, но только для одного. – Климов посмотрел на ухо Панина и еле сдержал улыбку. – Для Николая. Ты, Лавров, для моей версии фотокарточкой не вышел. Тебе придется искать подходы к банде самостоятельно. – Климов говорил, а сам думал о другом.

Как убедить ребят быть осторожными? Как объяснить, что риск надо свести к минимуму? Что они, ребята, очень нужны живые? Он вынул трубку и стал закуривать.

– Можно посмотреть, Василий Васильевич? – Панин смотрел на трубку, сдвинув белесые ниточки бровей. – Та самая, что от комбрига получили? Да?

– Та самая. – Климов протянул трубку. – Смотри и слушай. – Он заложил руки за спину и стал расхаживать по комнате. – Сейчас стране трудно. Очень трудно, Николай. Новая экономическая политика. Задача – не умереть от голода. Не хватает денег. Не хватает хлеба. Специалистов. Машин. Всего не хватает, и везде идет бой. – Климов замолчал и посмотрел на притихших ребят. – Не хватает людей и знаний. Я плохой начальник уголовного розыска, а оратор – еще хуже. Ты должен понять это сам. – Он смешался и пояснил: – Понять не то, что я плохой оратор, а что именно я тебе втолковываю. Самая большая ценность, какая есть сейчас у большевиков, – это люди. Это ты, Николай, и ты, Михаил. Такие, как вы, необходимы большевикам. Абсолютно необходимы. Люди важнее, чем валюта, чем хлеб, чем машины и прочее. Вы являетесь хранителями своих жизней и не имеете права распоряжаться этим легкомысленно. Ваша жизнь принадлежит партии и народу. Вы выполняете специальное задание партии, и непременным условием этого задания является сохранение жизни Николая Панина и Михаила Лаврова. – Климов тяжело перевел дух и вполголоса добавил: – Кроме того, существую я. С сегодняшнего дня я, боевой командир и большевик Василий Климов, в ваших руках. Если вы ошибетесь, то все, что я в жизни сделал стоящего, будет зачеркнуто. Раз и навсегда. Вашу смерть мне не простят. Никто не простит. И я сам не прощу. – Климов подошел к Лаврову и обнял его за худые плечи. – Вам будет трудно. Чужой мир, чужой язык и обычаи. Много плохих людей.

Лавров сжал руку Климова и сказал:

– Сделаем, Василий Васильевич. Можете не сомневаться. В наши с Николаем планы входит долгая жизнь. До самого коммунизма. – Он встал, вынул из кармана конверт и протянул Климову. – Наши удостоверения и прочие документы. И это еще. – Лавров положил на стол наган. – Нельзя оставлять. Николай, где твоя пушка?

Панин молча положил на стол наган, высыпал горсть патронов и расставил их аккуратным рядом.

Климов вынул из кармана небольшой новенький маузер и протянул его Лаврову:

– Обращаться умеешь?

Ребята как замороженные смотрели на заграничный пистолет.

– Бери, Лавров. Будешь все время иметь его при себе. Это не наган, спрячешь – и порядок. А тебе, Николай, по моей версии, пистолет иметь невозможно. Ты его и видеть-то никогда не видел.

Панин с завистью смотрел на блестящее оружие, потом решительно взял маузер, положил в карман и сделал шаг назад.

– Я отдам, Михаил. Честное комсомольское – отдам. Как будем выходить из дома, так и отдам.

Климов посмотрел на покрасневшего Панина и подумал: «Эх, играть бы тебе еще в солдатики и в казаки-разбойники», а вслух сказал:

– Вот еще пособие, – и положил на стол маленькую коричневую книжку. – Словарь воровского и арестантского жаргона. Составил пристав Попов.

Лавров взял словарь в руки и стал с интересом его листать.

– Николай, – он улыбнулся и посмотрел на приятеля, – знаешь, как ты называешься у жуликов? Кадет.

– Почему кадет? – Панин подошел и потянул из рук Лаврова словарь.

– Кадет. То есть неопытный, молодой сыщик.

Панин заглянул в словарь.

– Неопытный, говоришь. – Он перевернул несколько страниц. – А ты фига, Мишка. Фига. – Он сложил кукиш и показал приятелю. – Сыщик. Фига – значит сыщик.

– Хватит баловаться, ребята. – Климов встал и одернул пиджак. – Сидите здесь. Пока на улицу не выходите. Завтра принесу документы, и начнем ввод Панина. А ты, – он повернулся к Лаврову, – думай, как влезать в трактир будешь.

– Я уже кое-что придумал, Василий Васильевич.

– Завтра обсудим. – Климов пошел к двери, на пороге остановился и посмотрел на ребят. Рыжая и черная головы склонились над словарем. Он махнул рукой и вышел на лестницу.

С тех пор прошло больше месяца. Панина ввели в воровскую среду по версии Климова. Лавров вошел сам. Сделал он это быстро и ловко. Уже на очередной встрече с Климовым Панин, блестя хитрыми глазами, сказал:

– Михаил прийти не может, бражничают с Серым. Лучшие друзья, водой не разольешь.

Потом началось ожидание. Через несколько дней раздался телефонный звонок.

– Сегодня ночью. Ювелирный магазин на Житной, – сказал Панин и повесил трубку.

Климов назначил на вечер совещание и, когда все собрались, объявил:

– Сейчас идем в засаду. Домой прошу никого не заходить и без моего разрешения никуда не отлучаться, в отделе остается один Зайцев.

Серый оказался хитрее. Видимо, его наводчик был у магазина и видел, как подъехали сотрудники уголовного розыска, и налетчики не явились. На следующий день Панин рассказал, что Серый ходит злой как черт.

Климов посмотрел на часы и телефон.

Часы тикают. Телефон молчит.

Вчера Серый пытался взять ломбард и попал в засаду. Потерял двух человек и ушел. Дьявольский нюх у этого налетчика. Бандиты появились совсем не с той стороны, откуда их ждали. Завязалась перестрелка. Климов не столько следил за бандитами, сколько разглядывал своих ребят. Все вели себя безукоризненно. Когда стало ясно, что Серый уходит, Володька Сомов по водосточной трубе поднялся на крышу дома, переполз в параллельный переулок и с шестиметровой высоты прыгнул на одного из налетчиков. Свидетеля получить не удалось. Сомов сломал себе ногу, а бандит скончался на месте, не приходя в сознание.

Когда приехали в отдел, Пахомыч, как звали сотрудники богатыря Шленова, погладил гусарские усы и пробасил:

– Не понимаю, чего мы цацкаемся с этими бандитами, ведь известно, где они засели. Айда с утречка в трактир и повяжем голубчиков, а лучше перестреляем, так сказать, в порядке самозащиты.

– Брось чепуху говорить, Пахомыч, – перебил усаца Лапшин. – Меня другое интересует: кто получил данные о сегодняшнем налете? Почему мы рванулись без подготовки?

– Данные о налете были получены из управления, – вмешался молчавший до этого Зайцев. – А насчет подготовки – Лапшин прав. На эту банду нельзя идти, словно в кавалерийскую атаку.

– Хватит разговоров, – перебил заместителя Климов, – отправляйтесь спать.

Зайцев задержался в кабинете и, кривя тонкие губы, сказал:

– Плохо работаете, Климов. Надо было дать людям поговорить, а мы бы послушали.

Чувствуя, что заместитель опять прав, Климов промолчал.

Это было вчера. А сегодня Панин не явился в назначенный срок. Климов прождал больше часа, вернулся в кабинет, боится выйти даже в уборную и ждет звонка. Он посмотрел на часы и телефон.

Часы тикали. Телефон молчал.

Глава третья. Серж

Пашка проснулся, вытер о подушку вспотевшее лицо, перевернулся на спину и с хрустом потянулся. Он посмотрел на розовые в цветочках обои и знакомое пятно на потолке. Оно было похоже на одноглазую рыбу с огромным хвостом и хищной пастью.

– С добрым утром, зубастая, – сказал Пашка, сел, по-турецки подогнув ноги, и крикнул: – Нинка!

– Мадемуазель вышла.

Пашка повернулся на голос, недоуменно посмотрел на занавеску, разделявшую комнату на спальню и столовую, и спросил:

– Кто это?

– Серж. С твоего позволения.

Заскрипел стул, занавеска отдернулась и пропустила высокую прямую фигуру в застегнутом наглухо мундире.

– Серж? – удивленно протянул Пашка. – Какая нелегкая занесла? – Он соскочил с кровати и, поглядывая на неожиданного гостя, стал быстро одеваться.

– Тебя нельзя заподозрить в излишней любезности. – Серж надменно улыбнулся и согнул в кольцо гибкую трость, которую держал в руках.

– Мы с тобой кореша? Заявился в такую рань. И как ты узнал про эту малину?

Серж пожал плечами:

– Теперешние товарищи говорят: будущее за теми, кто рано встает. Когда человек мне нужен, я его нахожу.

– У меня таких товарищей нет. А Пашка Америка теперь всем нужен. Могу открыть юридическую контору. Червонец за совет. – Пашка взял полотенце и вышел из комнаты.

Он запустил примус, поставил чайник и стал умываться. Что нужно этому барчуку? И вообще, кто он такой, этот Серж? После вчерашнего разговора с Серым все посетители «Трех ступенек» стали для Пашки подозрительны. Среди десятка имен, названных Серым, был и этот длинноногий франт.

Пашка задержался на кухне и стал вспоминать, что ему известно о госте.

Он появился месяц или два назад. Его привела одна из Нинкиных подруг. С тех пор он ошивается в трактире каждый вечер. Он слишком выделялся среди постоянных посетителей, и поэтому Пашка сразу обратил на него внимание. А когда увидел узкие руки с длинными пальцами, решил, что новичок – соратник по профессии. Пашка знал одного такого же франта с наманикюренными руками. Так тот в «Балчуге» вынимал бумажники у загулявших купцов и даже не уходил из ресторана.

Пашка завел было с новичком профессиональный разговор, но в ответ получил только насмешливый взгляд.

Еще Пашка слышал, что Серж промышляет наркотиками, но не поверил этому, так как Серж сам нюхает кокаин. А точно известно, что торговцы боятся своего зелья как черт ладана и никогда его не употребляют. А этот всегда таскает в кармане трубочку, водку не пьет и ест очень мало. Типичный наркоман. Уж таких-то Пашка перевидал за свою жизнь.

Пашка поправил примус, похлопал по медному боку чайника и пошел в комнату.

Вытянув длинные худые ноги в сверкающих новых штиблетах, Серж сидел в кресле и листал журнал с голыми бабами, который всегда лежал у Нинки на столе.

– Интересуешься? – спросил Пашка, бросил полотенце на кровать и задернул занавеску.

– Только в натуре.

Серж отложил журнал и стал выстукивать какой-то марш.

Пашка посмотрел на наманикюренные руки, на черный перстень на мизинце и завистливо вздохнул:

– Богатые у тебя руки, Серж. Мягкие, узкие и не дрожат. Как это тебе удастся, чтобы руки не дрожали? Ты же нюхаешь?

– Хочешь? – Серж опустил руку в карман. – Обычно не даю, а тебе – пожалуйста.

– Перебуюсь. – Пашка закурил и бросил папиросы на стол. – Серж, ответь мне на один вопрос.

– Ну? – Серж отодвинул папиросы и достал пачку дорогих французских сигарет. – Спрашивай.

– С каких доходов ты живешь? – Пашка придвинулся ближе и почувствовал тонкий аромат духов. – Ты не деловой, это сразу видно.

Серж закурил, откинулся в кресле и пустил тонкое голубоватое кольцо.

– Ты малокультурен, Павел, раз задаешь подобный вопрос.

– Слушай-ка, ты, француз из недобитых. – Пашка встал. – Не знаю, чем ты купил отца Василия, что он перед тобой на карачках ползает...

– Чайник уже вскипел. – Серж посмотрел Пашке в глаза и улыбнулся.

Пашка принес чайник, разлил чай в чашки и посмотрел в ленивое лицо гостя. Он решил не отступать.

– А что ты делаешь каждый день в «Трех ступеньках»? Пить не пьешь. Девочки, как я видел, тебя не интересуют. Не наш ты, Серж. Ребята нехорошее про тебя думают. Так и неприятность может выйти. Народ у нас горячий, да и каждому своя шкура дорога.

– Пардон, Павел, я не понимаю, о чем ты говоришь.

Пашка смотрел, как Серж прихлебывает чай, как он косит на него насмешливым глазом, и видел, что тот все понимает и просто забавляется.

– Шлепнут тебя. Тогда поймешь.

– Тогда ничего не поймешь. – Серж отодвинул чашку. – Чему быть, того не миновать. Как это по-французски, Павел? – Он снова закурил. – Из тебя сыщик не получится. Слишком ты поговорить любишь. Да и торопишься изрядно. А сыщик должен уметь слушать, а не говорить. – Он достал из кармана пилку и, шлифуя ногти, продолжал поучать: – Смотри, сколько ты ошибок наделал. Не ты ко мне пришел, а я к тебе. Визит, надо сказать, неожиданный, значит говорить должен я. А ты должен слушать. Вместо этого ты набрасываешься на меня со своими вопросами да еще запугиваешь. И откуда у тебя вдруг эти вопросы? – Серж посмотрел на Пашку. – Что молчишь? Чем же я тебя так заинтересовал?

Пашка был уже не рад, что начал этот разговор. Видно, Серж – орешек не по его зубам. А ведь возраста почти одного. Сразу видно, что этот черт из барской семьи и наукам обучался. Ишь как говорит. Чисто адвокат.

– Интересуешься, потому что Серый попросил.

Серж опять занялся ногтями, потом неожиданно поднял голову, встретился с Пашкой глазами, рассмеялся и сказал:

– Угадал. Плохи дела у Серого, если он к тебе за помощью обратился. Я неделю назад понял, что красные сыщики ему на хвост наступили. Что же ты обязан сделать? Дырку найти? И решил начать с меня? Ну-ну. Попробуй. Только учти мои советы и не горячись. Если я тот самый, так ты можешь отсюда и не выбраться. Милиция напротив, да и у меня для этого случая должен быть наган в кармане.

Серж был явно доволен разговором. Он бросил пилку и смотрел Пашке в лицо с откровенной издевкой.

Пашка приободрился. Смотри, как много знает барчук. И не скрывает этого. Значит, не так уж плохи Пашкины дела, если не он один знает секреты Серого. Надо будет шепнуть

Серому, что Серж в курсе дел. А откуда он знает? Может, он и есть тот мент? Пашка исподтишка посмотрел на Сержа и стал разливать чай.

Серж отвернулся, достал из кармана белую трубочку, глаза у него сузились и смотрели куда-то далеко, будто видели сквозь стену.

Неожиданная мысль заскочила Пашке в голову.

– Дай-ка понюхать, – сказал он и взял Сержа за руку. – Никогда не пробовал.

– Пожалуйста.

– Кокаин, говоришь? Как это делается? – Он вынул ватку, поднес трубочку к ноздре и посмотрел на Сержа. – А может, и не кокаин совсем?

– Попробуй.

– И попробую. – Пашка зажмурил глаза и сильно втянул носом. В носу и голове стало холодно, потом легко и бездумно. Лицо Сержа увеличилось, расплылось и то ли скривилось в усмешке, то ли рассмеялось. Пашка сел и затряс головой. – Вот шибануло, – с усилием сказал он.

Серж держал склянку в руках, нюхал, и по его лицу Пашка понял, что тот сейчас ничего не слышит. А может, этого барчука Серый подослал? Может, проверяют Пашку? Вряд ли налетчик расколется перед таким чистоплюем. Да Пашка ничего и не сказал такого. Даже наоборот. Он решил помалкивать и побольше слушать. Серж нанюхался кокаина и, наверное, начнет сейчас откровенничать.

– Составим план дальнейшей беседы? – спросил Серж, как только Пашка вошел в комнату.

– Что ты меня на характер берешь? Что тебе нужно? Зачем пришел? Выкладывай, – вспылil Пашка, отказываясь от только что выбранной тактики.

– А как насчет Серого? Ты же ему помогать должен. Надо же выяснить, что я за птица? Может, я оттуда? – Серж показал на окна.

– Меня вчера про Серого еще один человек пытал, – перешел в наступление Пашка.

– Случайно, не Климов ли? – Серж показал на окна.

– А ты откуда так много знаешь? Фамилию его, например?

– Догадливый я очень. Да и друзья мы с местным начальником. – Серж вынул из кармана носовой платок и, прикрыв им рот, зевнул. – А если серьезно, то приходилось беседовать. Я не согласен с его концепцией, коллега. У меня одни взгляды на жизнь, у Климова – другие.

– Концепция – это взгляды? Да?

– Примерно.

– Так ты попроще говори, Серж. Если ты будешь эту самую концепцию загибать, а я на блатную музыку перейду, мы с тобой никогда не договоримся. Ты же по-блатному не понимаешь?

– Уел. – Серж рассмеялся. – Тут ты меня умнее, это точно. – Он испытующе посмотрел на Пашку, что-то взвешивая. – У меня вопрос к тебе ерундовый. Так, безделица одна. – Серж встал, одернул сюртук и взял в руки трость. – А, черт! – Он бросил трость и снова сел. – Не выдашь ты меня Серому?

– Стоп. – Пашка протестующе выставил руки. – Умолкни и заворачивай отсюда. Я не копилка для секретов. Мне вчерашнего разговора вот так хватает. – Он провел ладонью над головой. – Во! Видал? Разбирайтесь сами. Расселся здесь. Может, я – то? А может, то? Иди-ка добром. А нет – айда в уголовку, там и решим...

– Только без этого. – Серж вскочил, и трость лопнула у него в руках.

Пашка посмотрел на вытянувшееся лицо и рассмеялся.

– Чего это у тебя с начальником разное-то? – спросил он.

– Концепция, – ответил Серж и опустился в кресло.

– Где Нинка?

- Я ее отослал. Мне с тобой надо с глазу на глаз поговорить. Очень надо.
- Что-то не получается у нас с тобой разговора. Муть одна.
- Сядь на минуточку.

Пашка вздохнул и сел.

– Не вздыхай, сейчас все поймешь. Это я виноват, что у нас разговор не клеится. – Серж закурил, несколько раз жадно затянулся и раздавил сигарету. – Ситуация, то есть положение, – поправился он, – таково. Тебе надо искать дырку, или, как вы говорите, мента. Если ты его не найдешь, то... – Серж выразительно щелкнул пальцами. – Верно?

Пашка кивнул.

– Если найдешь, то же самое, но через некоторое время. – Серж снова щелкнул пальцами. – Ну это дело твое. А может, ты и успеешь, как вы выражаетесь, смотаться. Сейчас Серому надо доказать, что ты ему необходим. Так я берусь помочь. Ясно? Теперь вопрос, – Серж поднял палец и внимательно посмотрел Пашке в глаза, – зачем мне это надо и что я хочу за эту помощь получить? Во-первых, мне нужна Варвара. Хочешь верь, хочешь не верь, но это так. Каждому свое. И здесь мне помочь можешь только ты. Как, я потом объясню. Во-вторых, у меня с Климовым свои счеты, о которых тебе знать не обязательно. Все понял?

– А как ты мне поможешь? Ты знаешь этого мента? – спросил Пашка, подаваясь вперед.

– Не совсем, – задумчиво протянул Серж, – есть некоторые сомнения. – Он замолчал, что-то взвешивая. – Цыган, понимаешь ли, того, – Серж сделал рукой неопределенный жест, – подозрителен.

– Цыган? Кореш Серого? Ты что, спятил? – Пашка вскочил и хлопнул себя по бедрам. – Да Серый за Цыгана глотку перервет. Цыган его с последнего дела чуть не на себе вынес. Знаешь это?

– Мне бандитские одиссеи ни к чему. Они только размышлять мешают. Я знаю то, что вижу своими глазами. Этот парень появился недель шесть назад. С тех пор у Серого неудачи. Ты посмотри, Пашка, как Цыган одевается, как держится. Он не пьет, не гуляет с девками. – Серж прищурился и громко щелкнул языком. – Как? Ты видел таких налетчиков, Павел? Поверь моему чутью, он не ваш, этот Цыган. – Серж встал, рассмеялся, потом снова сел и долго смотрел на Пашку, улыбаясь.

Пашка вспоминал. И чем больше вспоминал, тем больше убеждался, что Серж говорит правду. Цыган выделялся среди ребят Серого сдержанностью и хладнокровием, собранностью и какой-то военной подтянутостью. Недавно Пашка слышал, как Цыган отчитывал силача Свистка за то, что он проломил голову сторожу. Называл его висельником и мокрушником. Говорил, что в случае неудачи уголовка шлепнет Свистка в первую очередь, и хвастался, что за ним, Цыганом, мокрых дел нет.

– И вот еще что, Павел, – прервал Серж размышления Пашки, – попробуй поговорить с ним на блатном жаргоне. Уверен, что он ни черта не поймет.

– Попробую. – Пашка сморщился, пытаясь поймать какую-то ускользающую мысль, что-то связанное с Цыганом. А может быть, с Сержем? – Попробую, – повторил он и тряхнул головой, – только этого будет мало для Серого. Цыган вроде и не калякал, что он из блатных. Он вроде этот самый, – Пашка покрутил пальцем у виска, – с мыслями.

– Идейный, что ли? – спросил Серж.

– Во-во! Идейный, – обрадовался Пашка.

– Надо поинтересоваться его идеями. Боюсь, что они красного цвета, с большевистским оттенком. Ненавижу, – Серж хрустнул пальцами, – идейных особенно ненавижу. Ничего, за все посчитаемся.

Пашка впервые увидел в лице Сержа столько злобы. Обычно флегматичный и барственно-ленивый, Серж сейчас был похож на эпилептика во время припадка. Глаза закрылись,

ноздри вздрагивали, раздувались, а полные, обычно яркие губы растянулись тонкими серыми пиявками. Между ними проглядывали острые зубы.

– Я передумал, – Серж вытер лицо платком, – я передумал, Павел. Расскажи Серому о нашей беседе. Только про Цыгана ни слова. Просто скажи: Серж хочет и может помочь. Надо же, до такого фортеля додумались! Своего человека засунули в самую душу. А Цыгана сейчас трогать нельзя.

– Это почему же? Надо только точно разнюхать. Чтобы ошибки не вышло. – Пашка почесал в голове. – Ну и силен ты, Серж. Завариваешь кашу.

– Торопиться сейчас нельзя. – Серж опять был спокоен и рассудителен. – Надо найти второго. – И, встретив недоуменный взгляд Пашки, пояснил: – Не может он быть один. Информацию надо как-то передавать. Да и трудно одному.

Пашка оценил сообразительность собеседника и спорить не стал.

Пашка скатился по ступенькам в трактир и остановился на пороге, чтобы перевести дух. Ощущение было такое, будтоходишь в парную. Вместо пара – папиросный дым, вместо запаха березы – водочно-табачный перегар. Залу наполнял монотонный гул голосов, изредка прерываемый громким возгласом или визгом девчонки. Но гул поглощал этот всплеск, равномерно растекался по стенам и потолку и гас где-то в опилках под ногами.

Пашка втянул сквозь зубы густой воздух и оглядел зал. Два стола занимала артель ломовиков. Видно, обмывают удачный подряд. Рядом красноармеец с барышней сидят за бутылкой портвейна. Три девочки отдыхают от бесцельной ходьбы и, наверное, обсуждают скупость и вероломство мужчин. Офицер – седой мужчина с породистым небритым лицом – играет на гитаре и поет:

Как бы мне, рябине,
к дубу перебраться...

Дальше все тонет, как в пороховом дыму.

Пашка сунул руки в карманы и вразвалочку пошел к стойке.

– Привет, Америка, – сказала девочка с острым носиком и впалыми щеками, – присядь к нам, изобрази кавалера.

Пашка взял ее за ухо:

– Ты же меня не любишь, пацанка. Зачем зовешь?

– Люблю, – девчонка улыбнулась, – люблю, Америка. Только я Нинку боюсь. Она за тебя глаза выпарапает.

– Стой, – Пашка хлопнул в ладони и присвистнул, – так это ты недавно у меня на улице папиросу просила?

– Я. – Девчонка смутилась.

Ее соседка откинула коротенькую вуаль и заулыбалась, блондинка напротив стала поправлять якобы сползающую на чулке резинку.

– Вы что, ошалели, девки? – Пашка сел на стул и поглядел в напудренные, яркогубые лица. – Я что вам, клиент?

Остроноса отвела глаза и тихо сказала:

– Угости, Паша.

– Николай! – крикнул Пашка и ударил кулаком по столу.

Половой, как мячик, вкатился в зал, смахнул со стола несуществующие крошки и, склонив блестящую от бриолина голову, подобострастно проговорил:

– Слушаю-с, Америка?

– Бутылку вина.

– Водки, – поправила блондинка.

– Поесть.

Пашка посмотрел в глазастое лицо девчонки и взял полового за рукав.

– Ты что же, паскудина, не видишь: люди голодные сидят?

– Так ведь их почитай за день больше дюжины зайдет. И корми каждого, – половой развел руками, – хозяин в момент накостыляет.

– У, жмотина, быстро тащи ужин! Заказывайте, девочки. – Пашка поднялся и пошел вглубь зала.

За одним из столов он увидел Сержа, который сидел с неизвестной Пашке женщиной и, улыбаясь, что-то шептал ей в самое ухо. Дамочка прижимала к губам фужер с вином, молча млея рядом с красавцем Сержем и косила на него влажными глазами. За этим же столом сидел... Пашка чуть было не споткнулся... сидел Цыган. Он, улыбаясь, что-то говорил Сержу, а тот согласно кивал и тоже улыбался.

– Никак кореша, – удивленно пробормотал Пашка, свернул к кабинетам и чуть не столкнулся с половым, который, приседая и откидываясь назад, бежал с полным подносом. Поравнявшись с Пашкой, он быстро проговорил:

– На второй червонец перевалило.

Пашка промолчал и пошел дальше.

В кабинетах никого не было, и Пашка повернул было назад, но встретился с отцом Василием.

– Здравствуй, Пашенька. Здравствуй, дорогой. Как бог грехи терпит? – быстро заговорил он, беря Пашку за локоть двумя руками. – Раненько ты сегодня. Раненько. Еще и нет никого. Или новости какие? – Глаза хозяина засветились.

– Какие могут быть у меня новости? – спросил Пашка и пожал плечами. – Пока при деньгах и не работаю.

– Не дури, Пашенька, – хозяин цепко держал его за локоть, – о чем тебя Серый просил, помнишь? Узнал что-нибудь?

Мимо прогрохотал с подносом Николай, и Пашке вдруг показалось, что он нарочно уронил рядом с ними вилку и теперь, поднимая, прислушивается.

Когда Николай скрылся на кухне, Пашка спросил:

– Откуда этот рыжий?

– Сыночек свояка моего. Божий человек. – Отец Василий махнул рукой. – Эка загнул, Пашенька.

– Вот и закладывает вас этот божий человек, – сказал Пашка. Воспользовавшись тем, что хозяин его отпустил, он повернулся и пошел в зал.

– Америка! – окликнул его Цыган и показал на стул. – Присядь на минутку.

Пашка подошел, но садиться не стал.

– Осколки прежней роскоши, Мишель, – сказал Серж и кивнул в сторону офицера, – георгиевский кавалер.

– Такова жизнь, – ответил Цыган, – слабые погибают первыми.

К офицеру подошел криливо одетый нэпман, он остановился в двух шагах и, явно пытаясь привлечь внимание зала, сказал:

– Хочешь выпить, гусар?

– Хочу, барин, – ответил офицер и поднял голову.

– Держи, – нэпман бросил монету себе под ноги, – гуляй, гусар.

Кругом засмеялись, офицер вздрогнул. Казалось, сейчас он ударит обидчика, но вот на лице его появилась деланая улыбка, он поклонился.

– Спасибо, барин. – Офицер картинно встал на колени и протянул руку к деньгам.

В этот момент вскочил Цыган и наступил на монету.

– У меня к вам личная просьба, – сказал он нэпману, – поднимите деньги. Я вас очень прошу, любезный.

В зале стало тихо. Все с любопытством смотрели на нэпмана, который из кошки превратился в мышь. Секунду нэпман не двигался, улыбка стала сползать с лица Цыгана.

– А-а! – произнес напряженный женский голос...

Нэпман, боясь опоздать, упал на колени, схватил монету, вскочил и хотел идти к своему столу, но испуганно остановился.

– Любезный, – сказал Цыган, и улыбка снова вскарабкалась на его лицо, – любезный, подарите господину офицеру сто рублей и, если у вас есть свободное время, извинитесь перед ним. – Цыган не стал ждать, когда нэпман выполнит его указание, резко повернулся на каблучках и пошел к Сержу.

Зал зашумел.

– Покойник не состоялся!

– Силен, бродяга!

Пашка вернулся к своему столу, где в центре по-хозяйски сидела Нинка. Он молча кивнул и сел рядом. Чувствуя, что сейчас разгорится скандал и их могут выставить на улицу, женщины торопливо ели, только глазастая девчушка, которая первая поздоровалась с Пашкой, водила вилок по столу и испуганно поглядывала на Нинку. Пашка тоже оглядел Нинку и неожиданно разозлился. Разозлился на ее крепдешиновое платье, на сытую, самодовольную физиономию, на брезгливую складку у рта, которая ярче выступила, когда Нинка смотрела на жующих женщин. Он разлил всем водку, выпил и взял в руки огурец.

– Павел, – многозначительно протянула Нинка и сделала круглые глаза.

– Я парень простой, – огрызнулся Пашка. – Точнее сказать, деловой, и мне можно есть руками, – добавил он, с вызовом посмотрев на Нинку. – И ты, уличная девка, из себя краплю не строй.

Женщины перестали жевать и сидели с каменными лицами, а девчушка стала потихоньку сползать со стула, считая за лучшее незаметно исчезнуть.

Нинка сделала вид, что ничего не слышала, достала зеркальце и стала пудриться и мазать рот.

В это время из-за стола, где гуляли извозчики, поднялся мужчина и, покачиваясь, подошел к Пашке.

– Друг любезный, эти девочки все с тобой? – тщательно выговаривая слова, спросил он. Блондинка встала, сделала руку крендельком и пропела:

– Девочки, нас зовут. Ах, какой хорошенький, прямо душка, – и похлопала по небритой, воспаленной физиономии мужчины.

– Сиди, – строго сказал Пашка девчушке, увидев, что та встала и одернула платице.

Когда женщины ушли, он взял ее за руку и спросил:

– Тебя как зовут?

– Аленка, – сказала девчушка и облизнула губы.

– Знакомься, Нинка. Аленка, моя подружка.

Подлетел потный половой и, запыхавшись, прошептал:

– В кабинет просят.

Пашка встал.

– Аленка, ты не уходи без меня, – сказал он и повернулся к Нинке, – и ты подожди да присмотри за девчонкой. Я сейчас.

Серый был в кабинете один. Он молча подвинул Пашке полный стакан, выпил сам, поел и только тогда спросил:

– Ну? Какие новости? И что это ты здесь пел про полового?

– Не нравится он мне, – упрямо сказал Пашка.

Глава четвертая. Больше ждать нельзя

Решив действовать, Климов успокоился. Он собрал в охапку учебники, которые штудировал последнее время, и положил их в диван. Вынул из стола наган. Почувствовал его товарищеское рукопожатие, вытер ствол и щелкнул курком. «Порядок, Климов. В атаку!» Он окинул взглядом кабинет, будто уходил навсегда, и захлопнул дверь.

Начальник встретил Климова радостно, как лучшего друга.

– Рассказывай, Василий, как живешь-дышишь. Как налетчики, как ребята? Докладывай подробно и коротко.

Климов рассказал, что в общем и целом порядок, что ребята залезли Серому за пазуху, но ждать больше не вмоготу, и вот какой у него, Климова, есть план.

Начальник терпеливо слушал, тер ладонями шишковатую голову, несколько раз одобрительно поддакнул, а когда Климов закончил, сказал:

– Прав ты, Василий. И вот еще что: надо кого-нибудь из наших в трактир подослать, проверить, как там ребята, не горячатся ли. Постой, не перебивай. Я тебя слушал, и ты меня выслушай. Взять с поличным одного Серого – не решение вопроса. Он может не знать источника информации, а может и не назвать его. Может не назвать своего хозяина. Так брать – все равно что больной зуб сломать, а корень оставить. Дам я тебе на пару дней человека. – Начальник снял телефонную трубку и сказал: – Пусть Фалин зайдет.

Через несколько минут в кабинет вошел невысокий мужчина средних лет. Он мягко пожал Климову руку, поправил пенсне и сел в большое кожаное кресло, как в норку спрятался. Молча слушал начальника и Климова, а в ответ только поблескивал своими стеклышками. Когда все было переговорено, Фалин, протирая пенсне и беспомощно щуря воспаленные глаза, сказал:

– Все понял. Проверить обстановку и посмотреть, не гусарят ли мальчики. Предлагаю легенду. Я, – он встал и выпятил грудь, – бухгалтер или кассир, растратчик. Деньги на исходе, раньше гулял в «Максиме», «Праге» и «Яре», теперь опустился до третьеразрядного заведения. Хорохорюсь, – Фалин поднял подбородок и развинченной походкой прошелся по кабинету, – но и боюсь. – У него пьяно задрожали губы, он уцепился за рукав начальника. – Жизнь моя поломатая. Слушай, друг, сколько стоит хороший паспорт?

Начальник обнял Фалина за плечи и взглянул на Климова.

– Видал? Только где же мы денег возьмем для этого гуляки? На исходе-то на исходе, а деньги нужны. Червонца три я найду...

– У нас есть, – перебил Климов, – я как получил на нужды отдела, так и не трогал.

Климов врал. Все казенные деньги он до копейки отдал Панину и Лаврову. Была собственная зарплата, и можно было собрать с сотрудников.

Фалин хитро подмигнул и сказал:

– В милиции деньги вообще не нужны, и начальник там зарплату пять раз в месяц получает.

Климов понял, что его ложь не удалась, и постарался замять разговор.

– Николай Федорович, отпустите Фалина прямо сейчас. Мы с ним еще потолкуем, уточним детали, то да се.

– Кто его держит, – сказал начальник. – Получи в кассе деньги и отправляйся. И чтобы в четверг утром был здесь. Никаких опозданий.

Через час они вместе вышли из управления и переулочками направились в сторону Никитских ворот, где жил Фалин. Шли, покуривая, не торопясь, изредка роняя незначительные фразы.

Климов со страхом думал о возвращении в ненавистный кабинет. О телефоне и часах, об учебниках, которые придется вытащить из дивана, о ребятах, – может, они звонили. Неужели ему, Климову, теперь придется всю жизнь прятаться за чужие спины? Загрести жар чужими руками? И ждать. Думал о Фалине, бодро шагающем рядом. Кто он? Чем занимался до революции? Почему работает в уголовном розыске?

Фалин будто почувствовал, что о нем думают, хлопнул Климова по плечу и сказал:

– Выручил ты меня, Климов. Прямо надо сказать – спас. С утра и до утра картотеку на уголовников составляю, выявляю, сопоставляю. Решило начальство, что у меня талант к этому делу. И вот целыми днями одно и то же. Рука не пишет. Веришь ли, – он остановился и опять хлопнул Климова по плечу, – сидеть устаю, подушку под задницу подкладываю. Для меня твое дело – курорт. Кстати, приметы и имена твоих ребят я помню, а какой пароль?

– Нет пароля. Не договаривались мы. – Климов задумался. – Передашь привет от бати из Киева. Так и скажи: кланяется, мол, батя из Киева. Это начальника у них батей зовут.

– Понял. Дальше не провожай. – Фалин остановился и протянул руку. – Вечером отправляюсь, а утром позвоню. Лады?

– Лады, – сказал Климов и вздохнул. – Буду ждать.

В кабинете ничего не изменилось. Климов проверил, работает ли телефон, и завел часы, из дивана достал учебники, разложил их перед собой, а наган забросил в стол, закурил трубку и приготовился к худшему: сутки никаких известий.

Резко затрещал телефон.

– Слушаю, – сказал Климов.

– Вася, здравствуй. Как поживаешь? – раздался издали голос Панина. – Зайди через час, пропустим по рюмочке.

На условном языке это означало, что Климов должен быть через час в квартире на Зубовской площади.

Климов пришел на пятнадцать минут раньше, но Панин уже был на месте. Он сидел верхом на стуле и сиял всеми веснушками.

Климов думал начать с выговора, но вместо этого схватил Николая за плечи, хотел обнять, передумал и дал подзатыльник.

– Ах так! – Панин рванул Климова за руку, сделал подсечку, но не удержался и тоже шлепнулся на пол.

Так они и сидели на полу друг против друга, улыбались и молчали. Первым взял себя в руки Климов. Он вскочил, дернул Николая за рыжий вихор и кивнул на стол.

– Садись, атаман, докладывай. Подробно и коротко. Начни с причин, по которым больше месяца не являлся. И потом – если кто увидит, как ты по телефону разговариваешь? Кому ты звонишь?

– Значит, так. – Николай потер руки, откашлялся. – Как мы и договаривались, пришел я в трактир, нашел хозяина, поклонился низко и передал письмецо, которое вы мне дали. Отец Василий читает и на меня поглядывает, потом перекрестился, обнял меня и говорит: «Великий ты мученик, Николушка. А отец твой – святой человек». А не являлся я, так как отец Василий не любит, чтобы от дела куда отлучались. Доверяет. Полностью доверяет. Даже ключи от кассы дает. Но будь мил, – он развел руками, – будь всегда на месте. Только он все удивляется, что рыжий я; качает головой и вздыхает: «Матрена, Матрена, грешница ты великая».

Климов рассмеялся.

– Расспрашивал про дом?

– Расспрашивал. Да я как начал плакаться на большевиков, мол, землю отобрали, лошадей и коров отобрали. Он как закрестится: молчи, раб божий, говорит, за все они, антихристы, ответят. Приголублю, Николушка. Одной крови мы. И два червонца в месяц мне положил. – Николай вынул из кармана пачку денег. – Вот, возьми, Василий Васильевич.

Климов пересчитал деньги.

– Почему так много? Я тебе два червонца дал, да два ты получил. А здесь девять.

– Я в рост даю. Я ж кулацкий сын. Я вот... – Николай сделал жест, будто выжимает тряпку. – Ростовщическая контора «Панин и сыновья». Если на день, то тридцать процентов, на два – сорок, три – пятьдесят. Обязательно должен быть поручитель, а то вы должника этого посадите, и пропали мои денежки. – Он достал из кармана клеенчатую книжечку и огрызок карандаша. – Это вам. – Он вырвал несколько листков. – Имена и клички уголовников. В скобках буквы стоят: «к» – карманник, «м» – мошенник, «г» – грабитель. Это моя бухгалтерия: кто сколько мне должен.

Климов посмотрел в простодушные глаза рыжего паренька, не выдержал и опять рассмеялся.

– А насчет телефонных звонков вы не беспокойтесь, – продолжал отчитываться Панин, – специально завел себе девицу с телефоном и названиваю ей целыми днями. Хозяин поощряет, так как отец у этой девчонки скобяными товарами торгует. Нэпман, в общем. Теперь о деле. В банде шесть человек. Имена, клички, приметы – здесь. – Он показал на свой блокнот. – Серый подручных держит крепко, не пишат. Но и сам Серый под каблуком ходит. Хозяина Серого назовем пока иксом. Денег у бандитов ни копейки, едят и пьют в долг у хозяина. Этот икс не появляется, и знает его, видимо, один Серый. Икс готовит налет и поддерживает связь с нашим... – Николай замялся.

– Ну ясно, – сказал Климов.

– Возможно, что этот человек и является наводчиком. Михаил слышал, что Серый ругался со своими дружками из-за золота, которое было взято при последнем налете. Якобы икс не разрешает реализовывать золотые вещи и настаивает, чтобы увезти их из Москвы.

– Не дурак этот икс. – Климов вынул трубку и кисет с табаком. – Мы на всех скупках людей держим, ждем. У них не только золото. За последний месяц бандиты два комиссионных магазина и ломбард взяли. Вещей целый воз, на многие тысячи рублей. Где же они все это, черти, держат? Ни одно кольцо, ни одна тряпка не появлялась в городе.

– Не черти, а один черт, Василий Васильевич, – поправил Николай. – Если бы Серый или тем более его ребята имели подход к награбленному, то давно бы все продали.

– Как они отнеслись к последним провалам? – спросил Климов.

– Лавров говорит, что догадываются о нашем существовании. Хотели уходить из Москвы, но икс соблазнил большим делом. Сейчас готовят это дело и нас ищут. Тыркаются, как слепые котята.

– Конкретнее, пожалуйста. Как именно они тыркаются? Кого подозревают?

– Закупорка вышла у нас с Михаилом, – не отвечая на вопрос, продолжал рассказывать Панин. – Подойти-то к Серому мы подошли. Да недостаточно близко. Топчемся на месте. Ничего конкретного раздобыть не можем. Как лбом об стенку. Михаил то с одной стороны зайдет, то с другой. А я вообще пустое место: подай, прими, пошел вон. Вся надежда на Мишку.

Климов молчал и внимательно смотрел в лицо Николая. Что-то парень недоговаривает. Не все у них так гладко и благополучно. Ничего, Фалин – мужик опытный и разберется, что к чему. Климов отодвинул лежащие на столе деньги.

– Спрячь, Николай, пригодятся.

– Вы что? – Панин покрылся румянцем. – За кого вы меня принимаете?

– Бери, красная девица. Деньги – вещь нужная. Сегодня вечером в трактире появится один человек. Лет около пятидесяти, маленький, щупленький. В пенсне со шнурком. Посади его за свой стол и передай эти деньги.

– Проверяете? – недовольно буркнул Николай и сунул деньги в карман.

– А ты как думал? Хочу точно знать, что у вас там делается. Почему Михаил не пришел?

– Говорит, не стоит рисковать.

– Тебе стоит, а ему нет?

– Я-то вне подозрений, – поняв, что проговорился, Панин замолчал.

– Так, – протянул Климов и встал. – Вот и добрались до истины, мальчуган. Значит, не такие они слепые. Если ты сейчас мне всю правду не расскажешь, я тебя назад не пушу. И Лаврова сегодня же вытащу и вечерним поездом отправлю в Киев. Понял? Выкладывай!

Возвращаясь в отдел, Климов вспоминал весь разговор с Паниным и пришел к выводу, что пока все правильно и ребята на верном пути. А что он, Климов, может сделать и чем может помочь им в выполнении задания?

Кто-то крикнул над ухом, Климов поднял голову и еле успел схватить под уздцы наезжающую на него лошадь.

– Ослеп, паря? – крикнул извозчик, откидываясь назад и натягивая вожжи.

Климов похлопал по горячей и пахучей конской шее.

– Орловский красавец, беречь надо. Отпусти шенкеля, живодер, и левую заднюю перекуй, – сказал он и опять похлопал по шелковистой шее.

– Советничек нашелся.

Климов проводил взглядом пролетку и вернулся к своим размышлениям.

«Без меня в отделе девять человек. Конова в сторону, только из яйца вылупился, а предатель – человек с прошлым. Сомова тоже в сторону, чуть не разбился, а если бы не проломил своими сапожищами налетчику голову, то заполучил бы ценного свидетеля. Остается семь. Каким он должен быть? Во-первых, хорошим служакой. Держаться, чтобы ни сучка ни задоринки. Таких четверо: Шленов, Лапшин, Яшин и... Зайцев».

Климов сунул в рот трубку. «Пожалуй, Зайцева надо отбросить, слишком умен, чтобы связываться с бандитами, должен понимать, что их удача – дело временное. А если заставили? Нашли какие-нибудь старые грехи, шантажировали и заставили? – Климов вспомнил характеристику ЧК и покачал головой. – Да и слишком заносчив, ершист, а тот должен быть тише воды ниже травы. Остаются трое». Климов понял, что загнал себя в тупик, так как в предательство кого-нибудь из этих троих он поверить не может.

В отделе никого не было, только в маленькой комнатухе, отведенной для чистки оружия, Климов нашел Шленова. Перепоясанный засаленным фартуком, он сидел на табуретке, держал в руках разобранный наган, что-то насвистывал в усы и, прищуриваясь, оглядывал стол, на котором были разложены различные пилочки, отверточки и другие инструменты.

– У Витуна наган барахлит, вот и мастерю помаленьку, – сказал он, увидев Климова.

– Ты у нас на все руки, Пахомыч, – сказал Климов, усаживаясь на подоконник.

– Садись сюда, Василий. Застышь. – Шленов выдвинул ногой табуретку, потом пошевелил пальцами и взял какую-то пилочку. Тоненькая пилочка прилипла к его пальцам, как к магниту, он ловко перехватил ее и стал подтачивать курок. – Молодежь, известно, что про оружие знает: куда патрон сунуть да за что держать, – бормотал он в усы. – А наган, он, как баба, ласку и уход уважает, а не соблюдешь – продаст. Опять же, как баба, продаст в самый роковой момент.

Климов улыбнулся рассуждениям старика. Шленову перевалило за пятьдесят, и в отделе его считали стариком. Потом спросил:

– А откуда же ты всю оружейную механику знаешь?

– А чего мастеровой мужик не знает? Я тебе хошь швейную машину, хошь часы, хошь лисапед почию, – ответил Шленов и взял в руки иголку. – Удивляюсь я на твоего заместителя, Василий. Военный человек, а оружие не любит. Я давеча его наган чистил, он как положил его в стол, так и в руки не брал больше года. Так в том нагане разве что мыши не завелись. Я и спрашиваю, что же вы, господин хороший, так с оружием обращаетесь, народное добро опять же? – Шленов отложил инструменты, быстро собрал наган, шелкнул курком и любовно погладил. – А заместитель твой скривился и говорит: «Я свое отстрелял, Иван Пахомович,

сейчас, наверное, с десяти метров в дом не попаду». А я считаю, что непорядок. – Шленов убрал инструменты и стал снимать фартук. – На нашей работе без оружия ходить не дело.

Климов ничего не ответил и пошел к себе в кабинет.

В этот вечер Климов решил устроить себе выходной. Панина он видел, налетчики сейчас переживают тяжелые дни, и им не до работы, а он, Климов, тоже человек. Приняв такое решение, он побрился, надел лучшую рубашку, на всякий случай сунул в карман маленький браунинг и отправился в Сокольнический парк.

Вечер был теплый, но не душный, и парк был переполнен, как муравейник. На открытой террасе Климов выпил пару кружек пива, попыхивая трубкой, посидел с полчаса, бездумно разглядывая гуляющих, выслушал громкоговоритель, который срывающимся на бас женским голосом сообщил, что и где ожидает отдыхающих, и пять раз повторил, что сегодня самый последний день, когда можно посмотреть мировой боевик «С черного хода» с участием очаровательной Мэри Пикфорд.

Климов принял все эти сообщения к сведению и отправился в бильярдную, где два часа гонял шары с местным «жучком». «Жучок», нахваливая посредственно играющего Климова, продул ему партию и предложил удвоить ставку, а увидев, что партнер – калач тертый, стал выигрывать подряд, пока Климову это не надоело. Расплатившись с хозяином заведения и с «жучком», Климов выбрался на свежий воздух и увидел, что уже поздно и гуляющих поубавилось.

Тогда он направился к своему любимому развлечению – качелям. Проходя мимо тира, Климов услышал дружные аплодисменты и присоединился к зрителям, а когда увидел стрелка, протолкался ближе и встал за широкой спиной высокого военного.

У барьера стоял Зайцев, точнее, он стоял не у барьера, а отступя шага на три. Винтовку «монтекристо» он держал в одной руке, словно пистолет, и, широко расставив ноги, медленно поднимал ее вверх. Климов понимал в стрельбе толк и знал, что так держать винтовку может только очень опытный стрелок. Судя по реакции зрителей, огорченной физиономии хозяина, пузатому кофейнику и флаконам одеколона, стоящим на барьере, было ясно, что заместитель стреляет удачно.

Раздался выстрел, и на стене тира улыбающийся молотобоец опустил свою кувалду на голову пузатого и коротконогого буржуя. Все захлопали, а хозяин поставил на барьер чашку с привязанной к ней плиткой шоколада.

– Стреляй еще, товарищ. Закрой эту буржуйскую контору, – закричал белобрысый парень. – Я неделю назад полполучки прохлопал.

– Последний, – сказал Зайцев, заряжая винтовку.

– Больше не попадет, рука не выдержит, – уверенно сказал военный, стоявший перед Климовым.

Зайцев брезгливо улыбнулся и стал медленно поднимать винтовку. Все затаили дыхание, а спокойный женский голос произнес:

– Я не видела, чтобы Владимир промахивался.

Климов скосил глаза и увидел модно одетую женщину, что-то неуловимо знакомое было в ее лице. Ударил выстрел, и по реакции публики Климов понял, что Зайцев не промахнулся. Продолжая стоять за спиной военного, Климов увидел, как заместитель подошел к барьеру, положил винтовку, отвязал от чашки плитку шоколада, потом подошел к женщине и, взяв ее под руку, сказал:

– Пошли, сестра.

«Конечно, сестра, – подумал Климов, глядя им вслед, – как это я сразу не понял?.. Чтобы так стрелять, надо тренироваться, а Шленов говорил... Зачем же Зайцев врет? И выправка, и морду брезгливо воротит – типичный петлюровец. А характеристика ЧК? Все равно надо проверить».

На следующее утро Климов первым делом написал в управление запрос, чтобы ему прислали личное дело заместителя.

Глава пятая. Серый

Игорь Рыбин родился на воровской малине, а его мамой была та самая воровская «мама», которая укрывала беглых, принимала у деловых левый товар, поила водкой околоточного, а в праздники носила подарки приставу. Игорь не изучал блатного языка, как не изучал русского или любого другого, он говорил на языке своего дома и очень удивился, когда случайно выяснил, что большинство людей говорят иначе. В двенадцать лет Игорь попался на краже, был бит в участке и больше месяца болел. Мать он ненавидел даже не за то, что она его вырастила вором, а за глупость, жадность и неумение стать чем-то большим, чем воровская «мама». Однажды он ободрал ее дочиста, ушел из дому, и на Хитровке появился налетчик Серый. Кличку Игорь получил за цвет лица, густо усыпанного темной сыпью пороховых точек – в детстве ковырял патрон. Серый не признавал никаких законов, даже воровских, за что был неоднократно бит, но быстро вставал на ноги и с изощренной жестокостью расправлялся с врагами. Наконец с ним решили разделаться, но Серый сел. И сел он так прочно, что даже неразбериха, возникшая в уголовной тюрьме в дни Февральской революции, не открыла дверь камеры Серого.

Из тюрьмы он освободился случайно. Побег при новой власти стали почти невозможны, а срок был длиною в жизнь. И вдруг понаехали прокуроры и какие-то комиссии. Начались разбирательства, были обнаружены перегибы или недогибы. Прежнее начальство разогнали, а заключенных по очереди приглашали в кабинет с длинным столом и дубовыми стульями. Комиссия из пяти человек долго расспрашивала Рыбина, за что он год назад ударил начальника. Какие у Рыбина политические взгляды. Парень в гимнастерке сказал речь о политическом чутье и дальнорукости. Или близорукости. Точно Рыбин не помнил. Главное, он сообразил вовремя сказать о сиротском детстве и о ненависти к буржуям. Через несколько дней его освободили, пожали на прощание руку и даже дали денег на дорогу.

Через неделю Серый был в Москве. Здесь ему опять повезло. На случайной малине он встретил старого кореша, который свел его со Стариком. Поначалу дело выглядело как червонное золото. У Старика в районной уголовке был свой парень. Роли распределились так: Старик давал наводку и предупреждал о засадах и других замыслах ментов. Серый должен был собрать боевых ребят и приходить на готовенькое. Куш – пополам. Разница только в том, что Старик один, а у Серого на шее целая капелла. Но дело все равно выглядело заманчиво, и Серый согласился.

Ребят он собрал быстро. Свистка и Валета подобрал на Сухаревке. Они там шаршили пьяных и еле перебивались с хлеба на квас. Потом Серый шлепнул Вихря, приобрел классную девку и трех вышколенных налетчиков. Началась работа. Наколки у Старика были правильные. Взяли две кассы, прибарахлились. Не жизнь, а сказка. После третьего дела уголовка зашевелилась, но Старик знал все, даже когда начальник ходит в сортир. Свидетелей Свисток не оставлял, спать можно было спокойно. Потом два комиссионных магазина и ломбард. Связываться с барахлом Серый не любил, предпочитал наличные. Но Старик соблазнял тем, что продажа барахла налетчиков не коснется. И тут Серый дал промашку и согласился. Старик принял награбленное, а денег не дал. Сказал, что надежный скупщик, на которого он рассчитывал, уехал в Одессу и надо ждать его возвращения. А пока Серому и ребятам будет устроен в «Трех ступеньках» неограниченный кредит.

Однажды, когда Серый шел с Варькой по Ордынке, рядом остановилась шикарная пролетка, в одном из сиденьев он узнал Кобру, старосту тюремной камеры, где Серый провел последние семь лет.

– Хорошо, что встретил, – просипел Кобра, – отправь девку и садись, ты мне нужен.

Серый не посмел послушаться бывшего старосту, попрощался с Варварой и вскочил в пролетку. Спутником Кобры был хорошо одетый, высокий и стройный молодой парень с бледным нервным лицом. Когда старые приятели за столом ресторанный кабинета вспоминали тяжелые дни, он молчал, прихлебывал шампанское и мямлил в тонких выхоленных пальцах мундштук дорогой папиросы. Парень был явный барчук, и Серый, разговаривая с Коброй, то и дело удивленно поглядывал в бледное, тонко очерченное лицо с красивым разлетом черных бровей. Неожиданно парень кликнул официанта, попросил счет и сказал Кобре:

– Тебе пора закругляться. – Он встал. – Я возьму извозчика и подожду у выхода.

– Мне из Москвы надо срываться, Серый, – просипел Кобра, когда парень вышел. – Возьми малого, ему цены нет. – Он стукнул кулаком по столу. – Возьми. Ты меня знаешь? Так он вернее. За таких ребят надо деньги брать, но я отдаю даром, так как он не хочет уезжать из Москвы. Он немного на политику тянет, но это не беда.

Так Серый познакомился с Цыганом. Просьба Кобры была законом, но Серый все приглядывался к новичку и, чувствуя в нем чужака, на дело не брал. Цыган обыгрывал ребят в карты, молчал, а через неделю отвел Серого в сторону.

– Я пойду, пожалуй, не нравится мне здесь. Тебе, кажется, уголовка на хвост наступает, а у меня нет настроения пить, играть в карты, а потом отвечать за чужие дела.

– Свои дела хочешь иметь? – спросил Серый. – Хорошо, завтра идем на дело.

Цыган оглядел Серого с головы до ног, словно только увидел, прищурился и сказал:

– Я не щенок, чтобы есть, зажмурившись, из чужих рук. Не хочешь – не бери, я не напрашиваюсь. А берешь, так рассказывай, как и что. Вместе обмозгуем.

Посидели, обмозговали, и Цыган дал дельный совет. После этого Серый до выхода на дело не отпускал его от себя ни на шаг. Отправились в пятером: Серый, Цыган, Мальчик, Свисток и Валет. Не доезжая двух кварталов, оставили пролетку, которую брали для таких дел на ночь у знакомого лихача, дальше отправились пешком: ребята впереди по одной стороне, Серый и Цыган – немного сзади – по другой.

Ночь была сырая и темная, два фонаря, которые должны были освещать улицу, Валет разбил накануне, и в нескольких шагах уже ни черта не было видно. Серый шел за спиной Цыгана, и, когда тот неожиданно остановился, Серый ткнул его наганом.

– Чего встал?

– Мотор где-то тарахтит.

– Это у тебя от страха в животе тарахтит, – ответил Серый и выругался, но, почувствовав, как Цыган стиснул ему локоть, тоже прислушался.

– Не знают точно, где ждать, и ездят, ищут. Уходить надо, – уверенно сказал Цыган и потянул Серого за рукав. – Свистни ребятам.

В шелестящей тишине ночи Серый услышал слабый стук автомобильного мотора.

– Подождем, – сказал Серый, мягко взвел курок нагана и направил ствол в бок Цыгана.

Стук мотора усилился, и в конце улицы мостовая заблестела под слабым светом автомобильных фар. Свет медленно пополз вперед, тускло блеснул на окнах, выпятил облезлые стены домов, тумбу с афишами и притаившиеся рядом три фигуры, которые тотчас же открыли по машине огонь, и та гроыхнула ответными вспышками выстрелов.

– Идиоты, – зашептал Цыган и попятился.

Серый рванулся к оставленной пролетке, поскользнулся на мокром булыжнике, упал и тотчас же вскочил, но резкая боль в ступне заставила его вновь опуститься на мостовую. А улица грохотала выстрелами, криком и топотом. Свисток, Валет и Мальчик побежали, отстреливаясь, и, не обратив внимания на окрик Серого, вскочили в пролетку и скрылись за углом. Серый поднялся, на одной ноге сделал несколько неловких скачков и упал бы снова, но его подхватил Цыган, о котором Серый совсем забыл, перенес его к дому и зашептал:

– Идиоты, хотят на кобыле от машины уйти. Не вздумай стрелять, Игорь, стой тихо.

Машина проскочила мимо, притормозила на повороте, и оттуда раздался громкий уверенный голос:

– Пролетку догоним! Шленов, Виктор и Лапшин, оставайтесь! Бандиты прячутся где-то здесь.

– Жди, я сейчас вернусь, – шепнул Цыган и исчез.

Серый стоял, прижавшись к стене. Мокрый от дождя и страха, он шарил рукой в пустом кармане и точно помнил, что, поднимаясь, оставил наган на мостовой, но не хотел этому верить и все ощупывал себя дрожащими руками. Вдруг по мостовой защелкали пули и с чердака соседнего дома захлопали выстрелы. Три человека, шумно дыша, пробежали мимо Серого, спрятались за углом, пальнули оттуда по чердаку. Ответа не было.

– Засели, бандюги. Ну, теперь не уйдут. Вы идите во двор, стреляйте и делайте вид, что поднимаетесь по лестнице. Я сейчас их пришиблю, – произнес глухой бас, и Серый увидел, как две тени метнулись через улицу во двор, а кто-то стал подниматься по водосточной трубе.

«На Свистка похож, только ловчее, подлюга, – подумал Серый, глядя, как фигура карабкается уже на уровне третьего этажа, и бессильно стиснул кулаки. – Подстрелить бы этого циркача. Уходить надо». Он сделал неловкий шаг и вскрикнул от боли. Мокрая ладонь зажала ему рот, и неизвестно откуда появившийся Цыган зашептал:

– Пусть поищут товарищи. Идти не можешь? – Он взял Серого за руку, нагнулся, перекинул через себя и понес вдоль дома.

Лабиринтом проходных дворов, сопровождаемые все продолжающимися выстрелами, они выбрались на Мытную.

– Жди, я сейчас, – сказал Цыган, и Серый опять остался один. Он стоял, привалившись к сырým бревнам сарая, стоял на одной ноге, безоружный, стоял и не верил, что Цыган вернется. Но Цыган вернулся. Он соскочил с остановившейся у двора пролетки и, нарочито ругаясь, сказал, ища сочувствия:

– Наградил бог зятком, что ни день, то пьян вмертвецкую. – Он затащил Серого в пролетку и хлопнул по равнодушной спине кучера. – Пошел, дядя.

Серого трясло и тошнило, будто он был действительно пьян. Привалившись к твердому плечу Цыгана, он сквозь стиснутые зубы проклинал бросивших его подручных. Старика, который лежит сейчас в теплой и безопасной постели, и ментов, которые стали хитрее любого змия.

– Перестань шипеть, – сказал Цыган.

Серый обхватил его за шею.

– Никогда не забуду, Цыган. Ты настоящий кореш.

– Не был бы ты мне так нужен, оставил бы подышать под забором, – неожиданно громко ответил Цыган и оттолкнул его руки.

При тусклом свете уличного фонаря Серый увидел его бледное лицо с черными, словно приклеенными бровями, злые глаза и острые блестящие зубы.

Серый вздрогнул как от пощечины, но промолчал и тут же решил припомнить мальчишке его слова. Он уже забыл, что «верные» кореша его бросили, а Цыган только что спас, и прикидывал, зачем он так нужен парню и как ему при случае отомстить.

Утром Серый узнал, что Мальчик убит, а Свисток и Валет спаслись только чудом: у ментов сломался автомобиль. Нога у Серого скоро прошла, фразу, сказанную Цыганом в ту ночь, он не забыл, но верил новому помощнику, ценил за смелость и находчивость.

Серый катал на скатерти хлебные шарики и вспоминал разговор с Пашкой.

Этот Серж знает много. Не слишком ли много для просто умного и наблюдательного человека? Интеллигент. Что ж, и такие есть в уловке. Какой-нибудь профессорский сыночек. Идейный. От помощи, конечно, отказываться нельзя. Может быть, и поможет. А нет, так поиграем, расколем и уберем. Но не слишком ли много набирается покойников? За ним, Серым,

мокрых дел нет. Вихрь не в счет, за него вышку не дадут. Хорошо, что существует Свисток. Этому стрелять и проламывать головы – одно удовольствие.

Серый оглядел маленький, пропахший водкой и табаком кабинет. Как одиночка. Вот попал. И не выберешься отсюда. А какое было начало! Может, таким, как Валет и Свисток, вполне достаточно, когда водки и жратвы вволю, но Серый хочет большего. Да и опасно здесь становится. Менты, видно, сообразили, что среди них предатель, и повели атаку с другого конца. Старый хрыч только руками разводит, мол, все спокойно. А Серый дважды налетел на засаду и еле ноги унес. Теперь, выходит, поменялись местами. У уголовки и глаза, и уши, а Серый, как слепец, палочкой под ногами шарит, прежде чем шаг ступить. В жмурки играют, только водить все время Серому приходится. Не устраивает его такая игра, слишком ставка высокая. Хотя мокрых дел за ним и нет, а в случае провала все равно могут вышку дать.

Серый провел ладонью по лицу, вытирая пот.

А может, и обойдется? Ничего у ментов конкретного нет. Иначе бы давно повязали. Даже наган он теперь не носит, чтобы не к чему было прицепиться. А все равно страшно. Бросить все, взять Варвару и уехать? Денег нет, и доля, что хранится у Старика, пропадет. И куда ехать? Начать на пустом месте? Одному?

Звякая графином о стакан, он налил водки и, медленно процеживая сквозь зубы, выпил.

Богатое дело задумал Старик. На много лет хватит. Тогда можно и сорваться. Все готово, а идти нельзя, пока не нашли этого мента. Лучше явиться в милицию с повинной, чем идти сейчас на это дело.

Серый достал из кармана список подозреваемых. Здесь были все, кроме Старика и самого Серого.

Варвара? Ничего не знает. Валет, Свисток? Смешно! Ребята Вихря? В сторону. Если кто из них, взяли бы давно. Цыган? Он последний вошел в группу. И при нем не было ни одной удачи.

Серый опять взялся за графин, расплескивая, налил полный стакан.

Молокосос и не блатной. Но зато какая рекомендация! От самого Кобры. А как спас его, Серого? Мог шарахнуть наганом по башке, и каюк.

И все-таки Серый поставил против имени Цыгана вопрос.

Теперь этот Серж. Что он за птица? И откуда он все знает? Если это мент, то зачем открыл Пашке карты? Зачем сам лезет в петлю?

Серый спрятал листок и пошел в соседний кабинет, где бражничали его ребята.

Все были в сборе и сидели молча, расположившись вдоль стен, а в центре, широко расставив ноги, стоял Свисток.

Серый было отшатнулся, не понимая, что происходит, но, приглядевшись, занял место среди зрителей.

Схватив за концы огромную кочергу, Свисток закинул ее за голову, уперся шеей в середину и согнул буквой «п». Потом еще поднатужился и затянул кочергу в полное кольцо, так что получил ошейник.

Все одобрительно зашумели, а Валет налил кружку водки и поднес ее Свистку. Тот выпил водку залпом, развязал кочергу и раскланялся.

Все аплодировали, только Цыган насмешливо кривил злой рот. Тряхнув черным чубом, он сказал:

– При такой бы силе тебе еще чуток ума, Свисток, и был бы ты человеком.

– Хватит грызться, – сказал Серый. – Свисток, пойдем в залу сходим. А вы сидите здесь. Ждите.

– Все задницы просидели, – раздался чей-то недовольный голос.

Серый не ответил и пошел по узкому коридору. В зале он осмотрелся и, найдя Сержа, направился к его столу. Двигался он угрюмо, загребал ногами сырые опилки, чувствовал на

затылке хриплое дыхание Свистка и не мог решить, зачем идет к этому подозрительному мальчишке и что будет говорить.

Серж встал, молча склонил набриолиненную, с четким пробором голову и очень просто, как равному, сказал:

– Добрый вечер, Игорь, садись. Гостем будешь.

Услышав свое имя, Серый вздрогнул, пожал тонкую мягкую руку и сел на предложенный стул.

– Извини, дорогая, я завтра зайду. – Серж поклонился накрашенной девице, сидевшей рядом, и взял ее за локоть. Повернулся к Свистку, сунул ему в карман несколько мятых рублей и сказал: – Будьте любезны, проводите даму и посадите ее на извозчика.

Свисток не сразу сообразил, что обращаются именно к нему, недоуменно посмотрел на Серого, достал из кармана деньги и стал их разглядывать. Серому стало стыдно за своего телохранителя, и он грубо сказал:

– Что уставился? Быстро! – И, изобразив на бледном лице улыбку, подражая Сержу, сказал: – Пардон, мадам. Был рад познакомиться. У меня завтра небольшой юбилей. В десять часов. Надеюсь, вы будете.

Девушка пьяно покачнулась и схватила Свистка за рукав.

– Идем, что ли.

Когда они отошли на незначительное расстояние, Серж грустно улыбнулся и, как бы извиняясь, сказал:

– Мечем бисер перед свиньями. – Он пожал плечами. – Такова жизнь, Игорь.

Серого бесило, что молодой франт не только его не боится, но и заставляет держаться и говорить в своей манере.

Серж щелкнул пальцами – половой Николай бросился через всю залу и, блаженно улыбаясь, замер в двух шагах.

Подождал Свисток и тяжело опустился на скрипучий стул.

– Вино, водка, коньяк? – Серж вопросительно посмотрел на гостей.

Серый молча отвернулся, а Свисток хрипло выдохнул:

– Побольше. И мяса.

Серж сделал заказ:

– Графин водки, бараний бок и что-нибудь остренькое.

Половой взмахнул полотенцем и исчез.

«Надо было говорить с ним в кабинете, – думал Серый и нервно теребил бахромую скатерти, – там бы гонору у него поубавилось. Брать быка за рога. Не рассусоливать. В конце концов, он мальчишка и один».

Серж скосил глаза на своего телохранителя, как бы проверяя, на месте ли он.

– Неважные у тебя дела, Игорь, – тихо сказал Серж.

– Откуда имя знаешь? – спросил Серый и повернулся к Свистку. – Сядь с той стороны и смотри в оба. Этот молодчик решил со мной в жмурки играть.

Свисток пересел и уставился маленькими свинными глазками на руки Сержа.

– Так откуда же ты мое имя знаешь? – Серый ухмыльнулся, увидев, как Серж достал из нагрудного кармана белоснежный платок и смахнул со лба пот.

– Имя узнал от Варвары. – Губы у Сержа дрожали, и было видно, что он напрягается, чтобы унять эту дрожь.

Серый решил подбавить жару и спросил у Свистка:

– Вихрь, покойничек, кажется, именно за этим столом сидел?

– Ага. – Жирные щеки Свистка, изображая веселье, задрожали, а маленькие глазки поползли с рук на лицо Сержа. – А этот такой молоденький. Прямо цыпленочек. – Он говорил о Серже в третьем лице, как об отсутствующем.

С Сержа слетел весь гонор. Будто вымыли новую куклу горячей водой с мылом и осталась в тазу вся ее галантерейная красота. Серому показалось, что даже перстень у него потускнел и руки стали серыми и грязными. Он довольно усмехнулся, взял из рук Сержа платок, грубо вытер ему лицо и сунул обратно в карман.

– То-то, не с Пашкой калякать, фронт. Когда девку видел?

– В три часа в торговых рядах.

– Что еще сказать хочешь?

Серж полез в карман, но, увидев, как угрюмый сосед привстал, быстро положил руку на стол. Беспомощно озираясь и втянув голову в плечи, он пробормотал:

– В правом кармане брюк трубочка у меня. Нюхнуть необходимо.

– Валяй. – Серый презрительно скривился. И как это он забыл, что мальчишка нюхает?

Серж достал трубочку и, широко раздувая ноздри, несколько раз шумно втянул воздух, откинулся на спинку стула и прикрыл глаза.

Половой опустил на стол тяжелый поднос и стал быстро расставлять закуски. В центре он водрузил огромное блюдо с бараниной, а рядом запотевший графин с водкой.

Серый посмотрел на полового и вспомнил разговор с Пашкой. Этот рыжий действительно похож на мента. Одни глаза чего стоят. Но отец Василий божится, что парень свой в доску. Сын свояка, который все потерял в восемнадцатом, и властей парнишка боится как черт ладана. Проверить бы его для порядка.

– Прошу, господа. – Серж махнул рукой на полового, и тот, приседая, бросился от стола. – Отведайте баранинки. И не взыщите, кухня здесь далека от совершенства. – Он налил в две рюмки водку, а себе – лимонад.

Серый хотел было спросить, почему тот не пьет, но вспомнил, что наркоманы спиртное не употребляют.

Свистка уже ничто не интересовало. Он опрокинул рюмку, налил водку в фужер, наложил полную тарелку баранины, и глазки его подернула пленка, как у мертвой курицы.

«Хорош помощничек, – посмотрев на него, подумал Серый. – Сейчас меня живого поджаривать можно: как ни кричи, он и ухом не поведет».

Серж закурил ароматную папиросу, пустил голубоватое кольцо и блестящими глазами посмотрел на Серого.

– Я сказал Павлу, что могу тебе помочь. Я и сейчас не отказываюсь, если, конечно, таких номеров больше не будет. – Он положил выхоленную руку на плечо бесчувственно жующего Свистка. – Тебе, Игорь, придется решить: либо ты мне веришь, либо – нет. Я понимаю, что при твоём положении о полном доверии не может быть и речи. Пожалуйста, проверяй, но без ежеминутных угроз. Этот человек, – он опять положил руку на плечо Свистка, – стреляет, как и ест, ничего не думая и не чувствуя.

Серый прихлебывал из рюмки и молча разглядывал Сержа. А тот говорил и говорил. Голос его мягко переливался, фразы разворачивались одна за другой, путались у Серого в мозгу, подавляли волю и притупляли бдительность. Серж опять захватил инициативу, и атмосфера за столом была такой же, как в первые минуты. Серый глядел в спокойное, уверенное лицо собеседника, и только воспоминание, как тот недавно с трясущимся ртом обливался от страха холодным потом, придавало Серому уверенность.

– Родители в Париже, а я здесь разделяюсь по кабакам с остатками фамильных побрякушек. У меня свои счета с Климовым, и, если ты не будешь настаивать, я бы предпочел о них умолчать. Все равно мой рассказ ты проверить не можешь, так что в нем нет смысла. Согласен?

– Ладно, кончай тархтеть. Усыпил совсем. – Серый тряхнул головой. – Ладно, я верю, что ты не мент. – Он вертел в руках рюмку и думал, что можно получить от нового знакомого. – Что ты можешь и что хочешь? – спросил Серый в лоб.

Перекусили. Свисток сыто рыгнул, отодвинул пустую тарелку и вылил остатки водки в свой фужер, довольно оглядел грудку костей, поднял осоловелый взгляд на Серого и спросил:

– Что еще?

Мимо пробежал половой. Свисток схватил его за штаны и притянул к себе.

– Этого самого. – Свисток пошевелил перед носом полового жирными пальцами.

– Кофе и коньяк, – сказал, улыбнувшись, Серж.

Свисток уронил голову на грудь, а половой, отмахнувшись от требований какого-то посетителя, побежал на кухню.

– Что я могу? – спросил Серж, возобновляя прерванный разговор. – Я найду человека Климова, думаю, даже двух людей, которые крутятся где-то здесь.

Серый отшвырнул рюмку и посмотрел в лихорадочно блестящие глаза Сержа.

– Конечно, с доказательствами. – Серж достал свою склянку.

– Спрячь. Я хочу говорить с нормальным. – Серый ударил его по руке, взял за подбородок и приподнял голову. – Каким образом и что ты за это потребуешь?

– Вряд ли ты поймешь, Игорь. У меня есть способности к аналитическому мышлению. Я много читал Эдгара По, Конан Дойла, Плевако и Кони.

– Кто такие? – Серый нахмурился.

– Я сказал, что не поймешь. Эти люди писали о совершении преступлений и их расследовании. О логике преступников, об определенных приемах и способах расследования.

– Ишь ты! – недоверчиво протянул Серый.

– Путем наблюдений и логических умозаключений можно разобраться в самой сложной ситуации и предвосхитить самый хитрый ход противника. Это интересная и азартная игра.

– И опасная, – криво ухмыльнувшись, заметил Серый.

– Потому и азартная. Для меня дело чести воткнуть в зад перо этим мужикам из милиции.

Ну и... – Серж смущенно замялся, – как я и говорил, родительские побрякушки на исходе.

– Сколько?

– Сто червонцев. Наличными, разумеется. Никаких вещей я не возьму. Только золотом.

– Сто червонцев? – переспросил Серый.

– Меньше за твою голову даже запрашивать стыдно. Еще обидишься.

Из пачки, лежащей на столе, Серый стал вытаскивать папиросу, но пальцы не слушались. Они дрожали с пятнадцатого года, когда его чуть было не приговорили к виселице. Руки задрожали во время ожидания выхода присяжных и прыгают до сегодняшнего дня. Ничего Серый с ними сделать не может, и стрелять приходится не целясь, навскидку.

Серж вытряхнул на стол папиросу и дал ему прикурить.

Серого смущали не деньги, а необходимость довериться Сержу. Аванса тот не просит, а потом ведь можно и не дать ни шиша. Но допустить ближе придется. А он умен, этот хлюст. И в какую сторону он повернет эти самые умозаключения – еще неизвестно. В игре с ним не поможет воловья сила и тупая жестокость Свистка. Кого же к нему приставить? Кто из ребят не уступит Сержу в хитрости и изворотливости? Пожалуй, и нет таких.

– О чем задумался, Игорь? Нет денег?

– Почему ты решил, что у меня нет денег? – вспыхнул Серый.

– Если дама такого шикарного человека, как ты, полчаса торгуется из-за грошовой шляпки, то вывод можно сделать только один. С деньгами я подожду. Теперь слушай, Игорь, доказательства, что перед тобой не хвостун. Люди Климова должны обладать следующими качествами. – Серж достал из кармана маленькую записную книжечку в кожаном переплете и крохотный позолоченный карандаш. – Не блатные, так как блатных в милиции не держат. Новички в этом обществе, – он показал рукой на зал, – так как неудачи у тебя начались с месяца назад.

– Откуда знаешь? – Серый схватил Сержа за рукав. – Откуда ты, подлюга, все знаешь?

– Тяжелый ты человек. – Серж устало вздохнул. – Это секрет Полишинеля. Каждый постоянный посетитель данного заведения отлично тебя знает и знает, что примерно месяц тебя преследуют неудачи.

– Столько свидетелей? – Серый оглядел зал.

– Какие это свидетели? Так, собиратели слухов. Тот сказал, этот повторил.

– Ладно, давай дальше.

– Перечисленными качествами, по моим сведениям, обладают... – Серж сделал паузу и закурил. Посмотрел Серому в глаза и, четко выговаривая каждую букву, сказал: – Парень по кличке Ветерок, что сидит за третьим от нас столом, половой Николай, который нас обслуживает, я, твой покорный слуга, и, наконец... – Серж откинулся на стуле, пустил несколько колец и тихо закончил: – И наконец, Цыган.

Свисток грузно зашевелился, поднял голову и вытер ладонью слюнявый рот.

– Вздремнул я, – он вздохнул, – опохмелиться бы. – Он встал и начал топтаться на месте. Видимо, затекли ноги. – Это что еще? – Вся огромная фигура Свистка затвердела и подобралась, а маленькие глазки зло уставились в глубину зала. – Серый, – он схватил главаря за плечо, – видишь ту козявку со стекляшками на носу, что выкамаривает в проходе с двумя девками?

Серый увидел худощавого мужчину средних лет в широкополом пиджаке, в галстук-бабочке, который лихо отплясывал с двумя пьяными девицами одному ему известный танец. На носу у гуляки подпрыгивало пенсне с черным шнурком.

– Вижу. Ну и что? – посмотрел Серый на своего подручного.

С удивительным проворством Свисток нырнул за портьеру двери, ведущей к кабинетам, и стал махать руками, подзывая к себе Серого.

– Одну минуту, и мы продолжим наш разговор, – сказал Серый и вышел.

– Серый, – подручный тяжело дышал, и его щеки тряслись больше обычного, – Серый, ты знаешь, кто эта козявка? Это мент из центральной уюловки! Понял?

Серый выплянул в зал. Мужчина в пенсне стоял, покачиваясь, с бокалом в руках и что-то объяснял своим собутыльникам. Серый поманил пальцем Сержа.

– Знаешь его? – спросил Серый и ткнул пальцем в направлении шуплой фигурки.

– Того, кто стоит? В первый раз вижу. Здесь он не бывает, – ответил Серж.

– Ты кому веришь? Баклану, который антрацит нюхает? Ваньку не ваяй, Серый. Сгорйшь ведь! Два года назад этот мент при мне повязал на Сухаревке Ленечку. Втихую взял и отправил в браслетах в уюловку, – Свисток ударил кулаком в грудь, – я его, как увидел, сразу срисовал.

Серый пожал плечами:

– Я его не знаю, и он меня не знает. Ты урка ушлый. Пошли, Серж, закончим наш разговор.

За стол Серый сел таким образом, чтобы видеть весь зал и лицо Сержа. Тому же, чтобы посмотреть в зал, надо было обязательно обернуться.

– Так на чем мы остановились? – спросил Серый, улыбаясь. – Было названо имя Цыгана. Так что Цыган?

Серый наслаждался. Он видел, что Серж волнуется, и, улыбаясь, наблюдал, как у него на лице выступили мелкие капельки пота. Но почему? Мент или просто трус?

– Смотри, сам идет. – Серый тихо рассмеялся и показал на мужчину в пенсне, который, покачиваясь и прижимая к себе не менее пьяную девицу, шел к кабинетам.

– Если этого человека убьют, я вам не помощник, – пробормотал Серж.

– А ты мне уже и не нужен. – Серый веселился от души. – Ты назвал четырех человек. Я их запомнил. А это же мент. Ты мне два часа объяснял, что у тебя с ними старые счета. Сиди. – Серый опустил руку в карман, хотя пистолета при нем не было.

– Идиот, – зашептал Серж. – Идиот, ты сейчас все испортишь. Этого человека мы знаем и выявим через него остальных. Но только через живого. – Серж говорил захлебываясь. – Ты понял? Только через живого.

Серый встал.

– Идем. – Он посмотрел в проход и увидел улыбающуюся морду Свистка. – Кажется, опоздали. Идем проверим.

В коридоре они встретили Валета, который вел под руки упирающуюся девицу и говорил:

– Краля, зачем нервничать? Ваш кавалер – наш старинный друг и приятель. Иди себе. Пей и гуляй спокойно, за все будет уплачено.

В кабинете, собравшись в кучу, шумели ребята. Неожиданно из самой гущи выскочил Цыган с наганом в руке. Черные кудри прилипли ко лбу, а в глазах было такое бешенство, что Серый сделал шаг в сторону.

Цыган подпрыгнул и с размаху ударил Свистка по голове рукояткой нагана, потом – сапогом в пах. Когда Свисток упал, Цыган стал топтать его ногами.

– Прекратить! – крикнул Серый.

На Цыгана навалились трое, отняли наган и оттащили в угол.

– Где? – спросил Серый.

Все расступились, и Серый увидел человека в пенсне. Он лежал вдоль стенки, лицом вниз, между худых лопаток торчала корявая ручка ножа.

Серый оглядел кабинет. Цыган сидел на стуле с закрытыми глазами и шумно дышал. Двое ребят держали его за руки. Серж стоял, прислонившись к притолоке, и держал у носа свою склянку. Свисток сидел на полу, щупал ручищами голову и что-то бормотал.

– Хозяина! – сказал Серый и, когда отец Василий явился, кивнул на тело и приказал: – Убрать! Валет и Хват, помогите вынести во двор. Цыган, закрой дверь в залу.

Через пять минут кабинет принял свой обычный вид.

– Садись. – Серый показал Сержу на стул. – Цыган, подойди. Почему у тебя пушка при себе? Хочешь сгореть сам и сжечь остальных?

– Если мы сгорим, то не по моей вине. Вот бандюга, мокрушник чертов! – Цыган сморщился и показал на Свистка. – Чуешь, что сделал твой любимчик? – Он схватил Серого за рукав и стал трясти. – Ты понимаешь или нет? Если милиционер пришел с заданием, то обязательно на связь к кому-то. И именно к тому, кого мы ищем. Мы имели возможность прозреть, но останемся слепыми. Если он был здесь просто так, то этим убийством мы вывели на себя уголовный розыск. Я одним доволен, – Цыган показал пальцем на Свистка, – теперь ты стопроцентный покойник. О сегодняшнем убийстве уголовный розыск узнает самое позднее завтра. Они о нас сейчас всё знают. Они тебя за это дело на дне морском найдут. Считай, что на тебя уже побрызгали водой и зашили в мешок.

Серый переводил взгляд с Цыгана на Сержа и обратно. Эти двое говорят одинаково. Но кто из них кто? Он улыбнулся неожиданной мысли, подошел к Сержу и громко сказал:

– Мой новый приятель. Свой в доску. – Потом подошел к Цыгану и, обнимая его за плечи, зашептал: – Присмотрись, Цыган. Внимательно присмотрись, понял?

– Чего же не понять? – громко сказал Цыган. – Мы с Михаилом старые знакомые.

Глава шестая. Не для того погиб человек...

Климов нажал кнопку настольной лампы, и строчки протоколов стали выпуклыми и рельефными. Климов откинулся в кресле и прикрыл на секунду глаза.

Дело, с которым знакомился Климов, поначалу показалось ерундовым, и его поручили самому молодому оперативнику в отделе. Витун, как ласково звали Виктора Конова старожилы, только прибыл с шестимесячных курсов, поскрипывая новенькой португеей, и любой правонарушитель без труда угадывал в нем работника милиции. Витун взялся за расследование рьяно, но через несколько дней к первому заявлению о мошенничестве прибавилось второе, потом третье. А мошенник, продающий алчным или доверчивым людям под видом золотого песка медные и бронзовые опилки, разгуливал на свободе и продолжал совершать одно преступление за другим. Проверка по картотеке МУРа ничего не дала. Приметы, называемые многочисленными потерпевшими, не подходили ни к одному из известных в Москве мошенников. Следовательно, разыскиваемый преступник был или приезжим, или талантливым новичком.

Мошенничеством заинтересовались «старички».

Шленов провел большим пальцем по усам и сказал:

– Сегодня некогда, а завтра обедать не буду и за час словлю золотушника.

Прошла неделя, Шленов ходил хмурый и отмахивался могучей рукой от шуток товарищей. А преступник то всучит свое «золотишко» приехавшему в Москву крестьянину, то разыграет из себя налетчика, который торопится сбыть левый товар, и «удачливый» нэпман приобретает по дешевке полкилограмма медного «золота». Имя преступника оставалось неизвестным, а предугадать, где и когда он появится со своим холщовым мешочком, Шленову не удавалось.

Когда количество заявлений перевалило за десяток, Климов решил сам ознакомиться с материалами. Вот они лежат – тоненькие приплюснутые папочки, разные и одинаковые одновременно, как различно одетые братья-близнецы. Климов не волшебник – сидя в кабинете, ничего конкретного предложить не может. Если бы пойти в город, потолкаться среди людей, может, и попался бы на глаза этот ловкий пройдоха. Но уходить из кабинета нельзя. Климов сложил все дела в аккуратную стопку, выстроил рядом злополучные холщовые мешочки с опилками, потом посмотрел на них и улыбнулся. Такие дела спать не мешают. Конечно, начальство по головке не погладит, но совесть не мучает и злости на этого мошенника нет. Может, и не прав он, Климов, но нет злости, и все тут. Потерпевших не жалко, а порой даже смех разбирает, когда они хватаются за голову и рассказывают, как их провели.

Климов достал из стола листки, полученные днем от Николая, стал их читать и переписывать аккуратным ученическим почерком. Банду Серого в одну сторону, остальных – в другую. А этого парня Климов вроде знает, встречал где-то... Около двадцати лет, среднего роста, русоволос, кудряв, веснушки на носу и щеках... В скобках стоит буква «м».

Климов, как мальчишка, хлопнул в ладоши. Мошенник! Этот САМЫЙ мошенник, чьи приметы он сегодня перечитывал много раз. Вот ловко! Климов вылез из-за стола, открыл дверь и крикнул в гулкий коридор:

– Витун! Витун, зайди на минуточку!

Через минуту Конов вошел в кабинет. Климов сразу отметил происшедшую в парне перемену: португея исчезла, вместо щеголеватого полувоенного костюма – старенький пиджачок и полузамызганные клеши, на ногах стоптанные штиблеты.

– Тебя не узнать, Витун. Прямо блатной с Сухаревки, – сказал, улыбаясь, Климов.

– Вконец замучили. – Конов покосился в коридор. – И какой я представитель в этом наряде? – Он одернул пиджак и поправил сползающую на живот кобуру.

– Сейчас ты им нос утрешь. – Климов протянул Витуну листок с фамилией и адресом мошенника. – Возьми машину и езжай. В квартиру входи вместе с шофером, и тащите его сюда, паршивца. Обыск не делай, никаких доказательств не надо. Завтра вызовем всех потерпевших. Они на очных ставках преступника опознают. Он вмиг расколется.

– Где же вы его отыскиали, Василий Васильевич? – спросил Витун удивленно. – Я ноги до крови стер, бегая по городу, а вы два часа и... – Он хлопнул рукой по листку.

– Его отыскал другой человек. Но для ребят жулика нашел ты. – Климов подтолкнул Конова к дверям. – Давай-давай, пока машина на месте.

Затрещал телефон.

– Климов? Слушай, Климов, говорит Власов из политпросвета. Ты почему молчишь?

– Тебя слушаю, – ответил Климов.

– Вот, ты слушай. Ты почему саботируешь? Бывший красный командир – и саботируешь партийные мероприятия. Ты почему молчишь?

– Тебя слушаю, – повторил Климов.

– Ты слушай, слушай. Я на тебя жаловаться буду, ты уклонист, Климов. Я четыре раза тебе звонил и предупреждал, что в четверг у нас митинг, посвященный смычке с деревней. Звонил?

– Звонил. – Климов вздохнул. – Ты понимаешь, Леша, у меня в этот вечер получилась нечаянная встреча с бандитами. Постреляли малость.

– В тебя?

– И в меня тоже, Леша, – ответил Климов и улыбнулся, представив озабоченное лицо приятеля. – Но не попали.

– Так зачем же вы, товарищ Климов, мне об этом рассказываете? И не называйте меня по имени, я вас, кажется, не в кино приглашаю. Я вас категорически предупреждаю, что буду жаловаться. Послезавтра у нас митинг, посвященный благоустройству Москвы. В семь часов. Вы знаете, что в Москве полтора миллиона жителей и жилой площади не хватает. Знаете? Попробуйте не прийти!

Климов пожал плечами и повесил трубку. Телефон, снова захлебываясь, затрещал.

– Василий Васильевич, это я, – раздался глухой голос Панина. – Жду на углу Кадашевской набережной и Старомонетного переулка. Приезжайте скорее, и обязательно на машине.

Что могло случиться?

Машину можно вызвать из управления. Но пока дозвонишься, пока она придет. Климов буквально слетел с лестницы и побежал. На полпути он остановился, вспомнил, что наган остался на столе, махнул рукой и побежал дальше. На Ордынке еще гулял народ, и кто-то свистнул ему, заулюлюкал, затопал ногами.

Вот и Старомонетный, еще немного – и набережная. Климов, тяжело дыша, перешел на шаг, вглядывался, напрягая зрение, стараясь рассмотреть, где может его ждать Николай. На углу стояла повозка, темная маленькая фигурка копошилась около лошади. Климов нарочно вошел в бледный круг уличного фонаря.

– Сюда, – сказала фигурка и махнула рукой.

– Ты? – удивленно спросил Климов, с трудом узнавая Панина в мужицкой рубахе и картузе. – Что случилось?

Панин молча стоял и держал лошадь под уздцы, и было в его молчании и одеревенелой неестественной позе что-то такое, отчего у Климова ноги сразу стали чужими, и он тяжело навалился на возок.

– Лавров жив? – спросил он.

– Лавров жив, – ответил Панин.

И тут Климов почувствовал под своим локтем чьи-то ноги и негнуцимися пальцами ощущал тело под мешковиной.

– Вот. – Панин протянул руку и медленно разжал пальцы. На вздрагивающей ладони лежало пенсне со шнурком.

– Кто? – спросил Климов, отыскивая под мешковиной голову, погладил.

– Свисток узнал. – Панин отвернулся. – Забирайте. Мне надо возвращаться.

Климов поднял маленькое тело.

– К себе не несите. Я должен был его утопить. Если у вас его увидят, то моего тела не получите, – зло сказал Панин, вскочил в возок и хлестнул лошадь.

Климов сгорбился и прижал к себе мертвого Фалина.

– В четыре будь на Зубовской, – сказал он тяжело и зашагал по набережной.

Климов нес Фалина, как носят детей, держал крепко, но не очень, будто боялся причинить боль. Каждый шаг отдавался звенящей болью, в голове было пусто, и обрывки мыслей появлялись и пропадали, как титры на экране кинематографа.

«Утром он живой и веселый радовался полученному заданию... подушечка на стуле... Куда же ты, дружище, пошел, если тебя могли узнать?»

На углу Ордынки ему удалось остановить извозчика. Пролетка закричала и сильно наклонилась на один бок, а извозчик, не оборачиваясь, сердито буркнул:

– Напиваются до зеленого змия. Если измарает карету, платить будешь.

Климов продолжал держать Фалина на руках, уложил его голову себе на плечо и сказал:

– Гнезниковский переулок.

В кабинете начальника Фалина уложили на диван и пригласили доктора.

Климов сидел в кресле, грыз мундштук потухшей трубки и смотрел на происходящее со стороны, будто это его не касается. Врач, высокий полный мужчина, молча раздвинул стоящих у дивана людей, склонился над Фалиным, приподнял ему веки, пощупал пульс, бережно положил маленькую ручку обратно на грудь и так же молча пошел к выходу. В дверях он закашлялся, снял очки и прикрыл глаза тяжелой ладонью.

Оперативные работники стали расходиться, каждый украдкой бросал взгляд на Климова, за дверью раздавались их приглушенные голоса, потом все стихло.

В кабинете остались, как и утром, трое: начальник, Климов и Фалин.

– Кто? – спросил начальник.

– Свисток, простите, Володин узнал.

– Кто привез?

– Панин.

– Смелый парень.

– Смелый. – Климов поднял голову. – Как же можно было Фалина посылать, раз его бандиты знают?

Начальник закричал стулом, что-то переложил на столе, взял карандаш, неожиданно швырнул его в корзину для бумаг и глухо сказал:

– А кого здесь не знают, Василий? Нет таких. Людей всего-то, – он растопырил пальцы, – раз-два и обчелся. Где их взять, людей-то? Сашка был отчаянный парень и умница редкая. На самые опасные задания ходил. Позавчера по его данным мы ликвидировали банду в Марьиной Роще. Почтище твоего Серого были налетчики.

– А мне Фалин говорил...

– Знаю. – Начальник вышел из-за стола и сел на диван в ногах у Фалина. – Знаю, Василий. Он всем одну и ту же сказку рассказывал, мол, бумажной волокитой занимается. Но у него пальцы на правой руке почти полностью парализованы были и писать он не мог. Стрелять левой рукой научился, а писать – нет. А может, и умел, да скрывал. Фалина разве поймешь? Хитрющий мужик.

Начальник рассказывал о Фалине то в прошедшем времени, то, как о живом, в настоящем. Говорил медленно, теряя нить, тер голову ладонями и повторял последнее слово.

– Настоящий человек Сашка и жил красиво. У Деникина в штабе четыре месяца провел, и люди рассказывали, что он один дивизии стоил. Феликс Эдмундович мне звонил, интересовался, как живет Александр, и привет передавал. У Фалина туберкулез легких в тяжелой форме, потому-то он такой и худенький. Я как узнал про болезнь Фалина и про работу в разведке, начал беречь его. В прошлом году мы Сашку лечиться отправили, да разве он лечиться будет? Доктор мне говорил, что безнадежно у Александра с легкими. Он и сам это знал, потому и лез в самые опасные операции. А как почувствовал, что я его от дел потихоньку отстраняю, такой скандал устроил, что в этом кабинете люстра дрожала.

«Я, – говорит, – на задержание не годен, писать я не могу, только и умею, что шататься по бандитским малинам. Ты, – это он про меня, – не начальник, а близорукий, бесхребетный интеллигент, и тебе нельзя руководить людьми». Стал про расстановку кадров говорить и Владимира Ильича цитировать, чуть ли не в контрреволюции обвинил.

Я тоже не из бумаги, и меня нахрапом не возьмешь. – Начальник поправил подушку под головой Фалина. – Выставил я его из кабинета и вlepил трое суток домашнего ареста. Он по-военному повернулся и вышел, потом приоткрыл дверь и говорит: «Готовься, через три дня я тебе устрою варфоломеевскую ночь». Что это за ночь за такая, Василий?

Климов пожал плечами:

– Что-нибудь из истории, наверное.

– Может, и из истории, от этого мне легче не было. Через три дня Сашка явился и доложил, что готов для дальнейшего прохождения службы. Меня его эти военные выражения всегда смущали, а тут он, склонив голову набок, посмотрел на меня, как на врага народа. У меня даже сердце сжалось. Нет, думаю, не отступлю. Здесь твердость нужна. Выслушал я его и сухо так сказал: «Хорошо, товарищ Фалин, когда понадобится, я вас вызову». Он щелкнул каблучками и говорит: «Я у секретаря подожду». И вышел, я слова вымолвить не успел.

Проходит минут тридцать, звонят от Феликса Эдмундовича. Не знаю, что Александр там наговорил, но попало мне крепко. Слова сказать не дали. «Использовать Фалина на самых боевых участках работы. Об исполнении вечером доложить лично Дзержинскому». И бряк трубку. Не успел я пот вытереть, а он уже стоит в кабинете, лицо каменное, смотрит мимо меня, и пенсне, точно полевой бинокль, поблескивает.

«Александр Фалин явился по вашему приказанию, товарищ начальник».

Вот такой человек Сашка.

Больше всего он в людях не любил самокопания и всякие интеллигентские переживания. «Мы – боевой отряд и не можем пока обходиться без потерь, – говорил он. – Человек бесценен, но каждая смерть должна только укреплять нашу уверенность в правоте дела, за которое мы боремся, закалять нас, а не размагничивать. В этом наш долг перед погибшими товарищами».

И еще, – начальник хрустнул пальцами, – я одобряю твое бережливое отношение к людям, Василий. Но мне не нравится, что ты разоружаешься.

Климов кашлянул и заерзал в кресле.

– Да, разоружаешься, – повторил начальник. – Ты считаешь, что мы полностью победили и война окончилась. Сражения, мол, ведутся во время войны, а наша сегодняшняя работа – обычная мирная профессия, и человеческие потери должны быть исключены на сто процентов. К сожалению, это далеко не так. Ты не читаешь зарубежные газеты? Знаю, что не читаешь, и я тоже не читаю. Но мне рассказывают товарищи, что пишут о нас буржуи. Мол, в красной России бандитский террор. На улицах валяются трупы, большевики не в силах унять разгул бандитизма, они гниют изнутри. Тебе понятно? Сейчас мы на огневом рубеже. Ты, я, Фалин, твои ребята. Каждый бандитский налет – не только потеря для рабочего класса энного количества материальных ценностей, но и политическая акция против советской власти, подрыв ее престижа.

Из-за того, что ты недооцениваешь важность нашей работы, ты размагничиваешься и внутренне разоружаешься. Становишься не добрым, а добреньким, жалостливым. Лавров и Панин продолжают бой, начатый тобой в семнадцатом году, а раз бой, значит неминуемые потери.

Начальник тяжело перевел дух и продолжал говорить. Климов смотрел на его большое одутловатое лицо, на глубокие морщины у рта и понимал, что начальник убеждает и взбадривает не только его, Климова, но и себя.

– Последнее, Василий. Можно, конечно, взять Серого и всех его молодчиков и поставить к стенке. Можно, да нельзя. Мы провозгласили первое в мире государство рабочих и крестьян и их первую Конституцию. Основной закон надо охранять, строго соблюдать, так как или закон есть, или его нет. Третьего быть не может. Мы должны доказать вину этих махровых бандитов, и поэтому Лавров и Панин там, а Фалин здесь.

Начальник показал на диван, поднялся и в первый раз посмотрел Климову в лицо.

– Уверен, что ты меня понял, Василий. Мы похороним Александра тихо, ночью. Похороним тихо, без традиционного залпа и оркестра. Так требуют обстоятельства, и мы обязаны так поступить. Когда у тебя встреча с Паниным?

– В шестнадцать часов. – Климов встал и расправил сутулые плечи.

– Прощайся и уходи. Тебе надо быть в отделе. Запиши мне в календаре адрес, я тоже приду.

Климов поцеловал Фалина в холодный лоб, записал в календаре адрес квартиры на Zubovskoy и, твердо ступая по вытертому ковру, вышел из кабинета. На улице он опять выпрямился и быстро зашагал по ночной Москве.

Царя свалили. Беляков расколошматили. Неужели серым уступим? Выше держать голову и не размагничиваться! В этом наш долг перед погибшими товарищами.

Климов взбежал по лестнице, остановился перед своим кабинетом и стал шарить в карманах в поисках ключа. Дверь распахнулась сама, и Климов увидел, что ребята расположились полукругом, а в центре на стуле сидит высокий лохматый парень. Он сидел прямо, уверенно расставив ноги, и, оглядывая слушателей серьезными глазами, говорил:

– Они же все сплошная контра, граждане начальники. Вы спросите у них, зачем им понадобилось золото? Интересно будет послушать. Я кто есть? Пролетариат, – сказал он. – Когда начальник приехал, я собрался и пошел с ним без разговора. Я скрываю, что опилки мои? – Парень указал на холщовые мешочки, стоявшие рядом на столе. – Нет. Сколько буржуев пришло на меня жаловаться? Одиннадцать? Так их на самом деле в два раза больше! Можете записать, они все здесь. – Он постучал пальцем по виску. – Почему, спрашивается, половина не заявила в милицию? Потому что не смогут ответить на вопрос, зачем им понадобилось золото. От моих дел рабочей власти одна польза.

Все опять засмеялись. Конов, сидевший как герой за столом Климова, даже схватился за голову, только Зайцев брезгливо поморщился, тряхнул своей коробочкой и отправил в рот очередной леденец.

– Что вы гогочете? Вы Ленина читали? Знаете, в чем смысл новой экономической политики?

– Стоп! – пробасил Шленов, грузно поднялся со стула и в два шага пересек кабинет. – Заткни глотку, паря. – Он взял парня за шиворот, рывком поставил на ноги, оглядел, словно лошадь на базаре, и неожиданно влепил ему такую затрещину, что оратор волчком отлетел в дальний угол кабинета.

Неожиданность этого поступка всех парализовала. Первым пришел в себя Конов, он выскочил из-за стола и тонкими мальчишескими руками схватил Шленова за богатырскую грудь. Припадая на больную ногу, к ним подошел Сомов, оттолкнул Витуна и процедил сквозь зубы:

– Стыдитесь, ребята!

– И чего раскудахтались? – удивленно протянул Шленов. – Из-за контры...

– Заткнись ты! – крикнул Лапшин, поднял парня, повел его к дверям, и тут все увидели начальника.

Климов посторонился, пропустил Лапшина и арестованного, молча подошел к столу.

– Шленов, останься, – сказал он, не глядя на присутствующих, потом сел и начал набивать трубку.

Беспрецедентный случай, свидетелем которого он только что был, не вызвал в Климове гнева, тем более что ребята так строго осудили рукоприкладство. «Уж больно мы принципиальные. Они нас убивают, а мы и пальцем тронуть не смей. Что бы сказали ребята, увидев Фалина?» Климов понимал, что так рассуждать не имеет права, и, нахмурившись, посмотрел на Шленова.

– Что же это ты, Пахомыч?

Шленов молча ворочал тяжелыми скулами и сопел в усы. Его маленькие хитрые глазки исчезли под лохматыми бровями.

– Еще раз допустишь – отдам под суд, – лениво, как по обязанности, проговорил Климов. – Ребятам пожалуйся на меня, мол, здорово ругался Василий. Понял?

– Лады, – шумно вздохнул Шленов, глазки его вынырнули из укрытия и лукаво засветились. – Очень даже пожалуюсь.

Он встал и направился к двери.

– Зайцева позови, пусть зайдет, – сказал, улыбаясь, Климов.

– Беняка-то? – как бы про себя переспросил Шленов. – Кликнем – не трудно.

Зайцев вошел легкой пружинистой походкой и, поддернув брюки, сел, заложил ногу на ногу.

– Неприятный случай, Владимир Николаевич, и я бы просил вас никому о нем не рассказывать.

– Вы всех об этом предупредите или только меня? – спросил Зайцев, и Климов почувствовал его холодный насмешливый взгляд. – Понимаю, там вы можете рассчитывать на партийную солидарность. Что ж, беспартийная прослойка гарантирует свое молчание.

– Тяжелый вы человек, Зайцев, – сказал Климов, раздражаясь.

– Возможно, но я не разделяю людей на тяжелых и легких. На мой взгляд, у человека есть более существенные признаки. В частности, его служебное мастерство.

– Что вы хотите этим сказать? – Климов, набычившись, смотрел на заместителя.

– Вы не обратили внимания на то, как изменился за последний месяц Шленов? – спросил Зайцев и достал коробочку с монпансье.

– Вы можете не заниматься ерундой во время серьезного разговора? – выходя из себя, крикнул Климов.

Зайцев положил в рот конфетку и спрятал коробку в карман.

– Простите, – серьезно и тихо сказал он. – Но мне леденцы, как вам трубка, помогают думать. А Шленов очень изменился за последнее время. Мне кажется, что Шленов каждым своим поступком хочет доказать, что он самый смелый и самый честный. А сегодняшний его поступок свидетельствовал, что Шленов не может стерпеть, когда имя вождя произносит какой-то мошенник. Вас не наводит это на некоторые размышления, товарищ Климов?

Климов ничего не ответил, отпустил заместителя и лег спать. Утром, подписывая различные документы и решая текущие вопросы, он то и дело вспоминал слова Зайцева, но никак не мог сосредоточиться и всерьез задумался над этим, только когда отправился на встречу с Паниным. Погруженный в мрачные размышления, он поднялся на второй этаж и чуть было не налетел на начальника, сидевшего на ступеньках с пачкой газет на коленях.

– Понимаешь, Василий, – сказал начальник, поднимаясь и отряхивая брюки, – нет времени читать. Накупил по дороге и хотел воспользоваться свободной минуткой.

«Сколько лет знаю, а не поверил бы, что он может сидеть на грязной лестнице, читать газеты и ждать такую фигуру, как я», – подумал Климов, открыл дверь и пропустил начальство в комнату.

– Посиди молча, я погляжу, что пишут нового.

А старик-то дальнотзорный, отметил Климов, глядя, как начальник держит газету на вытянутой руке. Он раскурил трубку и встал в своей излюбленной позе – руки за спину и широко расставив ноги – у окна.

Панин вошел быстро, исподлобья взглянул на начальника и, смущенно улыбнувшись, провел рукой по жирно набриолиненной голове.

– Добрый день, – сказал он и остановился в нерешительности. Видно, он сразу сообразил, что незнакомец – высокое начальство.

– Здравствуй, здравствуй. – Начальник поднялся навстречу и сильно тряхнул ему руку. – Садись и докладывай Василию Васильевичу. А я посижу в сторонке и послушаю.

Николай сел, стараясь не поворачиваться к начальнику спиной, но тот сердито сказал:

– Лицом к начальству, Панин. Климов – твой начальник, ему докладывай, на него и смотри.

– Слушаюсь, – сказал Николай и посмотрел на Климова. Глаза у Панина стали непривычно серьезные, веснушки побледнели, будто покрылись пылью.

Климов выпустил огромное облако дыма.

– Обстановка в трактире за последнее время не изменилась. Считаю своим долгом доложить, что Михаил Лавров – москвич и до пятнадцатилетнего возраста проживал здесь. Я этого не знал, Василий Васильевич. В трактире Лавров встретил своего знакомого, с которым был дружен в восьмилетнем возрасте.

Климов стиснул ногами стул и посмотрел через Панина на начальника. Тот нахмурился и приложил палец к губам, призывая Климова к молчанию.

– Наше с Лавровым мнение, что вскрывшееся обстоятельство не должно влиять на ход операции, так как его друг детства, видимо, ничего о Лаврове не знает. Иначе бы они не церемонились, – пояснил Николай.

– Почему Лавров не является сюда? Почему он скрыл от меня, что москвич? – сердито спросил Климов.

– Он не может прийти, Василий Васильевич, так как все время сейчас проводит с Серым. В отношении второго я его сам спрашивал. Молчит. Думаю, что боялся быть отстраненным от операции.

– Казаки-разбойники, – пробормотал Климов и замолчал, увидев кулак начальника.

– Но сейчас ведь успех зависит только от него, – сказал запальчиво Панин, выгораживая товарища. – Мишка сейчас рядом с Серым – вот так. – Он показал стиснутые ладони. – Это целиком заслуга Лаврова. Вчера вот только... – Панин смешался, потом рубанул воздух рукой и продолжал: – Сорвался он вчера. Немного. Сами понимаете, Василий Васильевич. Это его выдержку иметь надо, чтобы в такой ситуации не сгореть дотла. Сейчас все в порядке, – быстро заговорил Панин. – Честное комсомольское, все в порядке! Он ухитрился не только оправдаться, но и кое-что выиграть от своего срыва. Серый, конечно, не до конца верит Мишке, но Серый никому не верит. И вообще, – тон Николая изменился и стал поучающим, будто он, взрослый человек, втолковывал прописные истины двум непонятливым подросткам, – находиться там и быть вне подозрений абсолютно невозможно. Даже меня, казалось бы верного человека, проверяют. Утром хозяин зазвал в свою клетушку и давай про дом расспрашивать. Я сначала и не понял, к чему это он? Дом, амбары, коровы, лошади, то да се. Потом вижу, он из-под бровей зыркает. Тут я понял: идет проверочка. А когда старый хрыч имя с отчеством моего

мнимого папаши невзначай перепутал, все стало яснее ясного. Тут я ему и загнул. – Панин довольно ухмыльнулся. – Подошел к нему ближе и спрашиваю: «Что же это получается? Батя о вас такого высокого мнения, а вы даже его имени толком не знаете? Нехорошо это, свояки все-таки». Он засуетился, стал про старость всякие слова говорить и отпустил меня. Я вышел, а у дверей Валет стоит, и рука в кармане. Тут я вконец рассвирепел, подлетаю к нему и спрашиваю: «Деньги принес? Давай сюда!» – и хлоп его по карману. Там наган, конечно.

– Какие деньги? – спросил начальник.

Панин молчал и смотрел поочередно то на начальника, то на Климова.

– Николай жуликам деньги в долг дает, под проценты, – сказал Климов и улыбнулся. – Я вам потом объясню, Николай Федорович.

– Рассказывай, извини, что перебил.

– Я это к чему говорю? К тому, что все под подозрением, и Лавров не исключение. Он ближе, ему и труднее.

– Очень толково ты все объяснил. – Начальник поднялся, взял стул и пересел ближе. – Ты, случайно, Павла Антонова не знаешь?

– Пашка Америка, – пояснил Климов.

– Известная личность. Карманник.

– Жаль, что карманник. – Начальник хрустнул пальцами и вздохнул. – Я в германскую с его отцом в окопах бок о бок сидел. Хороший мужик был.

– А Пашка тоже парень неплохой, – быстро сказал Панин, – меня ненавидит – аж зубы скрипят. Это за мои ростовщические привычки. Да и к налетчикам он не благоволит.

– Василий, ты напомни мне об Антонове, когда развяжемся с бандой. Не забудешь? – Начальник повернулся к Панину. – Как я тебя понял, Коля, дела у вас хороши, да не очень. Хозяина нащупать вы не можете. Серого надо брать с поличным, а он на дело не пойдет, пока вас не обнаружит. Источник информации продолжает оставаться неизвестным. Так?

– Уверен, что хозяин в трактире ни разу не появлялся, иначе если не я, то Лавров бы его засек наверняка.

Климов смотрел на Панина, слушал его рассуждения и не переставал удивляться. Куда девался рыжий мальчишка? О ходе разработки докладывал молодой, но рассудительный и даже осторожный сотрудник. Слушал внимательно, не рубил сплеча, говорил медленно, взвешивал каждое слово. И начальник на Николая смотрит серьезно, рассуждает, советуется с ним. Сидят, как равные, выставили упрямые лбы, прямо совет старейшин.

– Почему ты думаешь, что хозяин Серого должен явиться со стороны? – второй раз спросил начальник. – Может, он все время рядом, в той же банде, но не показывает своего старшинства, держится в тени?

– Рядом? – Панин наморщил лоб, и так невелик был у него запас морщин, что он сразу опять стал мальчишкой. – Рядом, рядом, – твердил он. – Это мы не сообразили, надо подумать.

– Подумай, Коля, а пока что честно, как отцу, скажи: сколько, по-твоему, шансов на успех? Учти, что мы с ними меняться людьми не можем. За одного Фалина десять бандитских групп необходимо взять.

Было видно, что ему трудно далось это признание.

– Сейчас не могу ответить на этот вопрос. В ближайшие сутки риск минимален, а завтра я приду и скажу, что и как. Есть у нас с Михаилом один план, но сегодня говорить о нем рано.

– Видал, Василий, как рассуждает? Может, отозвать обоих ребят? Серый поймет, что мы сняли людей, и рванется на дело. Мы его и возьмем.

– Где вы его возьмете? Москва большая. А главарь? Нет! – Панин упрямо наклонил голову и смотрел на начальника так, будто хотел его загипнотизировать. – Михаил предвидел такой оборот и велел передать: «Не для того погиб человек, чтобы мы отступили».

– Ну если Михаил так сказал, – начальник встал и развел руками, – тогда подождем до завтра. – Он подошел к Панину и вытянулся по стойке смирно. – Спасибо, что привез Александра. Большое спасибо, Коля.

Минуты две все молчали, потом Панин пробормотал:

– До завтра, – и пошел к дверям. На пороге он остановился, секунду помедлил и осипшим голосом сказал: – Еще Михаил велел передать, что готов нести уголовную ответственность, но Свисток умрет до задержания шайки.

Климов хотел его вернуть, но Панин был уже на площадке, гулко хлопнула дверь парадного, и стало ясно, что догнать его не удастся.

Глава седьмая. Тезки

Когда ему было девять лет и прислуга называла его «барчуком», а матушка «лапонькой», случилось так, что он спас жизнь беглому каторжнику. Он не знал, кто этот грязный, дурно пахнущий человек, неожиданно появившийся у задних дверей барского дома. Он только что прочитал «Отверженные» и, увидев бродягу, не испугался, а, услышав на улице свистки полицейских, взял незнакомца за руку, отвел его в детскую, потом спрятал на чердаке и кормил неделю. Он ни о чем не расспрашивал этого человека и молча сделал, что считал нужным: притащил на чердак кипяток, мыло и ножницы, отцовский костюм и бумажник, а обнаружив однажды отсутствие своего гостя, так же молча уничтожил следы его пребывания и через несколько дней забыл. Этой забывчивости помогли события, свергнувшие царя и отобравшие у родителей «лапоньки» особняк, положение и средства к существованию.

Он понял, что к особняку возврата нет, сначала только морщился на стенания и жалобы стариков, а потом ушел от родителей. Переход от полного благополучия к лишениям и ожесточенной схватке за существование дался ему сравнительно легко. На улице он оказался сильнее, умнее, а главное, озлобленнее своих сверстников. Взрослые, которых он встречал на своем пути, обогащали его жизненный опыт. Он понимал, что если хочет осуществить свою мечту, то должен учиться. Нашлись люди, которые ему помогли.

К восемнадцати годам определился его характер – расчетливый, смелый, решительный и жесткий. Он выбрал свой путь раз и навсегда.

Как-то брел он по Сухаревке, обдумывая предстоящее дело, и натолкнулся на какого-то мужчину, сделал шаг в сторону, но мужчина загородил ему дорогу и свистящим шепотом сказал:

– Харю-то подыми. Брови у тебя знаменитые, на всю жизнь запомнил. Узнаешь?

Лица он не узнал, а глухой и шипящий голос вспомнил.

– Жан Вальжан, – сказал он, быстро прикидывая, что можно извлечь из неожиданной встречи.

– Какой еще Жан? Зови, как все, Коброй. Мужиком стал, барчук, минут десять приглядывался, прежде чем признал. Да, как зовут-то тебя, барчук?

– Михаил.

– Хорошее имя, – просипел Кобра. – Пойдем, Михаил, обмоем встречу.

На неизвестной Михаилу малине Кобра внимательно его выслушал и просипел:

– Брось ваньку валять, айда со мной. В Москве тебя уголовка вмиг заметет. Не хочешь? Ну, дело твое. Хочешь пристать к верным ребятам? Попробую. Когда-то я был хозяином на московских малинах.

Они прошатались несколько дней по притонам, встретили на улице Серого, и Михаил вошел в его банду. Он понимал трудности, которые его ждут, понимал, но, как выяснилось, недооценивал. Проходило время, а он не сумел стать для бандитов своим человеком.

Он понял, что налетчиков, какими он видел их со стороны, не существует, что в их мире смелость и ум – качества непривычные и даже чуждые, а такие понятия, как профессиональная честность при дележе и благодарность за помощь, полностью отсутствуют. В этом мире ценятся жестокость и вероломство. Прекрасно, и то и другое будет выдано сполна. Приняв это решение, он успокоился, но тут появилось неожиданное препятствие в лице его тезки, друга детства, вынырнувшего неизвестно откуда.

Они были знакомы еще до революции. Их семьи занимали одинаковое положение. Отцы посещали один и тот же клуб, а матери – одних и тех же портних. Дружба Михайлов поощрялась родителями, и после занятий они почти ежедневно появлялись в гостях друг у друга,

оба в гимназических мундирчиках, оба подтянутые и серьезные, как и подобало подросткам этого круга.

В долгие зимние вечера они чинно сидели в гостиной и, слушая «Лунную сонату» в исполнении музицирующей матушки, мечтали о «Наутилусе» капитана Немо, кабачках Мон-мартра и переделке мира. Мир переделали без них. С тех пор они не виделись.

Цыган приоткрыл тяжелые от бессонницы веки и оглядел комнату. Серж лежал лицом вниз, плотно обхватив подушку, спал или делал вид, что спит. Ночью, когда Серый посоветовал ему не расставаться с ребятами, Серж не возражал, пришел сюда и как лег, так и лежит. Его ровное дыхание Цыган слушал всю ночь. Оба они не раздевались, и Цыган был почти уверен, что под подушкой рука Сержа сжимает рукоятку нагана.

Цыган вскочил, достал из кармана ключ, отпер замок и, громко хлопнув дверью, вышел в коридор. Сделав несколько шагов, он на цыпочках вернулся и заглянул в замочную скважину: видны были только ноги, но, судя по их положению, Михаил не шевелился.

В соседней комнате был один Валет, который, сидя за столом, играл сам с собой в очко.

– Постигаешь науку? – спросил как можно миролюбивее Цыган.

Валет бросил пухлую колоду и, показав полный набор стальных зубов, сказал:

– Встали, ваше благородие? Серый с ребятами куда-то подался, а мне велел француза караулить.

– Без тебя уберегу. – Цыган взял карты и, ловко перетасовав, дал одну Валету: – Червонец.

Валет посмотрел карту и сказал:

– Два.

– Идет. – Цыган взял карту себе и дал опять Валету, потом еще одну.

– Паскудина! – Валет бросил карты. – Перебор! Шестнадцать с меня.

– Тебя девки любят, Валет. – Цыган дружески потрепал его по плечу. – Иди-ка ты лучше в кино, на Плющихе в «Ореоле» идет «Индийская гробница». Классная вещь, я вчера видел.

– Серый не велел, – нерешительно протянул Валет.

– Да он, наверное, только к вечеру заявится. Две серии, классный боевик, – убеждал Цыган.

– А чего ты меня гонишь? – подозрительно спросил Валет.

– Сиди, – равнодушно сказал Цыган и пожал плечами, – мне не мешаешь...

Вернувшись в свою комнату, он снял со стены гитару и, взяв несколько аккордов, поморщился. Опять эти мужики рвали струны и ревели свои тюремные песни. Михаил сопел в подушку и не двигался. Тогда Цыган настроил гитару и запел:

Скатерть белая залита вином...

Все гусары спят непробудным сном, –

подхватил Серж и сел на постели. Он потянулся и сладко зевнул. – До чего же здорово, что мы опять встретились!

– Да? – натянуто улыбнулся Цыган. – Пойдем выпьем, Мишель?

– Я не употребляю, тезка, – ответил Серж, встал, одернул сюртук и причесался. – Но за компанию могу посидеть.

Они вышли из комнаты и столкнулись с Валетом.

– Не велено. – Валет загородил выход.

– Ладно, отдохни, – властно сказал Цыган и ударил его по руке. – Можешь идти с нами.

Трактир был еще закрыт, но они прошли через черный ход и сели в пустом полутемном зале, где за одним из столов, положив голову на гитару, спал бывший офицер лейб-гвардии гусарского полка.

– Бедная Россия, – пробормотал, глядя на него, Цыган и повернулся к Валету. – Организуй что-нибудь.

– Будет сделано, ваше благородие, – буркнул Валет и пошел на кухню.

Цыган достал из кармана колоду карт.

– Сыграем да продолжим рассказ о житье-бытье. Что ты тут подделываешь?

Серж внимательно посмотрел на Цыгана и взял предложенную карту.

– Суета сует и прочая суета. Боже мой, Михаил, боже мой, что бы сказали наши мамы и папы, если бы они увидели своих ненаглядных в такое время и в таком месте! Дай еще одну.

Цыган молча дал ему карту.

– Опять же, помнишь, они играли в вист, а мы режемся в очко. О времена, о нравы, как говорил наш латинист, когда перехватывал мою шпаргалку, адресованную тебе... Анкор, мон ами.

Цыган протянул ему еще одну карту и сказал:

– А мне нравятся эти люди. Простые... Свистка, к примеру, не очень волнуют комментарии о Галльской войне. А Валет, наш милый коллега, почти уверен, что Публий – это один поэт, Овидий – другой, а Назон уж совсем третий.

– У меня девятнадцать, – раскрыл карты Серж.

– Двадцать одно, – сказал Цыган.

– Да, тебе везет, Михаил, а мне вот... – Серж встал, подошел к спящему офицеру, взял гитару и неумело, одним пальцем стал наигрывать «все гусары спят непробудным сном».

Цыган повернулся на стуле.

– Слушай, мне кто-то говорил, что тебя видели в форме красного командира.

– Мне тоже говорили. – Серж улыбнулся.

– Что же?

– Что ты в какой-то школе на чекиста учишься.

– Интересно, – Цыган внимательно посмотрел на Сержа и стал раскладывать пасьянс, – мне это в голову не приходило. Надо будет проверить...

– Что именно, Михаил?

– Потом расскажу, а пока предупреждаю. – Цыган смешал карты и с милой улыбкой продолжал: – По краешку ходишь, запомни, и Серому голову зря морочишь. Не путайся под ногами, друг детства. Мне Серый нужен для других дел. С его бандой можно взять банк, и я уйду отсюда как можно дальше. Ненавижу грядущего хама.

Офицер поднял голову, мутными глазами посмотрел на Сержа, Цыгана, откинулся на стул и снова заснул.

– Бедная Россия, – повторил Цыган. – Вот он, георгиевский кавалер, за рюмку водки готов «Интернационал» играть. Нет сильных личностей, чтобы это стадо, именуемое русским народом, повернуть вспять... Ну да еще посмотрим. Кстати, Мишель, – Цыган встал, – мне нужно на полчаса отлучиться. Не обидишься?

Серж молча пожал плечами.

– Валет, – крикнул Цыган, – я скоро вернусь.

Валет вошел в зал с тарелкой в руках.

– Жрать нечего, объедки какие-то.

– Найдём где поесть. – Цыган подошел к Валету вплотную и тихо добавил: – Помнишь, что тебе Серый приказал?

– Ну? – Валет посмотрел на Сержа. – Не бойсь, будет сидеть как кутенок.

– Смотри, Валет, ты его плохо знаешь, – прошептал Цыган и пошел к дверям.

– Не задерживайся, Мишель, – громко сказал Серж и улыбнулся. – Мне скучно без тебя.

Мастер сделал шаг назад, восторженно оглядел Пашку с ног до головы, будто не только стриг, но и одевал его, вообще создал собственноручно целиком от кончиков модных ботинок до самой макушки, закатил глаза и, прижав руки к груди, воскликнул:

– Готово-с, молодой человек!

Пашка с грустью посмотрел под ноги, где шелковистой горкой покоились его кудри, вздохнул, поднял глаза и встретился взглядом со своим двойником в зеркале. Уши, которых Пашка раньше не замечал, вдруг нахально заявили о своем присутствии. Зато появился лоб, очень даже высокий и благородный, а пробор, ради которого он и отважился на эту операцию, был выше всяких похвал.

Пашка покорно повернулся, разрешая мастеру пройти щеткой по воротнику и лацканам нового пиджака, зажмурился в едком облаке одеколона и, сунув деньги в протянутую руку, выскочил на улицу.

Он шел деревянной походкой, словно манекен, чувствуя на себе насмешливые взгляды прохожих, и сосредоточенно смотрел прямо перед собой. Первыми Пашкиными судьями были папиросники на углу.

Профессиональным взглядом выловив в толпе франтоватую фигуру, пацан моментально оказался рядом и откуда-то из-под локтя скороговоркой выпалил:

– Гражданин-товарищ-барин, папиросы «Люкс». Угощайтесь.

Пашка остановился, с трудом втиснул руки в карманы модных брюк, и вся его фигура моментально преобразилась и вновь приобрела утерянную свободу.

– Америка! – ахнул пацан и чуть было не рассыпал папиросы. – Ну даешь! Это класс! – Шмурыгая подошвами, прищелкивая языком и издавая другие нечленораздельные звуки, он обежал вокруг Пашки.

– Ну? – спросил Пашка и осторожно провел ладонью по волосам.

– Во даешь, Америка! Теперь ты можешь работать в лучшем ресторане и, если какой-нибудь фраер схватит тебя за руку, можешь спокойно извиниться и сказать, что перепутал карман.

– То-то! – гордо сказал Пашка, купил у парня папирос и двинулся дальше по Пятницкой. Ему было приятно получить такую высокую оценку, но в одном шкет был абсолютно не прав. Работать в этом наряде абсолютно невозможно, пиджак подхватывает и сковывает движения, а в карман брюк не то что чужой бумажник, собственная рука еле пролезает. Идти на работу следует в привычном, свободном костюме, который сейчас валяется под кроватью. Но он о работе и думать не может, хотя срывов и не было, но появился страх, и Пашка гонит мысли о том дне, когда надо будет надеть старый костюм и идти к мануфактурной лавке Попова. Пока деньги есть, а там будет видно.

Пашка зашел в кафе, где у него была назначена встреча с Аленкой, сел за самый дальний столик.

Странная девчонка эта Аленка. Накануне Нинка устроила из-за нее скандал и смоталась с каким-то залетным фраером, а Пашка ночевал у маленькой смешной девчонки. Чудеса начались, как только они поднялись по пахнувшей котами лестнице и, пробравшись по темному, заставленному сундуками коридору, закрыли за собой дверь ее комнатухи. Пашка разделся, плюхнулся на узкую железную кровать и тут же заснул. Когда он проснулся, было уже светло, часа четыре, наверное. Аленки рядом не было. Пашка оглядел каморку и страшно удивился, увидев девчонку спящей на каком-то тряпье под столом. Он хотел было подняться и перенести ее на кровать, но лень победила, и он снова заснул. Утром Аленка растолкала его и, приложив палец к губам, шепнула:

– Одевайся, Паша. Только, ради бога, тихонько, у нас здесь все-все слышно.

Пашка поднялся заспанный и злой, быстро оделся и, не попрощавшись с негостеприимной хозяйкой, вышел на улицу. Он тихо присвистнул, когда увидел, что только семь часов.

Куда же деваться в такую рань? Стоило ругаться из-за нее с Нинкой, чтобы оказаться в таком пиковом положении? Так он и стоял в нерешительности, когда кто-то тронул его за руку и тихо спросил:

– Сердишься?

Аленка прижималась виском к его плечу и заглядывала в глаза.

– Не сердись, Пашенька. У меня нельзя ночевать. Я и пустила-то тебя только потому, что боялась, что с Нинкой уйдешь.

– А где же мы жить будем? – спросил Пашка. – Или каждый день в семь утра на улицу вытряхиваться?

– Паша. – Аленка зажмурила глаза и всхлипнула.

– Брось сейчас же, – сердито сказал Пашка и обнял ее за плечи. Он спросил о ночлеге, так как по опыту знал, что в ближайшие дни с Нинкой помириться не удастся. Но теперь, когда он увидел эти зажмуренные глаза и понял, как расценено его беспокойство, Пашка почувствовал себя таким большим и сильным, что невольно выпрямился, покровительственно погладил Аленку по щеке и сказал:

– Не реви, найдем хату, подумаешь, дело! Будем вместе жить, как люди, чин по чину. Пойдем.

Они купили у лоточницы жареные пирожки, уселись на скамейке пустого сквера и молча жевали, оба потрясенные принятым решением.

Пашке хотелось взглянуть на Аленку. Вчера он в начале вечера нервничал, а потом в пьяном угаре ругался с Нинкой и не рассмотрел девчонку как следует. Но он боялся смутить доверчиво прижавшегося человека, ел пирог и обдумывал создавшееся положение.

Даже здорово, что он развяжется с этой проституткой; конечно, Аленка тоже не бог весть что, но вроде девка душевная. Хату снять надо, хватит валяться по чужим кроватям. Только как же она выглядит, эта Аленка? Не дело Пашке Америке иметь непригожую подружку, засмеять могут. Черт ее разбери, блондинка она или брюнетка?

– Паша, ты о чем думаешь? – спросила Аленка и потерлась щекой о плечо.

Пашка вытер клочком бумаги жирные пальцы и решил пойти на хитрость.

– Аленка, будь другом, – сказал он, – сбегай на угол, купи пачку «Люкса», – и сунул ей в руку полтинник.

Девчонка вскочила, отряхнула с подола крошки и побежала по дорожке сквера.

«Очень даже ничего», – решил Пашка, посмотрев на стройную длинноногую фигурку, поднялся и пошел следом.

Он решил начинать новую жизнь солидно, крикнул Аленке, чтобы вернулась, и сказал:

– Идем в торговые ряды, приодеть тебя надо.

Но девчонка заупрямилась.

– Нет, – сказала она твердо, – я с тобой не пойду, Паша. Не хочу, чтобы на меня как на девку смотрели. Мол, взяли замухрышку напрокат и одевают.

Пашка дал ей пять червонцев и договорился встретиться в двенадцать часов в кафетерии, а сам отправился искать комнату. Он обратился за помощью к пацанам-папиросникам и по их подсказке, как выражаются жулики, вышел сразу в цвет. Комната была в порядке, хозяйка, видно баба опытная, окинула Пашку оценивающим взглядом, молча дала ключи и даже не спросила задатка. Потом Пашка махнул на все рукой, купил себе новый костюм и отправился в парикмахерскую.

Теперь сидит в кафе, крутит в наманикюренных пальцах папиросу и чувствует себя как рыба, вытащенная из воды. Аленку он увидел, когда она остановилась рядом и тронула Пашку за плечо. Вернее, он увидел ее, как только она вошла в двери, но узнал только сейчас. Узнал и ошалел: неужели эта краля – Аленка? Затянутая в простенькое полотняное платье, она теребила в руках яркий зонтик и, сдерживая улыбку, покусывала полную губку; ее нежная кожа

светилась румянцем. Из-под белой панамы она глядела на Пашку огромными, в пол-лица, глазами.

Пашка вспомнил Серого, встал и поклонился.

– Добрый день, дорогая, – сказал он утробным голосом и гордо оглядел немногочисленных посетителей. – В этой забегаловке мы, конечно, завтракать не будем. – Он взял Аленку под руку и повел к выходу.

– Эй! – крикнул Пашка проезжавшему мимо лихачу и вскочил на мягко качнувшуюся подножку.

– Прежде меня пропусти, – прошептала Аленка одними губами и, подобрав юбку, так вошла в пролетку, будто только этим всю жизнь и занималась.

Они чинно уселись рядом, и Пашка сказал монументально-величественной спине извозчика:

– «Балчуг».

– Па-а-жа... – пророкотал лихач, и пролетка мягко покатила по мостовой.

– Как в кино, – прошептала Аленка и сжала Пашке руку.

Двери «Балчуга» услужливо распахнулись, при виде Пашки и его спутницы у швейцара удивленно поползла бровь, но он тут же вернул ее на место и, раздвигая портьеру и низко кланяясь, сказал:

– Прошу, молодые люди.

Официант тоже «не узнал» Пашку, поклонился, подал меню и отошел.

– Пашенька, – тихо сказала Аленка. – Мне ничего, ничего не надо. Я абсолютно сыта.

– Кино кончилось, – Пашка швырнул меню и расслабил узел галстука, – не могу, Аленка. Витька! – крикнул он официанту, а когда тот подошел, сказал: – Здорово. Аленка моя подружка, так что можешь не выкаблучиваться. Дай мне выпить и бутерброд с рыбой. А девчонке дай... Что тебе?

Аленка положила на свободный стул зонтик, сняла панаму и облегченно вздохнула.

– Дайте мне, пожалуйста, бифштекс. Это я в кино сыта, а в жизни я ужасно голодная.

– Хороший парень Витька, – сказал Паша, провожая глазами официанта. – Зимой я иногда на мели сижу, так он меня месяцами в долг кормит. Как надоем в трактире Петровичу, был в «Трех ступеньках» такой половой, так сюда – к Витьке. Мировой кореш.

– Есть такие, – согласилась Аленка. – Меня в трактире Николай тоже три недели кормит.

– Это какой, рыжий, что ли? – спросил Пашка.

– Он. Смешной ужасно, – Аленка заулыбалась, – ругается, а сам добрый. Если за столом посторонние, так он подаст обед, потом бросит на стол двугривенный и шипит: «Сдача ваша с рубля. Ходят разные, едят на копейку и чаевых не дожدهшься».

Пашка удивленно смотрел на Аленку, не перебивая, и неожиданно спросил:

– Ты спишь с ним?

Аленка залилась румянцем.

– Что ты говоришь, Паша? У меня и не было еще никого. Можешь не верить, а не было, – быстро зашептала она. – Я месяц назад на улицу вышла, три вечера бродила, мужчины на меня ноль внимания, а я боюсь заговорить. Меня Катька увидела и позвала с собой. Так я и попала в трактир. Сижу вечер, два. Катька и другие девчонки кавалеров находят, а я – нет. Как-то вечером сижу за столом одна, совсем от голода ослабла, подлетает этот Николай – и бряк на стол ужин и бутылку лимонада. Расставляет тарелки, смотрит на меня зверем и шипит: «Слово кому скажешь – уши оборву». А громко соловьем поет: «Салатик, дамочка, пожалуйста, телятина свежая, можете не сомневаться». Так и пошло с тех пор. Я прихожу в трактир и жду, когда он меня заметит. Сижу, тобой люблюсь. Паша гордый расхаживает и на меня, конечно, ноль внимания.

Пашка верил, что девушка говорит правду, но не мог понять, как такой сквалыга может задаром кормить девчонку чуть ли не месяц, и ведь ясно, что она отдать деньги не сможет.

– А вчера что же, он не накормил тебя? – спросил Пашка.

– Он девочек, которые сидели со мной, не любит, – сказала Аленка и погладила Пашку по руке. – Ты о чем задумался?

– Девочек не любит, а тебя любит? – Пашка недоверчиво посмотрел на девчонку.

– Я же не такая. – Аленка наклонила голову. – Как ты не понимаешь? Он их называет... – Она нахмурилась и прикусила губу. – Как же он их называет? Наследство, что ли. Ну, как бы что они от царя нам остались.

– Что? Вот он как говорит, черт рыжий!

– Пашенька. – Аленка смотрела испуганно. – Ты его не трогай, он очень хороший. Я не знаю, что с собой сделаю, если с ним из-за меня беда приключится.

– А если беда должна приключиться или с ним, или со мной? Тогда как?

Подошел официант и поставил на стол ведерко с бутылкой шампанского.

– Просили передать, Америка. – Он улыбнулся. – Там у окна твои кореша сидят.

– Кто такие? – спросил Пашка, оглядел зал и увидел Сержа, который приподнялся со стула и поклонился. Рядом с Сержем сидел Валет, а напротив еще кто-то, Пашке был виден только затылок, и, лишь приглядевшись, он узнал Цыгана.

Серж, поглядывая в сторону Пашки, что-то говорил своим приятелям, потом встал и пошел к их столу. Он подошел, поклонился и поцеловал Аленку руку.

– Добрый день, друзья. Очень рад вас видеть, – сказал он и еще раз поклонился. – Не будете ли вы так любезны и не согласитесь ли пересесть к нам?

Краснея от смущения, Аленка молчала. Пашка нахмурился и хотел было отказаться, но Серж сжал ему локоть и многозначительно сказал:

– Личная просьба, Павел. Наше соглашение пока еще не расторгнуто.

– Пошли, Аленка. Неудобно отказываться. – Пашка встал.

На новом месте было неудобно. Валет, лениво прихлебывая пиво, смотрел в окно и на появление гостей никак не реагировал, а Цыган, как всегда, был зол и встретил вновь прибывших ехидной улыбочкой. Серж, усадив Пашку и Аленку, закурил, пускал кольца и, поглядывая на своих приятелей, кажется, получал удовольствие от созданного им же неудобного положения.

Пашка посмотрел на смущающуюся Аленку и разозлился.

– Что это вы сидите как на похоронах? – спросил он. – Я к вам в гости не напрашивался. А раз пригласили – угощайте.

Официант принес заказ, откупорил и разлил шампанское.

– Как же мне тебя звать? – спросил Цыган, обращаясь к Сержу.

– Я же тебя зову Цыганом, – ответил Серж, взял бокал с шампанским и поклонился Аленке.

– Бросьте вы эту бодягу, – протянул Валет. – Посмотри на этих дураков, Америка. Не виделись десять лет. Выпили бы по случаю такой встречи, так нет – сидят, ругаются: почему тебя так зовут, а не так. Сами не пьют и мне не разрешают. Мочу конскую глотаю. – Он отставил бокал с пивом. – Взять меня, так я и не помню, как меня от рождения звали.

– Очень мне смешно видеть друга своего детства в роли блатного, – любясь пузырьками в хрустальном бокале, сказал Серж. – Павел, ты его, – он кивнул в сторону Цыгана, – конечно, давно знаешь?

– Да с месяц, наверное, – ответил Пашка.

– Очень интересно. – Серж улыбнулся и подмигнул Пашке.

– Мы с тобой оба много интересного знаем, – сказал Цыган. – Ты знаешь, куда я утром ходил?

– Я не гадалка с Киевского вокзала, – насмешливо ответил Серж, – но думаю, что ты бегал разузнавать обо мне.

– Верно, – Цыган кивнул, – и был я у Семеновых. Помнишь Машеньку Семенову? Отец, между прочим, у нее в полиции работал, и я решил навестить его. – Он сделал паузу, оглядел присутствующих и снова повернулся к Сержу. – Ты понял меня?

– Брось ты, Михаил, глупости рассказывать, – миролюбиво сказал Серж. – Выпьем лучше.

– Нет, пить не будем. Так вот, в доме Семеновых мне и сообщили, – Цыган опять посмотрел на всех по очереди, – что Михаил в новую власть прямо влюблен... Я не поверил. Михаил из очень порядочной семьи и к красным особой симпатии иметь не должен. А мне говорят: брось, мил человек. Точно известно, что Михаил с родителями разошелся и сейчас в какой-то специальной школе на чекиста учится. Идейным стал мой друг детства. – На скулах Цыгана под смуглой кожей заходили желваки. – А я идейных особенно не люблю.

Пашка вспомнил, что два дня назад именно эти слова слышал от Сержа.

– Как вам, друзья, это нравится? – спросил Цыган.

Все смотрели на Сержа, а Валет взял его за плечо и спросил:

– Это он про тебя, француз?

– Понимаете, друзья, – продолжал Цыган, – мучает меня совесть, что я все это Серому не рассказываю.

– Очень интересно, – Серж отставил бокал и стряхнул с плеча руку Валета, – я сказки с детства обожаю. Валет, ты не знаешь, почему действительно мой друг детства – я не могу привыкнуть к его новому имени – не расскажет эту сказку Серому?

Валет хмуро посмотрел на Сержа, потом на Цыгана и сказал:

– Расплачивайтесь, и пошли в трактир. Есть головы поумней моей, пусть они и думают.

– Пойдем? – спросил Цыган и рассмеялся.

Вечером Пашка оставил Аленку дома, а сам пошел в трактир. Правду говорил Цыган или нет? Что же за человек на самом деле Серж? Что решит Серый? Эти вопросы не давали Пашке покоя, и последний квартал он почти бежал.

Он вошел через заднюю дверь и сразу направился в кабинеты. В коридоре Пашка встретил Валета, который нервно расхаживал взад и вперед и, увидев Пашку, сказал:

– Притаранил обоих и посадил с ними Свистка. Серого нет, а Варька приперлась и строит амуры французам. Слушай, Америка, – он длинно выругался и ударил ногой пробежавшую по коридору кошку, – посоветуй, что делать? Все перепуталось. По краешку ходим, а зачем мне это? Может, сорваться, как думаешь?

Пашка решил за лучшее не отвечать и, пожав плечами, прошел в центральный кабинет.

– Привет честной компании, – сказал он и подумал, глядя на заставленный тарелками и графинами стол: «Как они не устают пить и жрать с утра до вечера?»

Свисток методично шевелил челюстями и прерывал это занятие только для того, чтобы налить и выпить стакан водки. Хват и Цыган, поставив между собой стул, резались в карты. Серж с Варькой сидел на диванчике, держал ее за руку и что-то быстро говорил.

– Паша, иди сюда. – Варвара взяла Пашку за руку, посадила рядом и обняла. – Что ты от меня шарахаешься, как от чумной? Полюбовника моего боишься?

– Прекрати, Варька, – Пашка оторвал от себя горячие руки и отодвинулся, – тебе бы только скандал завести, а потом ты в кусты.

Варвара повела плечами и наклонилась вперед, так что в глубоком вырезе платья Пашке стали видны тяжелые круглые груди.

– Боишься, парень, – она надула губы и повернулась к Сержу, – а вот Сержик не боится. Не боишься, Сержик?

У Сержа раздувались ноздри, он завороженно смотрел на кокетку, и Пашка боялся, что Серж сейчас при всех поцелует ее или сделает какую-нибудь другую глупость.

– Прекрати, стерва, – Пашка шлепнул Варвару по спине, – парень ни тебя, ни Серого не знает.

– А он красавчик, – продолжала кокетничать Варвара, – люблю молоденьких. Что же мне, и развлечься нельзя?

Серж двумя пальцами вынул из нагрудного кармана кольцо, взял Варвару за руку, поцеловал ладонь и надел кольцо на палец.

– Какая прелесть! – прошептала Варвара и спрятала руку за спину.

Пашка беспокойно оглянулся, но никто не обращал на них внимания. Тогда он взял стул и сел таким образом, чтобы загородить собой Сержа и Варвару от остальных.

– Фамильная безделушка, – тихо проговорил Серж. – Уйдем отсюда. Что тебе Серый? Что тебе все эти люди? Разве ты для такой жизни создана?

– Что ты, миленький, я же больших денег стою, – шептала Варвара, – откуда они у тебя?

Серж замялся, потом решительно сдвинул брови и сказал:

– Будут деньги. Сейчас нет, но будут.

– Сторишь, как фраер. Другого места не нашел, где слюни распускать? – сказал Пашка.

– А ты не суйся. – Варвара одернула шелковое платье, выставя свои прелести. – Может, он вправду любит и заберет к себе? – сказала она в полный голос.

– О чем вы тут калякаете? – спросил, подходя, Свисток. – Какая еще любовь?

– Вот и расхлебывай, – пробормотал Пашка и вместе со стулом отодвинулся в угол.

Серж даже не пошевелился и махнул на Свистка тонкой рукой.

– Ай да друг детства! – расхохотался Цыган.

Тяжело, со свистом дыша (за что он и получил свою кличку), Свисток надвигался на Сержа.

Варвара вскочила и встала между ними.

– Ты что лезешь? – закричала она. – Какое имеешь право вмешиваться? Кавалер мне кольцо подарил. – Она сунула Свистку под нос руку. – Видишь? Он меня на содержание приглашает, а может, женится.

В кабинете стало тихо, как в покойницкой. Все понимали, что Варька нарочно продала Сержа и таким заступничеством поставила под его приговором подпись Серого. Свисток смотрел поверх Варвары на Сержа, который, втянув голову в плечи и засунув руки в карманы френча, теперь стоял, прижавшись к стене.

– Женится, говоришь. – Свисток смахнул Варвару со своего пути, как тряпичную куклу, и она, опрокинув стул, упала на диван. – Давно я до этого французика добираюсь.

В руке Свистка тускло засветился нож. Пашка сжался на стуле, будто удар предназначался ему, отвернулся и увидел, как, оскалив ровный ряд острых зубов, Цыган поднимает наган.

Выстрел хлопнул неестественно тихо, словно игрушечный, Свисток сделал еще шаг, казалось, что такой пустяк не может его остановить. Серж скользнул вдоль стены, раздался второй хлопок, и только теперь Пашка понял, что стреляет не Цыган, а Серж. Что стреляет он, не вынимая оружия из кармана френча, сквозь подкладку, от этого и звук такой глухой и тихий.

Свисток ткнулся лбом в перегородку, колени у него подогнулись, и он медленно и тяжело сполз на пол.

– Ай да друг детства, удружил ты мне, патрон сберег. Я бы его все равно пришил. – Цыган спрятал наган за пазуху. – Молодец-то молодец, только что ты Серому скажешь?

– Что я, поросенок?! – истерически взвизгнул Серж. – Стоять и ждать, пока он мне глотку перережет?!

– Опять стрельба?

В дверях кабинета стоял Серый, а из-за его плеча выглядывал Валет.

Глава восьмая. Если ты классный вор

...Похабно улыбаясь, кривила накрашенный рот Варвара. Блестел нож в руке тяжело дышавшего Свистка, а Серж заходился младенческим криком. Цыган сжимал в руке наган, и его ствол был направлен на Пашку. Лицо Серого, неподвижное, словно покрытая пылью маска, расплывалось до огромных размеров. Не разжимая плотно стиснутых губ, Серый о чем-то грозно спрашивал...

...Пашка проснулся от прикосновения к лицу мягкой и прохладной ладони.

– Что ты, Пашенька? Что ты, родной? Ты что кричишь? – услышал он испуганный голос Аленки.

Пашка соскочил с кровати, пошел на кухню и умылся.

– Сколько времени? – спросил он, вернувшись в комнату и вытираясь откуда-то появившимся махровым полотенцем.

– Семь, – сказала Аленка.

Она ловко застелила кровать, повязала косынку и сунула ноги в старенькие тапочки.

– Больше не спи, жди меня, – быстро говорила Аленка, укладывая в холщовую сумку какие-то баночки. – Я только на рынок и обратно. Поставь чайник, – крикнула она уже из коридора.

Пашка пошел на кухню и стал возиться с примусом.

Чем кончилась вчерашняя история? Смерть Свистка оказалась не концом, а послужила лишь началом быстро разворачивающихся событий.

Серый подошел к Свистку, лежащему огромной бесформенной тушей, и ткнул его ногой.

– Кто? – равнодушно спросил он.

Все молчали, только на диване тихо всхлипывала Варвара.

– Замолчи, Варька, – раздражаясь, сказал Серый, – я спрашиваю, кто стрелял?

– Он бросился на меня с ножом. Все видели, – сказал Серж, пытаясь непослушными пальцами вытащить ватку из знакомой Пашке трубочки.

– Так, – задумчиво сказал Серый, сел на диван рядом с Варварой и стал сосредоточенно разглядывать присутствующих. Из-за портьера вынырнул отец Василий, увидел труп и мелко закрестился.

– Раб божий преставился. Все там будем.

«Если на него самого наставить пушку, как он запоеет?» – подумал Пашка, глядя на маленького кривобокого человечка с бегающими глазками и тонкой шелкой рта.

– Тебе приказали явиться, сынок. Ждут, – сказал Серому отец Василий. – А детки божии пусть не расходятся, покойничка пока вынесут. Я Николушке сейчас скажу, чтобы запрягал.

При слове «приказали» дряблая кожа на лице Серого нервно дернулась, а тусклые глазки совсем исчезли под набрякшими веками, но он послушно встал и пошел к выходу.

– Валет и Хват, уберите труп и следите, чтобы живые были все на месте. Варька, домой иди, – сказал он в дверях.

Валет и Хват пытались приподнять труп, но сразу же отказались от этой затеи и, схватив его за ноги, поволокли к выходу.

– Цыган, прикрой дверь в залу, – сказал Валет.

– Слышал, что сказал Серый? – спросил Цыган, не трогаясь с места. – Вы должны вынести покойничка и следить, чтобы живые не разбежались. Я теперь доверием не пользуюсь и выходить из кабинета не могу.

– Да как же мы его, черта тяжеленного, вынесем, если дверь в зал будет открыта? – спросил, отдуваясь, Хват.

– Вас облекли высоким доверием, и вы же недовольны.

Цыган сидел развальясь, ковырял спичкой в зубах и откровенно издевался над бандитами.

– Не забудьте сторожить меня и вон того джентльмена, который так ловко стреляет из кармана.

Пашка встал, перешагнул через Свистка, хлопнул Валета по спине и сказал:

– Тащи это дерьмо во двор, а я у дверей в залу покараулю.

– Америка тоже подозрительный, смотри, Валет, не упusti, – крикнул из кабинета Цыган и довольно захохотал.

Пашка побаивался покойников, он в своей жизни не только никого не убил, но и никогда не носил оружия. Свистка ему жалко не было, туда и дорога этому висельнику. Пашка встал в дверях лицом в зал и сквозь плотную дымовую завесу оглядел посетителей. И почему власть не прикроет блатное заведение? Из-за дальнего столика замахала рукой Нинка. Видно, девка решила мириться, но Пашка сделал вид, что не заметил. Он вспомнил чистый профиль Аленки, ее испуганные и в то же время доверчивые глаза и заулыбался.

Сзади раздалось хриплое дыхание, шарканье ног. Валет и Хват проволокли свою тяжелую ношу. Можно идти назад, но Пашка привалился к притолоке и не двигался.

И как он попал в такое положение? Он, Пашка Америка, – карманник, а не бандит! Не нужны ему чужие заботы, от которых пахнет смертью и длинными сроками заключения.

В зале неожиданно стало тихо, и Пашка поднял голову. По проходу шли, по-хозяйски оглядывая зал и посетителей, два парня и девушка. Даже если бы у них не было красных повязок на рукавах и пистолетных кобур у пояса, Пашка все равно узнал бы в этой тройке комсомольский патруль. Они шли не торопясь, девчонка строго хмурила тонкие брови, а парни, улыбаясь, переговаривались между собой. Они были одеты просто, скорее бедно, но держались независимо, даже заносчиво.

Патруль дошел до конца зала и остановился в двух шагах от Пашки.

– Жизнь тоже, – шурясь от дыма, сказал высокий парень.

– Их бы на лесоповал недельки на две хотя бы, – буркнул второй и закашлялся. – Что они здесь, от жизни прячутся, что ли?

Девушка молча и нетерпеливо постукивала ногой в парусиновой туфле, повернулась к Пашке и спросила:

– Кабинеты?

Пашка посмотрел в строгие серые глаза девчонки и молча посторонился, а когда патруль прошел в коридор, двинулся следом и вдруг с сожалением подумал: «Чуть опоздали, граждане начальники. На десяток минут раньше бы. Поглядел бы я тогда на гоп-компанию Серого. Эти ребята наганы не за пазухой носят и стреляют наверняка не из кармана».

Девчонка заглянула в один кабинет, потом услышала голоса и резко отдернула засаленную портьеру кабинета, где сидели налетчики.

Пашка очень жалел, что не видит лиц Серого и компании.

– Пламенный революционный привет!

Пашка узнал звонкий голос Цыгана.

Парни презрительно ухмыльнулись, а девчонка положила руку на бедро и заразительно рассмеялась.

– Вот шут гороховый! Наверное, уверен, что хорош.

Патруль обошел Пашку, словно столб, и вернулся в зал.

Пашка вошел в кабинет, сел в сторонке и злорадно оглядел присутствующих.

Цыган кусал губы и смотрел на Сержа.

– Упустил ты момент, друг детства. Встать бы тебе и уйти вместе с товарищами. Жив бы остался.

Серж не ответил и с безучастным видом продолжал полировать ногти.

В коридоре раздались быстрые шаги, и через секунду в кабинет вошел Серый. Он оглядел присутствующих, резко придвинул стул, сел и, ломая спички, стал закуривать. Его обычно мертвенно-серое лицо сейчас было в красных пятнах, а худая спина еще больше торчала острыми лопатками.

«Видно, попало от начальства», – злорадно подумал Пашка и, пряча довольную улыбку, прикрыл рот рукой.

– Никто не сбежал, все на месте, – сказал Цыган и обвел рукой кабинет. – Отсутствует Свисток, которого по твоему высокому повелению отправили прогуляться во двор, и сейчас он, наверное, уже купается. Ликвидировали его даже быстрее, чем я надеялся.

– Заткнись, – тонко взвизгнул Серый, – я с тобой еще поговорю. Мне Валет рассказал кое-что об этом парне, – он кивнул в сторону Сержа, – почему ты раньше молчал?

– Только сегодня придумал, – пробормотал Серж и подул на пальцы.

– Сволочи! Все сволочи! – Серый вскочил, но поскользнулся и снова упал на стул. – Что это? – Он шмурыгнул ногой по полу, и какая-то книжечка вылетела из-под стола.

Валет нагнулся, поднял ее и бросил на стол.

– Бульварные романчики почитываете. – Серый посмотрел на книжку и замолчал. Рот у него полуоткрылся, глаза прищурились, а поблекшие было пятна вспыхнули с новой силой. Он пододвинул к себе книжку и прочел: – «Словарь воровского и арестантского языка. Составил пристав Попов».

Все сгрудились у стола и молча смотрели на небольшую книжечку в коричневом бумажном переплете.

– «Перепечатка воспрещается. Город Киев. Тысяча девятьсот двенадцатый год», – прочитал Валет.

– Чья? – спросил Серый и развел руки, отстраняя всех от стола.

– Думаю, что хозяин не найдется. Это же настольная книга молодого красного сыщика. Вживание в образ, так сказать, – пробормотал Цыган, возвращаясь на свое место.

– Чего вживание? – не понял Серый.

– Расспроси моего друга детства, он тебе объяснит.

– Я бы на твоём месте, Игорь, не трогал эту штуковину руками, – сказал Серж. – На книжке наверняка есть пальцевые отпечатки хозяина, и, если бы у меня была лупа и специальный порошок, я за двадцать минут нашел бы человека, который держал эту книгу в руках. Но моему заключению вы не поверите, так что ищите другого эксперта.

Пашка не заметил, как в кабинете появился отец Василий. Видно, он слышал весь разговор, так как протолкался к столу, завернул книжку в салфетку и, перекрестившись, спрятал ее под передник.

– Откуда у нас ученые? – пробормотал он. – Антихристово творение. В огонь его, в огонь. Пашке показалось, что Цыган посмотрел на Сержа и улыбнулся.

– Делай, что тебе приказано, сынок. Помоги тебе царица небесная. – Хозяин опять перекрестился и взял Пашку за рукав. – Идем с богом отсюда. Людям поговорить надо.

Пашка обрадовался и пулей выскочил из кабинета.

Что-то обожгло спину, и Пашка подпрыгнул на табурете.

Рядом стояла Аленка, смотрела серьезными глазами и показывала ему мокрую ладошку.

– От самого рынка ледышку несла, – сказала она, – у рыбников стащила, ужасно холодная.

– Для того, чтобы мне за шиворот бросить?

Пашка двигал спиной, пытаясь избавиться от обжигающего тела льда.

– Ага, – сказала Аленка, сунула ему за рубаху руку и прижала к груди замерзшую ладошку.

Пашка взвизгнул, отскочил в сторону и выдернул рубашку из брюк. Ледышка упала на пол.

– Я думала, тебе приятно, – разочарованно протянула Аленка, посмотрела на Пашку совершенно серьезно, и только в самом уголке глаза плясал чертенок смеха.

Аленка накрыла на стол, наложила Пашке полную тарелку салата из свежих овощей и поставила рядом шипящую сковороду с жареной колбасой и черным хлебом, залитым яйцом, сама села напротив и, подперев голову ладонями, смотрела, как он ест, и спрашивала:

– Вкусно, Паша? Вкусно?

Пашка молчал, качал головой, обжигаясь, уплетал яичницу и хрустел поджаренным хлебом. Когда на сковородке почти ничего не осталось, он спохватился и спросил:

– А ты почему не ешь?

Аленка улыбнулась и отобрала у него вилку.

– Вилка у нас одна, Пашка Америка. А почему тебя, Паша, Америкой зовут?

– Когда я маленьким был, – Пашка придвинул к ней сковородку, – мне сосед подарил такие длинные толстые носки. Ребята во дворе как увидели меня в этих носках, стали Америкой звать.

Аленка кончила есть и взглянула на будильник.

– Ты не опоздаешь?

– Куда?

– На работу, куда же еще? Тебе вчера здорово попало, что прогулял полдня.

Пашка не отвечал и пытался вспомнить, что он спяну наплел Аленке. Да и не было у него такой привычки, чтобы врать. Его «работа» всем известна, о ней даже уголовка прекрасно знает.

– А я что-нибудь тебе говорил? – осторожно спросил Пашка.

– Ты – ничего, я у Катки про тебя спрашивала, она и сказала: «Америка работает в торговых рядах, специалист высшей марки». – Аленка посмотрела на Пашку и покраснела. – Только ты не думай, пожалуйста, что я тебя полюбила из-за этой «высшей марки».

Пашка растерялся. Он никогда не скрывал, что вор, и все его девчонки об этом знали и даже гордились, что их кавалер – известный во всей округе карманник.

– Вот что, у нас должно быть все честно, – решительно сказал он и замялся, выбирая выражение помягче. – Я жулик. Обыкновенный жулик, даже не высшей марки. Я думал, что ты знаешь. – Пашка встал, надел пиджак и направился к дверям. – Я пошел на «работу» в торговые ряды. А ты думай: хочешь – оставайся, хочешь – уходи.

Пашка вышел на улицу и постарался принять беззаботный вид. «Тоже мне краля, вор ей не компания. Будто я виноват, что она не уличная, а честная. Была честная, а теперь спит с вором». Он смутился и оглянулся, не подслушал ли кто его мысли?

Пашка вошел в мануфактурную лавку и кивнул приказчику. Тот не ответил на приветствие и стал быстро листать свои книги.

– Ты что, не узнаешь? – спросил Пашка, облокачиваясь на кассу.

– Беда, Америка, – заметил приказчик и покосился на заднюю дверь. – Два дня назад приходили из уголовки и пригрозили хозяину, что, если тебя здесь или рядом увидят, прикроют заведение. Хозяин, конечно, мне накостылял. – Он похлопал по тонкой шее. – Уходи, ради бога, Америка.

Пашка ничего не ответил и зло хлопнул расхлябанной дверью.

Так, значит, обкладывают менты! «На первой же краже и сгоришь», – вспомнил он угрозу начальника. «Ну это еще посмотрим, кто сгорит. Пашку не запугаешь, голыми руками не возьмешь». Он зашел к Когану и выпил подряд две стопки водки. Пашка прекрасно знал, что пить на «работе» последнее дело, но упрямо зашагал в торговые ряды.

Как всегда, жертва появилась неожиданно. Худосочная дамочка приценивалась к детской шубке и неуверенно торговалась с улыбающимся продавцом. На остром локте дамочки болталась большая хозяйственная сумка, а из нее выглядывал уголок лакированного ридикюля. «Крестница ты моя милая», – подумал Пашка, не примериваясь и даже не останавливаясь, быстро выхватил ридикюль и сунул его в карман. Но он забыл, что одет в новый, а не в привычный «рабочий» костюм. Ридикюль не хотел влезать в карман модных брюк, и Пашка, чертыхнувшись, опустил его за пазуху. Видимо, он замешкался или неловко повернулся, и дамочка, тихо охнув, схватила его за рукав. Пашка надвинулся на нее и одними губами прошептал:

– Молчи, вмиг пришью!

Дамочка отпустила его и дрожащей рукой прикрыла бледные губы. Пашка шел нарочито медленно и ждал, когда сзади раздастся крик. «Не успею я выскочить из этих чертовых рядов. Бить будут», – равнодушно, как о постороннем, подумал он.

Оставалось не больше десяти шагов, когда Пашка увидел мента из районной уголовки. Этого молодого парня он отлично знал. Тот стоял при выходе из рядов и внимательно смотрел на Пашку, который, еле волоча ватные ноги, шел ему навстречу и уже нетерпеливо ждал: когда же она заорет?

Мент посторонился, пропустил Пашку и, глядя в сторону, спросил:

– Неудачно начинается день, Америка?

Пашка споткнулся, и ридикюль чуть не вывалился на мостовую. Из проходного двора потянуло прохладой и кислым запахом отбросов. Это была уже Пашкина территория, и он зашагал увереннее, хотя и не мог понять толком, как он выпутался из этой истории. Пашка вздохнул и испугался по-настоящему. Неожиданно сзади раздался drobный стук каблучков и чей-то прерывающийся голос:

– Подождите, молодой человек!

Пашка сделал прыжок и одновременно оглянулся: спотыкаясь о неровный булыжник и смешно размахивая сумкой, к нему спешила тоненькая дамочка. Она была одна и в пустынном, полутемном даже днем дворе была особенно маленькой и беззащитной. Пашка оторопело остановился. Он ожидал шумного и яростного преследования, искаженных лиц и поднятых кулаков, а хозяйка ридикюля сама чуть не падала и задыхалась, прижимая руки к груди. Наконец она подбежала, ткнулась в Пашку острым плечом и подняла бледное, мокрое от пота, но решительное лицо.

– Как же вы можете? – с трудом выговорила она и ткнула Пашку кулачком в бок. – Отдайте сейчас же. Добром прошу, а то я кричать буду, – свистящим шепотом говорила дамочка и теребила его пиджак.

Пашка стоял, стиснув руки в карманах брюк, прижимал локтем спрятанную под пиджаком добычу и, оглядывая темный двор, не знал, что делать. Дать ей подножку и убежать?

Дамочка наконец нащупала под пиджаком твердый край своего ридикюля и неловко потянула его. Пашка уже собирался сбить дамочку с ног, когда, дернув еще раз, она повисла у него на руке и совсем тихо прошептала:

– Лучше убейте.

Пашка вспомнил нож в руках Свистка и поднимающего наган Цыгана, отпустил ридикюль, и он шлепнулся на землю. Пашка отстранил рыдающую женщину и пошел на улицу. Он снова спустился к Когану, выпил у стойки еще три стопки, сел, выложил на столик всю свою наличность, пересчитал мятые купюры и сунул обратно в карман. Потом он долго бездумно смотрел в окно, курил и ловил на себе сочувственные взгляды по привычке вздыхающего старика. От выпитой водки, вздохов и сочувствия хозяина Пашке стало себя ужасно жалко. Почему-то вспомнились твердые, уверенные лица ребят, которые вчера осматривали трактир, и он опять пожалел, что патруль пришел поздно.

Шаркая непомерно большими ступнями, подошел хозяин, поставил перед Пашкой бутылку лимонада и сказал:

– Я лично против пьянства, но иногда это необходимо. Не думай, что старик только и мечтает о своей выгоде.

Пашка понюхал бутылку, налил половину стакана и, крикнув, выпил. Хозяин не имел разрешения на торговлю спиртным, но для постоянных посетителей наливал, а в особых случаях в бутылке из-под лимонада подавал и на стол. Пашка курил одну папиросу за другой и думал: «Первым делом бросить пить и послать к чертовой матери трактир и налетчиков. Денька два отдохнуть, отоспаться и привести себя в норму. На два дня денег хватит. Никаких девок – одной подавай каждый день новые наряды, другая чуть ли не политграмоте учить собралась. Съехала, наверное. – Пашка утерся ладонью и отодвинул бутылку. – Чтобы уголовка успокоилась, для виду можно и устроиться на какую-нибудь работенку полегче. Нужно узнать, чем кончилась вся чертовщина в трактире. Сегодня последний день, а завтра – амба».

В трактире было спокойно. Серый с друзьями отсутствовал, только Серж сидел в зале и дремал, вытянув длинные ноги в сверкающих штиблетах.

– Выпутался? – спросил Пашка и сел к нему за стол.

– А, это ты! – Серж зевнул, похлопывая по рту ладонью. – Серый не дурак, мой друг, и знает, кто ему может пригодиться.

– Как Варвара?

– Какая Варвара? – Серж недоуменно посмотрел на Пашку. – Эта проститутка, что ли? – Он махнул рукой. – Ошибка молодости, мой друг. Мне показалось, что у нее возвышенная, чего-то ищущая душа. Деньги, тряпки, побрякушки, на этом и кончаются идеалы сегодняшней женщины.

– А зачем тогда колечко ты ей дарил?

– Кольцо – это символ, мой друг. Ах, ничего ты не понимаешь! – Серж опять махнул на Пашку рукой и отвернулся. – Все так грубо и пошло.

Пашка смотрел на избалованного барчука, размахивающего перед его носом надушенными руками, и злоба медленно поднималась, трезвила и толкала его на резкий разговор.

– Жаль, что тебя не шлепнули, француз. Проморгал, кажется, Серый. И откуда у тебя пистолет?

– Я всю ночь играл в вопросы и ответы, мой друг. Я устал, а мне надо еще решить одну задачку, – лениво растягивая слова, сказал Серж и сел прямо. – Не все же такие бездельники, как ты.

– Какую задачку?

– Видишь, как ты нелогичен: то жалеешь, что не убили меня, то пристаешь с вопросами. Я на тебя не сержусь и расскажу тебе про свою задачку, но прежде ответь мне на один вопрос.

– Добрый вечер, Америка! – крикнул, подлетая, рыжий половой и наклонил голову. – Что прикажете?

– Пару пива, – сказал Пашка и повернулся к Сержу.

– Ты действительно классный вор, Павел? – спросил Серж, и вся его фигура подобралась и стала прямой и твердой.

– Говорят люди, что ничего, – неуверенно ответил Пашка. – А чего тебе?

– Да так, может, потом объясню.

– Я ответил, отвечай и ты. – Пашка взял с протянутого половым подноса кружку, сдул с нее пену и сделал несколько глотков. – Ну?

– Я говорил тебе, что здесь должно быть два, как вы выражаетесь, мента. Одного я знаю точно, а во втором не уверен. Приобрести уверенность и, так сказать, необходимые доказатель-

ства, – Серж щелкнул пальцами, – и есть моя задача. Как ты, мой друг, относишься к рыжему половому? – спросил он неожиданно.

Пашка посмотрел на Николая, который, стоя в проходе, разговаривал с только что вошедшим Клещом, вспомнил рассказ Аленки и молча пожал плечами.

– А я почти уверен, что это он и есть, – сказал убежденно Серж.

Половой Николай с Клещом подошли к их столику, Клещ сел, а половой встал в сторонке. Пашка, рассерженный, что прервали интересный разговор, недовольно сказал:

– Чего тебе?

– Слушай, Америка, поручись за меня этому рыжему жлобу. Не дает в долг, мало что проценты дерет, еще и поручителя требует. Говорит, дай тебе денег, а ты завтра в кутузку сядешь.

– А я что?

– Ежели ты поручишься за меня, то он червонец даст. – Клещ потянул Пашку за руку и, скосив глаза на безучастно сидевшего Сержа, зашептал: – Верное дело у меня завтра, а сейчас выпить хочется. – Он провел пальцем по горлу. – Выручишь?

– Валяй, – сказал Пашка и поманил полового. – Дай червонец человеку, я за него ручаюсь.

– С превеликим удовольствием, – половой положил на стол приготовленную загодя купюру, – всегда рад, но порядочек нужен.

Клещ плюнул под ноги, взял деньги и ушел.

– Видали его скотскую благодарность? – спросил Николай и достал из кармана блокнот. – Так я на тебя, Америка, записываю. – Он послунывил карандаш и стал, шевеля губами, что-то выводить в блокноте.

Пашка смотрел на его прилизанные рыжие вихры, лакейскую угодливую улыбку и сейчас не верил рассказу Аленки. Чтобы этот жмот задаром истратил хотя бы копейку, да не может быть! Когда половой поклонился и отошел, Пашка сказал:

– Видал кулаково племя? А ты говоришь: мент. Поручители, проценты, расписочки должников. У, шкура!

Серж, казалось, не слушал, смотрел в сторону и тер пальцами висок, потом, как бы спохватившись, переспросил:

– Шкура? Ах да, понятно, – и, уже окончательно придя в себя, продолжал: – Примитив, Павел. Я не о тебе, а о комедии, которую разыгрывает половой. Старо, как колесо телеги. Ненавидит он вашего брата, люто ненавидит, потому и завел ростовщическую контору. Дерет проценты, ежеминутно напоминает, что сегодня вор здесь, а завтра в тюрьме, наслаждается он от такой игры. Но игра эта его и погубит, а поставить точку в логической цепи моих умозаключений и подкрепить их необходимыми вещественными доказательствами должен ты, Павел.

– Это как же? – спросил Пашка.

Серж постукивал по зубам пилочкой для ногтей, выражение его лица непрестанно менялось: то оно улыбалось, то хмурилось, то становилось неподвижным. Но злость и наслаждение своим превосходством и властью присутствовали на его лице при всех выражениях.

– Этот половой довольно тонкая штучка. Но не для меня, Павел, только не для меня. Я обратил на него внимание в первый же день. Уж больно он такой как надо: и прилизанный, и подбострастный, и жадный. Полный букет. После разговора с тобой я стал приглядываться к половому внимательнее и заметил, что чем богаче и солиднее клиент, тем он подбострастнее, но тем он медленнее и хуже обслуживает. И наоборот, на рабочий люд он рычит, но обслуживает быстро и чаевых не берет. Это наблюдение легло первым камнем в здание моего умозаключения.

– Ты хитер, Серж, но, если хочешь, чтобы я тебя понял, ты говори нормально, – перебил его Пашка.

– Привыкай, – презрительно скривил губы Серж. – Но, как говорится, чем дальше в лес, тем больше дров. С каждым днем я все больше убеждался, а позавчера все окончательно встало на свои места. Ты знаешь, что позавчера в кабинетах произошел маленький эксцесс, и Свисток, – Серж перекрестился, – отправил к праотцам одного гражданина. Тело покойного положили на возок и, по местному обычаю, поручили половому спустить гражданина в канал.

– Что из этого? – спросил, не выдержав, Пашка. – Тарахтишь, тарахтишь, а о чем – не пойму.

– Гражданина этого рано утром хоронила красная милиция.

Серж откинулся на стуле и зевнул. Пашка, сопоставляя факты, молчал. Теперь рассказ Аленьки ярко дополнял картину, нарисованную Сержем. Мимо с подносом пробежал Николай, и Пашка проводил его долгим взглядом. Вот оно как поворачивается. Смелый, видно, парень, раз на такое дело пошел и отвез тело своим, чтобы похоронили по-человечески. И совестливый, раз Аленьку кормил чуть не месяц.

– Если ты классный вор, – Серж тряхнул Пашку за плечо и повернул к себе лицом, – если ты классный вор, Павел, – повторил он, – вытащи у полового из заднего кармана его блокнот. Сумеешь?

– Плевое дело. Но зачем?

– Вытащи, потом объясню. – Серж подтолкнул его со стула. – Ну?

– В заднике, говоришь! – Пашка встал, прикидывая, где лучше осуществить затею. – Сейчас нарисуем.

Он пошел в коридор и встал в самом узком месте, дожидаясь, когда побежит половой. Все произошло очень просто и не заняло и трех секунд. Николай вынырнул из-за угла с тяжелым подносом в руках, Пашка пьяно качнулся, чуть прижал полового к стене и взял двумя пальцами за уголок блокнота. Половой извинился и юркнул на кухню, а блокнот остался у Пашки в руке.

– Держи, француз. – Пашка бросил блокнот на стол и принялся за недопитое вино.

– Так-так. – Загородившись горой грязной посуды, Серж листал блокнот. – «В», «ср», «р», «б», – бормотал он, потом хлопнул себя по колену. – Я так и знал. Имена, клички и приметы посетителей трактира. Выше среднего роста, блондин, вот что означают эти буквы. Теперь он никуда не денется.

Пашка понял, что своей ловкостью приговорил человека к смерти, и посмотрел на полового. Николай по-своему понял этот взгляд и, вытирая пот, подбежал.

– Что прикажете?

Пашка смотрел в курносое веснушчатое лицо. «Ровесники, наверное».

– Спасибо, ничего не надо, – сказал он, отводя глаза. – Что ты теперь собираешься делать, Серж?

– Как – что? – удивился Серж, и его флегматичность и спокойствие как рукой сняло. – Серому отдам. – Он хлопнул по блокноту. – Серый мне по пятьсот монет за голову обещал, считай, тыщонка уже в кармане. Тебе тоже причитается.

– По пятьсот за покойника? – тихо переспросил Пашка.

– Нюансы меня не касаются. Это дело Серого. – Серж потер руки. – Пошли в кабинеты, он, наверное, уже там.

– Иди, я сейчас. Расплатиться нужно. Половой может припереться в кабинет не вовремя, еще услышит чего, – сказал Пашка.

– Молодец, Павел, все в жизни бывает. – Серж встал, спрятал блокнот на груди и застегнул пуговицы. – Жду.

Пашка не мог понять, почему он принял такое решение, но, когда Николай оказался рядом, он громко сказал:

– Получи, – а, выкладывая на стол деньги, шепотом добавил: – Быстро сматывайся. Француз тебя расколол, сейчас докладывает Серому.

Николай сунул мелочь в карман, поклонился и сказал:

– Спасибо, Павел. – Он запнулся, окинул взглядом зал и попросил: – Вызови из кабинета Цыгана. Его тут одна дамочка спрашивает.

Пашка вытер пот. «Сорваться? Под землей найдут». С трудом поднялся и пошел в кабинеты.

Серый сидел, смотрел блокнот и слушал объяснения Сержа.

– Молодец, Пашка, чистая работа, – сказал он и кивнул на стул. – Садись.

– Недаром Америка, – блестя стальными зубами, протянул Валет.

Пашка медленно опустился на стул, вспомнил о просьбе полового и сказал:

– Цыган, топай в залу, тебя там какая-то мамзель спрашивает.

Цыган встал, тронул Сержа за плечо, задумчиво посмотрел на блокнот, который Серый держал в руках.

– Я рад, что ошибся, друг детства. Вдвоем нам будет легче, – сказал он и вышел.

Серый закрыл дрожащими пальцами блокнот.

– Хват, позови отца Василия. – Он опустил голову и прикрыл вздрагивающей ладонью глаза.

Когда отец Василий, перекрестившись, уселся на кончик стула, Серый медленно, смакуя каждое слово, объяснил ему ситуацию.

– Изведи из темницы душу мою, – забормотал старик, – но ведь письмецо я от свояка получил. – Он стал рыться в карманах.

– Пусть не ищет. – Серж самодовольно улыбнулся. – Детский мат поставил вам Климов. Попался ему на каком-то деле парень с этим письмом. Климов письмо в зубы своему рыжему помощнику, а парня того в тюрьму. Ясно?

– Ясно? – прорычал Серый.

– Сейчас пришло Николашку, – засуетился хозяин, – отпустите ему грехи.

– Валет. – Серый показал на дверь.

Вернулся Цыган и сел в углу. Серж посмотрел на него, нахмурился и сказал:

– Игорь, ставлю сто против одного, что полового в трактире нет и не будет.

Серый повернулся к Сержу всем телом, даже со стулом, долго молча смотрел на него, потом вынул из кармана червонец и, придавив ладонью, положил на стол.

– Клади деньги, француз!

– Мой гонорар за работу, – сказал Серж, развалившись на стуле и пуская кольца, вынул из кармана длинную блестящую цепочку и стал, как мальчишка, забавляться ею.

«Сгорел, как фраер, – думал Пашка, рассматривая замысловатые линии на ладони. – Неужели видел, сволочь? Но почему он тогда не перехватил полового? Эх, не надо было возвращаться».

Пашке было страшно, его охватила такая слабость, что даже если бы он имел возможность уйти, то не дошел бы до дверей кабинета.

Отец Василий и Хват вернулись в кабинет одновременно. Хват молча сел, а хозяин остановился в дверях, развел руками и пробормотал:

– Нету Николашки, куда-то выскочил, постреленок, сейчас объявится.

– Ай да друг детства, – скривился Цыган, – умен, стерва, чуть было не провел меня своим мнимым разоблачением.

Серж на заявление хозяина и реплику Цыгана не реагировал, он лениво поднялся, продолжая вертеть в руках цепочку, подошел к столу, приподняв ладонь Серого, взял червонец, небрежно сунул в карман.

Все смотрели на Серого, ждали, что он предпримет, только Пашка не сводил настороженного взгляда с Сержа, который спокойно прогуливался по кабинету. Оказавшись за спиной Цыгана, он быстро накинуд цепочку ему на горло и сильно сдавил. Цыган захрипел, выгнулся дугой и приподнялся на стуле. Казалось, что он сейчас вырвется, но лицо у него налилось вишневым соком, потом посинело, и он безвольно опустился на стул. Серж сдернул цепочку и, заложив руки Цыгана за спину, сковал их цепью, словно наручниками. Прделано это было так быстро, что все успели только вскочить.

– Получи второго, Игорь, – сказал Серж, вытирая платком лицо, – пока он тоже не убежал. Прошлепали мы с тобой, предупредил он рыжего. – Заметив хмурое недоверчивое лицо Серого, Серж пояснил: – Помнишь, он выходил из кабинета? Проглядели. Я дурак, – Серж ударил себя по лбу, – я же не знал, что он второй. Точнее – первый.

Шок неожиданно прошел, и все задвигались. Серого трясла мелкая дрожь, он силился что-то сказать, но лишь беззвучно шевелил белыми губами.

– Уходите, сынки, отсюда, – сказал решительно отец Василий, – минут десять у вас еще есть.

Увидев, что Цыган приходит в себя, Серж потрепал его по щеке и спросил:

– Как дела, Михаил?

Глава девятая. Выигрыш фигуры

Николай оглядел зал, улыбнулся в ответ на требования клиентов и парадным ходом вышел на улицу. Он шумно вдохнул прохладный вечерний воздух, снял фартук, вытер им лицо и руки и бросил его под забор. Нет больше полового Николашки, агент уголовного розыска Панин быстро зашагал по Пятницкой. Он взбежал на второй этаж, распахнул дверь с табличкой «Начальник уголовного розыска», широко улыбнулся всем, кто был в кабинете, и подошел к столу, за которым сидел Климов.

– Товарищ начальник, агент Панин ввиду расшифровки из трактира сбежал и прибыл в ваше распоряжение.

– Хорошо, что живой, – сказал худощавый мужчина, сидевший рядом с Климовым. – Хочешь конфетку?

Он пододвинул Николаю лежащую на столе коробку с леденцами.

– Ай да хлопец! – пробасил усатый здоровяк. – Смотрите, ребята, какой у нас бравый помощничек!

Панина окружили улыбающиеся люди, хлопали его по плечам, жали руки. Он тоже улыбался мелькающим лицам и не мог отогнать мысль: «Кто же из них?»

– Тихо! – крикнул Климов и поднял руку. – Докладывайте, Панин.

– Нечего докладывать, товарищ начальник. Сперли жулики мой блокнот, и сгорел я, еле ноги унес. Едем в трактир, надо выручать Михаила.

Машина грузно осела под непомерной тяжестью восьми человек и, чихая и кашляя, выкатилась в переулок. Панин сидел у усатого здоровяка на коленях и умоляюще просил:

– Дайте наган, братцы, больше месяца в руках не держал.

– Держи. – Климов обернулся и протянул оружие. – Ты лучше обстановку знаешь, скажи, как людей расставить.

– Двое со двора пусть припрут колом заднюю дверь, один останется у парадной лестницы, остальные пройдут через зал в кабинеты. Согласны, Василий Васильевич?

– Сейчас ты командир, – ответил хмуро Климов.

Панин чувствовал, начальник еле сдерживается, чтобы не засыпать его вопросами.

– Сомов и Лапшин – во двор, Виктор останется у парадных дверей. Зайцев и Шленов пойдут с нами, – сказал Климов и выскочил из остановившейся машины.

– Уголовный розыск. Всем оставаться на местах, – громко сказал Климов и поднял руку с наганом.

Николай хотел его обогнать, но Климов загородил дорогу и пошел впереди. Посетители провожали их настороженными взглядами, и Панину казалось, что каждый облегченно вздыхает, когда они проходят мимо. В коридоре Климов остановился, направил наган на кабинет и сказал:

– Трактир окружен уголовным розыском. Всем находящимся в кабинетах выйти с поднятыми руками и встать лицом к стене.

Раздался звон стекла, и из центрального кабинета показался чей-то зад, видимо, считал, что выходить спиной безопаснее. Панин узнал своего напарника и заклятого врага – полового Алешку.

– Следующий. – Климов щелкнул курком.

– Нету никого. Утекли, – пробормотал Алешка.

Панин проскочил мимо Климова и отдернул портьеру. Кабинет был пуст. Николай дал Алешке по шее и спросил:

– Когда ушли?

– Да минут десять, наверное.

В коридор выкатился хозяин и, быстро крестясь, запричитал:

– За какие грехи тяжкие, граждане начальники? – Оглядел пустой кабинет и всплеснул руками. – Ах, бандиты проклятые, наели, напили и ушли! Кто же за них, антихристов, платить будет? – Он увидел Панина и схватил его за руку. – Никулушка, заступись! Что же ты раньше молчал, красный командир? Видел, что в страхе божьем держат и душу вынимают из старика, и молчал! Может, придут еще!

Климов хмурился и разглядывал носки ботинок. Панин оттолкнул хозяина и прошел в зал.

– Никулашка, еще графин водки! – закричал какой-то пьяный, пяля на Панина бессмысленные глаза.

Николай подошел, положил на стол наган, поправил пьяному галстук и спросил:

– Может, хватит?

Кругом засмеялись, а гуляка, сложив губы трубочкой и удивленно подняв брови, силился что-то сказать и отпихивал наган вялой рукой.

– Кончай балаган, Панин, – бросил на ходу Климов. – Едем.

В отдел возвращались молча. Панин чувствовал, что все смотрят на него осуждающе, и он прятал глаза.

– Ну, казак, что дальше будем делать? – спросил Климов, когда они остались одни. – Положение хуже, чем месяц назад. Ты расшифрован, налетчики ушли и увели с собой Лаврова. А все иксы на своих местах, и ни на один вопрос мы ответа не получили. Главное, что с Лавровым? Рассказывай. Подозревают его?

– Никогда, – уверенно сказал Панин. – Мишка сейчас правая рука Серого.

– Где теперь их искать?

– Михаил позвонит.

– Если будет иметь возможность.

– Василий Васильевич, вы не знаете, какой он хитрый. Михаил их всех проведет и выведет.

– Как ты провалился и как спасся?

Климов слушал не перебивая, сопел погасшей трубкой, а когда Николай рассказал про Пашку, удивленно пожал плечами.

– Но мы все-таки продвинулись, Василий Васильевич, – заканчивая свой доклад, сказал Панин, – главарь у налетчиков – отец Василий.

– Что? Брось дурака валять! – Климов встал и сделал шаг к Панину.

– Абсолютно точно. Я и раньше подозревал, а вчера, когда мне Михаил шепнул, что Серого вызвал шеф, так мы окрестили неизвестного, я весь трактир облазил и нашел голубчиков. Заглянул в слуховое окно, вижу – сидят в винном погребе хозяин и Серый. Это сразу после убийства Свистка он его вызвал. Отец Василий смотрит на Серого зверем, улыбочки на лице нет, стучит кулачком по бочонку и что-то говорит, а Серый только руками разводит и, видимо, оправдывается. Я совсем в окошко башку засунул, но толком никак не разберу, слышу – грозит хозяин, «приказываю... выметайся» – говорит и что-то еще. Серый пот вытирает и опять руками разводит. Больше мне нельзя было сидеть там, и я убежал.

– Молодец, Николай, – сказал Климов и первый раз за весь вечер улыбнулся. – Ты даже не представляешь, как это важно.

– Почему же я не представляю? – спросил Панин с обидой. – Я еще и не то сделал. Через час я залез в погреб и простучал все бочки. В пяти-семи бочках не вино совсем, так как звучат они иначе. Хотел отломать крышку и заглянуть, да не рискнул.

Климов тяжело вздохнул:

– Ну что мне с тобой делать?

– Я же не заглянул. – Панин развел руками. – Ничего со мной делать не надо. Уверен, что в бочках награбленное добро хранится.

Климов раскурил трубку и стал расхаживать по кабинету, что-то бормоча себе под нос и сердито поглядывая на Панина.

– Интересно, очень интересно, – сказал он и остановился. – Как же мы раньше не сообразили? Такой смирный старичок, приютил налетчиков, открыл им кредит. Эх, начальничек я липовый. – Климов постучал трубкой по лбу. – Теперь-то мы им прищемим хвост. Старика можно брать хоть сейчас. Он, спасая свою шкуру, расколется и свидетелей необходимых найдет.

– Нельзя этого делать, – перебил Панин.

Климов подошел, схватил его за уши и стал трясти.

– Нахальный мальчишка, ты меня совсем за дурака принимаешь? У, бисово племя! – Он оттолкнул Панина и опять заходил по кабинету. – Нельзя его трогать, нельзя. А если?.. – Климов остановился и уставился на Панина отсутствующим взглядом. – Если попробовать, Николай? Чем мы рискуем? – Он сел рядом с Паниным, обнял его за плечи и изложил родившийся только что план.

– Здорово, Василий Васильевич! Вы просто гений! – воскликнул Панин. – Это вы прямо в яблочко залепили. Такого ему не выдержать.

– Подожди радоваться, Николай. Сколько времени тебе на подготовку надо?

– Минут тридцать.

– Действуй. Возьми с собой Виктора. Знаешь его?

– Конечно. – Панин стоял, приплясывая. – Можно идти?

– Иди, но, если что, сразу стреляй. Желательно в ноги.

Панин вылетел из кабинета, и Климов услышал топот его ног, а через минуту торопливые шаги уже двух человек.

«Ушли, – подумал Климов. – Им игра, а мне каково? Сейчас выяснится, кто из моих друзей предатель». Он встал у открытого окна и стал ждать. Наконец на улице зацокали лошадиные подковы, и под фонарем остановился лихач на дутиках. Кучер соскочил с козел, воткнул в сиденье кнут, долго возился около лошади, потом стал вытаскивать из пролетки «мертвецки пьяного» седока.

Климов выглянул в коридор и крикнул:

– Товарищи, прошу ко мне!

Когда все расселись, он встал, потер руки и, улыбаясь, сказал:

– Поздравляю, друзья, с удачей. Выявлен и задержан истинный руководитель банды налетчиков. – Климов говорил, стараясь никому не смотреть в лицо. – Тише, товарищи. Руководил бандой хозяин трактира, я даже не знаю его фамилии. Стыд и позор, что мы не выявили его раньше, но, как говорится, все хорошо, что хорошо кончается.

– Зачем же вы его задержали? – возмущенно спросил Зайцев. – Когда кончится игра в кавалерию и начнется настоящая работа?

– Товарищ Зайцев! – повысил голос Климов. – Прошу прекратить свои демагогические выступления. Преступник уже задержан, и Панин начал допрос.

– Вы понимаете, что наделали? – Зайцев встал. – Имели такой козырь и выкинули его в корзину, отсекали себе выход на Серого. Где вы будете его искать?

– Отец Василий расскажет, – спокойно сказал Климов.

– А если нет?

– Расскажет. Все расскажет. Я сам сейчас им займусь. – Климов застучал кулаком по столу. – И прошу никого из отдела не отлучаться. Пойдем в облаву, в последнюю облаву. Такой мозгляк должен расколоться моментально.

– Иду спать, – ехидно пробормотал Зайцев, – никаких облав сегодня не будет. Спокойной ночи, друзья, – сказал он громко и первым вышел из кабинета.

«Неужели он? – подумал Климов, выключил свет и подошел к окну. – Если да, то спокойной ночи у тебя не будет, мерзавец. – Он посмотрел на стоящую под фонарем пустую пролетку и две темные фигурки, копошащиеся у подъезда напротив. – Должен сейчас появиться».

Через минуту дверь внизу скрипнула, раздались осторожные шаги, и чья-то тень появилась у водосточной трубы. «Не выдержали нервы, подлюга». Климов достал наган, взвел осторожно курок и, напрягая зрение, пытался узнать крадущегося внизу человека. Тот застыл, потом стремительно прыжком пересек освещенное фонарем пространство, вскочил в пролетку и вытянул кнутом по спине застоявшейся лошади. Лошадь взвилась на дыбы, вынеслась из оглоблей и ускакала по переулку. Человек свалился с козел. Направив на него наганы, рядом уже стояли Панин и Виктор.

– Не вздумайте сопротивляться, Шленов! – крикнул из окна Климов. – Убьем как собаку! В камеру его, ребята.

– Слушаюсь! – донесся со двора голос Панина.

Климов сидел на подоконнике и шептал:

– Сволочь! Какая сволочь!

– Извините, Климов, мою несдержанность.

Климов поднял голову, рядом стоял Зайцев.

– Хотите леденец? – Он тряхнул коробкой. Климов машинально взял конфетку и положил ее в рот.

– Красиво сделано, беру назад все свои слова. Вы стали настоящим работником, Климов. Я рад, искренне рад!

– А, бросьте вы! – Климов махнул рукой. – А я ставил его в пример.

– Ничего, Василий. – Зайцев похлопал его по плечу. – Бывает.

– Я вас подозревал.

– Знаю, все знаю, – сказал Зайцев, зажег свет, потом вышел из кабинета и осторожно прикрыл за собой дверь.

– Нельзя к начальнику, идите спать, – услышал Климов его недовольный скрипучий голос.

Панин вошел в кабинет, сел на стул, ждал, когда заговорит начальство. Климов проглотил леденец и спросил:

– На чем мы остановились?

– На том, что отца Василия брать нельзя, – ответил Панин.

– Нельзя, – повторил Климов и мечтательно протянул: – Был бы сейчас там ты, Колька! Старику ведь необходима связь с налетчиками, сам он сейчас идти побоится, а тебя, как верного человека, точно послал бы.

Панин вздохнул.

– Не вздыхай. Связь старика с Серым – тонкая ниточка, не порвать бы. Мы не можем сидеть и ждать сигнала от Лаврова. Уверен, что Серый пойдет в налет в ближайшие сутки, точнее, завтра ночью, чтобы взять куш пожирнее и уползти из Москвы. Но где они готовили это большое дело?

– Михаил считает, что даже Серому ничего конкретно не известно, – сказал Панин.

– Старик знает. Он один все знает. Как же он будет поддерживать с Серым связь? Кому он доверяет?

– Никому.

– А если опереться на Антонова? На Пашку Америку?

Глава десятая. Шах!

Пашка вылетел из трактира как ошпаренный и бежал, пока хватило сил. Теперь его в эту малину никакими калачами не заманишь. Как переполошились, голубчики! Куда весь фасон да смелость подевались, улепетывают, как и Пашка. Но рыжий-то каков оказался? Ай да мент! Молодчага, парень! Когда Пашка его предупредил, спокойненько так смотрит, глазами хлопает, морда точно у Христа. Подумал Пашка, что ошибся француз, ан нет, вон какая каша заварилась!

Пашка вошел в комнату и увидел Аленку, которая сидела за столом, положив голову на скрещенные руки. «Сидишь, краля? Значит, лучше с вором жить, чем по улицам шастать?» – довольно подумал Пашка.

– Ужин на кровати, в подушках, – сказала Аленка, не поднимая головы. – И не думай, пожалуйста, что я из-за куска хлеба осталась.

– Я и не думаю, – пробормотал Пашка, чувствуя себя так, будто клиент прижал его руку в своем кармане.

– И не думай, – упрямо повторила Аленка и всхлипнула.

– Пошла ты к черту, ничего я не думаю.

Пашка вытащил из подушек сковородку, бросил ее на стол, разделся и через минуту заснул.

Утром, когда он встал, Аленка все так же сидела за столом. Пашка погладил ее по голове и сказал:

– Ложись в постель, глупая.

– Уйди от меня. – Девочка отшатнулась, и Пашка увидел огромные злые глаза. – Лучше уличной быть! Возьми свои проклятые подарки, не нужно мне от тебя ничего! Я-то, дура, верила, что встретила человека, как в кино... – Она схватила Пашку за руку, прижалась к ней лицом и зарыдала.

– Что ты от меня хочешь? – спросил растерянно Пашка. – Чтобы я графом или там князем каким оказался? Я тебя обманывал, врал тебе? Вор я! Вор! – крикнул он злобно, вырвал руку и ушел, хлопнув дверью.

Сбегая по лестнице, он ругал себя последними словами, хотел обойти какого-то стоявшего в парадном человека, но тот загородил дорогу.

– Доброе утро, Павел.

– Привет, – сказал Пашка, жмурясь от яркого света. – Николай?

– Он самый! Твоими заботами живой и здоровый, – сказал бывший половой, улыбнулся и ударил себя в грудь кулаком. – Не лезь на улицу, поговорить надо.

– Чего еще? – настороженно спросил Пашка, разглядывая парня. – Мы с тобой не кореша, и калякать нам не о чем, остался жив, и молодец.

– Не лезь в бутылку, Павел. Вот тебе адрес. – Николай сунул ему в руку бумажку. – Сейчас и отправляйся, там тебя человек ждет.

– Какой еще адрес? – Пашка оттолкнул руку. – Никуда я не пойду.

– Климов тебя просит, – сказал настойчиво Николай. – Просит, понимаешь?

– Так я его адрес знаю.

– В другое место, Павел. Не надо, чтобы тебя видели у нас. Держи.

Николай вложил ему в ладонь бумажку и вышел на улицу. Пашка развернул бумажку и прочитал адрес, написанный печатными буквами. «Боятся, что малограмотный, ишь как пишут».

Он приехал на Zubovskuyu площадь, нашел нужный переулок и дом и стал подниматься по лестнице.

– Подожди, Пашка!

Он оглянулся и опять увидел Николая, который, отдуваясь, взбегал по лестнице.

– Ты что же, следил?

– Мне тоже сюда надо, а вместе нам ехать нельзя, – объяснил Николай и открыл дверь. – Входи.

Пашка вошел, оглядел полупустую комнату, сел на подоконник и стал наблюдать за своим провожатым, а Николай, что-то насвистывая, занимался хозяйством, подмел, вытер пыль, бегал с чайником и ведром, в общем, вел себя как человек, вернувшийся домой после долгой отлучки. «На кой черт я им понадобился? – думал Пашка, следя за беготней Николая. – Брать меня вроде не за что, да и не берут так. Спокойный парнишка, свистит, улыбается, будто вчера и не прошел по краешку».

– Испугался вчера? – спросил Пашка.

Николай остановился и опустил на пол ведро, которое держал в руках.

– Испугался? – переспросил он. – Потом, уже на улице, испугался, а в первый момент удивился. Не ожидал я от тебя такой услуги, считал, что не любишь меня.

– Что ты, девка, чтобы тебя любить?

– На девку вроде не похож, – критически оглядел себя Николай и выбежал из комнаты. Через минуту он вернулся с каким-то тазиком и кувшином.

– Полей мне, Пашка. А то башка от сала чешется, немоготу.

Пашка взял кувшин и стал тоненькой струйкой лить воду на рыжую голову. Круглые крепкие плечи Николая были усыпаны веснушками, и Пашка плеснул на них водой. Может, смоемся?

– Ой, черт полосатый! – взвизгнул Николай и отскочил. – Ошалел? Она же горячая! – Он стоял, зажмурив глаза, и, пытаясь найти таз, беспомощно шарил перед собой руками.

– Открой глаза-то, чуня, – сказал, улыбаясь, Пашка и ткнул пальцем его в бок.

– Боюсь! – взвизгнул Николай и отошел от таза еще дальше. – Щекотки боюсь и мыла боюсь.

Пашка смотрел на смешную фигуру в белой шапке пены и с вытянутыми руками, как у слепца, и не мог понять, почему этот парень ему нравится.

– Где же ты? Слушай, Пашка, – Николай подбоченился и поднял слепую и рогатую голову, – если ты сейчас же не подведешь меня к тазу и спокойненько не будешь поливать, я тебя отлуплю. Больно отлуплю.

Пашка чуть не выронил кувшин, и от этого ему стало еще смешнее, он несколько раз сдержанно хрюкнул, а потом залился неудержимым раскатистым смехом.

– Пашенька, милый, сейчас Климов придет, – размазывая мыло по лицу, заскулил Николай.

– Кажется, он уже пришел, – раздался веселый голос, и Пашка увидел начальника уголовки, который стоял в дверях и смеялся. – Полей ему, Павел. Значит, тебе на роду написано спасать этого вояку.

– Привет, Василий Васильевич! – крикнул Николай и помахал рукой.

Пашка подвел Николая к тазу, и окончание процедуры прошло благополучно.

– Любимый Мишкин номер, – говорил Николай, вытирая голову. – Он-то отлично знает, что я боюсь мыла и щекотки. Но и на солнце есть пятна, верно, Василий Васильевич?

Климов сидел верхом на стуле и набивал трубку.

– Верно. Даже у Павла есть недостатки, а уж на что золотой парень, – сказал он.

Началось, понял Пашка, хотел вернуться на подоконник, но почему-то взял стул, сел напротив Климова и спросил:

– Зачем звали, гражданин начальник?

Климов ничего не ответил и выпустил большое облако дыма. Николай еще бегал по комнате, убирал таз и кувшин, надел гимнастерку, подпоясался широким ремнем и, картинно отставив ногу и тряхнув мокрыми темно-каштановыми кудрями, спросил:

– Хорош?

– Обыкновенный мент, – сказал сквозь зубы Пашка. Его раздражала показушная веселость Николая, который упорно приглашал его, Пашку, принять участие в неизвестной игре. А какая здесь игра, когда завели на свою малину, сам начальник явился, наверняка сейчас допрашивать будут.

– Ну и ладно. Пусть обыкновенный. – Николай взял стул и сел рядом с Пашкой. Получилось, что они как бы вдвоем плечом к плечу против Климова.

– Во-первых, большое тебе спасибо, Павел Иванович Антонов, – сказал Климов и встал. – Помолчи, Николай. – (Пашка почувствовал, как его толкнули в бок, и тоже встал.) – Спасибо за Николая, – Климов кивнул на Панина, – спас парня. Рад, что ты человеком оказался.

Пашка невольно ответил на крепкое рукопожатие, почему-то вспомнил тонкие наманикюренные руки Сержа, засмутился и молча кивнул.

– Во-первых, значит, спасибо... – повторил Климов.

– А во-вторых, назвался груздем – полезай в кузов, – быстро сказал Николай.

Климов стиснул кулаки, но сдержался и сунул в рот трубку.

– Согласен нам помочь? – спросил он после долгого молчания. – Дело опасное. Неудобно, конечно, одной рукой гладить, а другой запрягать, но выхода у нас нет. Если не согласен, говори прямо.

– Да я же вор, начальник, – сказал Пашка и, словно ища поддержки, посмотрел на притихшего Николая, который зашевелил было губами, но потом зажал рот рукой.

– Ты дурак и мальчишка. Ты что думаешь, всю жизнь добреньким воришкой быть? Не выйдет, Павел! – Климов раскопегарил свою трубку и закашлялся. – С одной стороны, тюрьма и Серый, с другой – мы, а ты как цветок мотаешься. Карманка, потом грабежи, разбой и убийство. Ты можешь убить человека, Павел? Не можешь? Научишься! Серый тоже не с мокрых дел начинал. Вспомни его и знай: быть тебе через десяток лет таким.

– Не дадим, не то время, – вмешался Николай. – Павел будет честным человеком, наверняка будет! Только в честную жизнь можно по-разному войти. Можно на аркане, упираясь. А можно самому шагнуть, смело. Да что мы его агитируем, Василий Васильевич! – Николай вскочил. – Павел лучше нас все знает. Я тебе проще скажу, хотя и говорить-то этого не имею права. С Серым мой друг лучший ушел, и что с ним сейчас – неизвестно.

Пашка чувствовал, что по вискам бежит пот, но не мог поднять руку. Он вспомнил Цыгана, склонившегося над ним Сержа и вновь услышал его торжествующий голос: «Как дела, Михаил?» Рассказать или нет? Они увели его. Может, сейчас и нет в живых этого отчаянного Михаила? Пашка слизнул соленую капельку пота и, кашлянув, пробормотал:

– Говорите.

Но Климов и Николай молчали. Пашка поднял голову и нетерпеливо сказал:

– Ну?

– Это опасное дело, Павел, ты должен понять.

– Не глупее других.

– Серый ушел, и где он сейчас, нам неизвестно. Телефон молчит, а ночью они пойдут в налет и завтра уползут из Москвы. Надо узнать, где сейчас Серый.

– Да кто же мне скажет? – Пашка облегченно вздохнул и выпрямился на стуле. – Невозможно, начальник. Если только Варька? – Он прикусил губу. «Зачем сам лезу, дурак? Ведь честно сказал, что невозможно. Так нет, нашел, идиот, дырку, через которую в гроб можно залезть!»

– Может, передумаешь, Павлик? – спросил Николай, положил ему на плечо руку и заглянул в лицо. – Я по себе знаю, как страшно в первый раз.

«Павлик» – снисходительность и сомнение Николая хлестнули Пашку по самолюбию. И сомневается, рыжий черт, не в том, захочет ли Пашка Америка помочь ментам, а в его смелости.

Теперь, если бы в комнату вошли десять Серых и все они наставили бы на Пашку наганы, он все равно пошел бы. Он посмотрел на Николая, пытаюсь вновь увидеть угодливую улыбочку полового и вызвать в себе чувство ненависти. Но ничего не получилось.

– Варвара, – повторил Пашка, снимая с плеча руку Николая.

– Тоже вариант, но оставим его про запас, – сказал Климов. – А начнешь ты, Павел, с отца Василия.

– А что этот холуй знает?

– Много знает и обязательно сегодня пошлет к Серому человека. Постарайся быть этим человеком, Павел.

– Точно? Ничего себе работает уголовка, – удивленно протянул Павел.

– Стараемся. – Климов что-то написал на листке и протянул Пашке. – Телефон. Позвонишь и, не называя себя, скажешь адрес. Все.

– Надо бы взглянуть сначала, что там делается, – сказал Пашка, не замечая, что уже обдумывает, как лучше подкатиться к старику и с удовольствием посмотреть на физиономии Серого и Сержа, когда они увидят наганы ментов.

– Конечно, лучше взглянуть, – согласился Климов.

– Ладно, пошел. – Пашка поднялся со стула и одернул пиджак. «Лучше взглянуть, – передразнил про себя Пашка. – Вот и получишь пулю. Начальники думают, что раз Америка известный вор, то, значит, вне подозрений. Пусть начальники так думают, а сам-то Пашка знает, что Серый может шлепнуть и без подозрений. Зачем ему лишние свидетели».

– Подожди, Павел. Так не годится. – Климов нахмурился. – Что значит «ладно»? Расскажи, как ты думаешь действовать.

Пашка вразвалочку подошел к Климову.

– Пусть рыжий тебе докладывает, им и командуй, начальник, – сказал он и кивнул на Николая. – Зазвали на какую-то блатную малину, запудрили мозги, и побежал Пашка выполнять ментовы указания, подставлять лоб под бандитскую пулю. Так, думаешь? – говорил он, все больше раздражаясь. – Действовать? Пойду и напьюсь у Когана, вот и все действия. – Пашка круто повернулся и направился к двери. – Позвоню, – буркнул он и вышел на лестничную площадку, потом хотел было вернуться, сказать на всякий случай про Аленку, чтобы не дали пропасть девчонке, но подумал, что получится совсем как в кино, махнул рукой и выскочил на улицу.

Отец Василий, увидев Пашку, засуетился, стал трясти ему руку и вытирать сухие глаза.

– Пашенька, сыночек, ты воистину божий человек. Не забыл старика в беде, не бросил, – причитал он и сам накрыл стол. – Садись, сынок, выпей рюмочку.

Пашка отодвинул графин, положил в рот маслину и шумно выплюнул косточку.

– Не тарахти, старик, – сказал он и с минуту молчал. – Можешь меня выручить? Дай десять червонцев, вот так надо. – Пашка провел ладонью по горлу. – За мной не пропадет.

– Знаю, Пашенька, знаю, да видит бог – нету.

– Он видит, какой ты жмот, – сердито сказал Пашка и с радостью отметил, что старик на него внимательно смотрит и что-то обдумывает.

– Нету денег, сынок. Видит бог, нету, – повторял старик, бормотал что-то еще и моргал голыми, как у птицы, веками. – Но надо же тебя выручать, нельзя человека в беде оставлять. У Серого деньжата, конечно, есть. Я ему сейчас письмецо напишу.

Пашка чуть не подавился косточкой от маслины, закашлялся и закрыл лицо ладонями. Отец Василий убежал и спустя некоторое время крикнул из коридора:

– Пашенька, иди сюда, сынок. Держи. – Он протянул конверт, залепленный воском. – Не читай. Если откроешь, то Серый обязательно узнает и денег не даст.

– Очень нужно, – буркнул Пашка и положил конверт в карман.

– Еще передай мешочек, – старик показал на большой куль из рогожи, – деткам кушать надо, вот я собрал малость.

– Куда нести-то? – спросил Пашка и, увидев, что старик замялся, опустил куль на пол. – А ну их к черту, ваши дела! Серого уголовка ищет, еще влипну в историю, – сказал он нерешительно и достал конверт. – Найду денжат в другом месте.

– Что ты, сынок! – Старик оттолкнул его руку. – Иди, родной. Серый денежки даст, а сам из Москвы уедет, – шептал отец Василий и подталкивал Пашку к дверям. – Тебе и отдавать не придется. Мароновский переулок знаешь?

– Ну?

– Там пустырь есть, пройдешь его, увидишь кирпичный дом без крыши, сзади стенки нет, и ступенечки вниз ведут. Спустишься осторожненько и постучи в дверь три раза, подожди и еще два раза стукни. Понял?

– Не дурак! – сказал Пашка и поднял куль. – А даст Серый деньги?

– Даст, Пашенька, обязательно даст. Только ты иди туда осторожненько и не сразу, а домой зайди, отдохни часок.

Домой Пашка не пошел, а уселся в сквере на лавочку и стал обдумывать положение. Можно позвонить начальнику, встретиться, назвать адрес и отдать конверт. А если из подвалов есть второй выход и налетчики уйдут? Тогда что с Пашкой будет? Конверт, конечно, вскрывать нельзя, хотя там наверняка интересные вещи написаны. Но старик-то хорош, иудушка, бегал, крестился и заправлял всей кухней. Теперь его дело – труба, старика начальник наверняка не упустит. А может, и ментам не звонить, и к Серому не лезть?

Пашка поднялся, взял куль и, обзывая себя отборными ругательствами, отправился в Мароновский переулок. Путь его лежал мимо торговых рядов, и, проходя через них, Пашка увидел Варвару. Она стояла у витрины ювелирного магазина под руку с неизвестным Пашке парнем и, приподнявшись на носки, что-то шептала ему на ухо. Пашка не удержался от соблазна и, остановившись рядом, тихо позвал:

– Варя! А Варя!

Она повернулась и спросила:

– Паша? Ты откуда взялся?

– Тебя Серый зовет, Варварушка, – прошептал Пашка и с насмешкой посмотрел на ее кавалера.

– Серый? – переспросила Варвара и подняла тонкие ниточки бровей. – Какой Серый, Паша? Что-то ты все путаешь, Пашенька. Пошли, Василий. – Она подтолкнула спутника и пошла, прижимаясь к его плечу. Пашка услышал ее гортанный смех, перебросил мешок на другое плечо и, тихо матерясь, пошел своей дорогой.

Он без труда нашел лестницу в подвал и, чертыхаясь, спустился и постучал в сырую дверь, как объяснил старик. Долго никто не откликнулся, и Пашка начал стучать снова, когда за дверью раздался глухой голос:

– Кто?

– Америка, – сказал Пашка, пытаясь по голосу определить, кто стоит за дверью. Он слышал, как скрипнули ржавые петли, но разглядеть в темной дыре подвала ничего не мог.

– Один?

– Нет, с невестой, – сказал Пашка и выругался.

– Иди.

Пашка узнал голос Валета и стал спускаться. Он поднял тяжелый куль и протиснулся в полуоткрытую дверь, которая за спиной сразу захлопнулась.

– Эх, Валет, Валет, никогда ты не будешь королем, – сказал Пашка, двигаясь ощупью вдоль стены.

– Поговори еще, – рывкнул сзади Хват и ткнул его наганом в спину.

Почувствовав между лопаток ствол нагана, Пашка вздрогнул, но, зная, что бандит без разрешения Серого стрелять не будет, взял себя в руки и остановился.

– Убери пушку, Хват. Или я тебе сейчас этим кулем башку проломлю.

– Брось брыкаться, Америка, – сказал миролюбиво Валет и потянул за рукав, – сам знаешь наше положение. Идем, уже близко.

Пашка сделал несколько шагов, и то ли стало светлее, то ли привыкли глаза, но он стал разбирать, что идет по узкому коридору с кирпичными стенами и низким сводчатым потолком. Они вошли в большую комнату, в центре которой стоял стол с керосиновой лампой. Пашка чуть было не выронил свою тяжелую ношу, когда увидел, что за столом сидят Цыган с Сержем и, о чем-то мирно беседуя, играют в карты.

– Привет честной компании, – сказал Пашка, положил куль на стол и, щуря глаза, огляделся.

Цыган и Серж молча кивнули, а из темноты появился Серый и сказал:

– Здравствуй, здравствуй, Паша. Зачем пожаловал? Как адресочек узнал?

«Наверняка второй выход есть. У него и стоял, осторожный, черт. Как их здесь взять?» – подумал Пашка, протянул Серому конверт и сказал:

– Заявился за деньгами, а адресочек дал мне отец Василий.

Серый взял конверт, поднес к лампе и долго его разглядывал. Потом разорвал и стал читать. Валет с Хватом развязали куль и вытащили из него окорок, буханку хлеба и несколько бутылок водки.

– Водку не пить, – сказал Серый, спрятал письмо в карман и повернулся к Пашке. – Садись, Павел, гостем будешь. Только вот денег у меня сейчас нет. Я с Валетом и Хватом отлучусь вечерком ненадолго и принесу денег. Тогда и тебе дам.

– Чего же мне ждать целый день, вечером и зайду снова, – почесав в затылке, сказал Пашка.

– Дурачок, – ласково протянул Серж и бросил карты. – Кто же тебя, дурачок, отсюда отпустит?

Глава одиннадцатая. Мат!

Серый поставил тяжелые чемоданы на асфальт, оттянул пальцем тугой крахмальный воротничок и, отдуваясь, пробормотал:

– Передохнем, теперь здесь недалеко.

Валет и Хват тоже опустили свою ношу и стали махать затекшими руками.

– Вот это куш, Серый. Это я понимаю. – Валет толкнул один из чемоданов ногой.

– Заткнись, – одернул Серый и поправил ему котелок, – нэпман липовый. Рот закрой, железные зубы за версту видать.

Хват хмыкнул и одернул свою извозничью поддевку.

– И ты заткнись. Извозчику в присутствии господ ржать не полагается. Наградил господь бог помощничками.

Серый зло оглядел подручных. Сейчас бы вместо них Цыгана и Сержа. Ребят во фраки, а самому Серому на козлы. Такой тройке не то что через всю Москву, до Питера можно безбоязненно ехать. Сейчас подойдет самый захудалый мент поближе, и тот разберет, что все эти тряпки – сплошной маскарад, а как задумано было!

Серый тяжело вздохнул и взялся за чемоданы.

– Пошли!

Пролетка стояла на месте. Налетчики разместили чемоданы. Хват сдернул с лошади торбу и влез на козлы.

– Трогай, – облегченно сказал Серый, обмахивая разгоряченное лицо котелком. – Дорогу хоть знаешь?

– Н-но, милай, – протянул Хват, чмокнул и дернул вожжи.

– Сядь глубже, – Серый грубо толкнул сидевшего рядом Валета, – надвинь шляпу на лоб. Если остановят, ты пьян в доску и ни гугу. Понял?

Серый уперся подбородком в набалдашник трости и задумался под мерный цокот подков и мягкое покачивание пролетки. Что теперь делать, когда так блестяще разработанный план рухнул? В кармане три билета на экспресс, который уйдет без него. Серый хотел прямо с дела поехать на вокзал, оставить в подвалах Цыгана, Сержа и мальчишку-карманника, бросить отца Василия со всем его барахлом, пусть удавится, и укатить с подручными в Харьков. Все сорвалось. В конторе правления акционерного общества, к ограблению которого готовились давно, ни золота, ни денег почти не оказалось. Старик уверял, что должно быть не меньше ста тысяч.

Серый нащупал в кармане тоненькую пачку червонцев, вынул ненужные теперь билеты на поезд и, разорвав, выбросил. Он посмотрел в вороватые глаза Валета, блестевшие из-под обтянутого шелком котелка, и еле сдержался, чтобы не заорать во весь голос.

Кретин безумно рад добыче. Шесть чемоданов кожи, которые случайно оказались в конторе, – что они стоят по сравнению с тем, на что шел Серый! Кажется, в двух чемоданах первосортная кожа, но это опять товар, значит опять зависимость от отца Василия. Доля, которая сейчас в руках у старика, значительно больше и бросаться ею глупо, надо возвращаться в сырой погреб, ждать старика, а главное – решать с Цыганом и Сержем. Если бы знать точно, кто из них мент. А может, и оба верные ребята? Но почему они так грызутся?

– Серый, мент! – прошипел Хват и поднял кнут.

– Шагом, идиот!

Серый сдвинул на затылок котелок и выпятил колесом грудь в крахмальной рубаше. Скосив глаза, он увидел в свете уличного фонаря две высокие перепоясанные ремнями фигуры. Серый встал в полный рост и, размахивая руками, запел:

Ах, на дворе такая стужа,

Больше всего боюсь я мужа...

Он еще раз взмахнул руками и упал на колени вдавившегося в пролетку Валета.

– Ишь, нажрался буржуйчик, – произнес сиплый голос. – Август, а у него на дворе стужа.

– Пронесло, – зашептал Валет.

Хват дернул вожжи, и пролетка покатила быстрее.

«Так что же делать?» – вернулся к своим невеселым мыслям Серый. Нутром он верит Цыгану, а головой – Сержу. Если бы можно было оставить обоих. Классные ребята. Вчера он проверил Цыгана, оставил его на страже, а за углом спрятался Хват, но Цыган не попытался бежать. А ведь Серж его чуть не удавил, прямо в лицо сказал, что Цыган из уголовки и предупредил рыжего Николая. Так почему он не попытался уйти? И чувствует Серый, что не уйдет, и спокойно оставил их обоих в подвале. Отобрал у обоих оружие и оставил под обоюдным присмотром, уверен, глаз не спустят, не договорятся и не уйдут. Сидят сейчас, улыбаются, а сами готовы друг другу глотки перегрызть. Еще мальчишка там...

Серый посмотрел на Валета. Вот кому лафа. Сидит и, наверное, мечтает скорей забраться в темный сырой подвал и нажраться водки. Рисковать нельзя, придется убирать и Цыгана, и Сержа. А Пашка?

Серый повернулся к соседу:

– Америка на мокрое пойдет?

– Не-е.

– А если пригрозить?

– Может, и пойдет, кто его знает.

Пригрозить, заставить парня убрать Цыгана и Сержа, связать ему руки двойным убийством и увезти с собой из Москвы. А как получить наличные со старика?

– Подъезжаем. Где выгружаться будем? – спросил Хват.

– На Мытной сверни в большой двор, – сказал Серый.

Когда остановились, он выскочил из пролетки и, пока подручные выгружали чемоданы, ходил, разминая ноги и обдумывая план возвращения под землю. Когда чемоданы были выстроены у сарая, а лошадь аппетитно захрупаала соломой, Серый сказал:

– Хват, иди и проверь. Если порядок – возвращайся сюда, если нет, то уходи в другую сторону и обязательно стреляй, чтобы я слышал.

– Почему я? Почему не Валет? – заскулил Хват.

– Он в парадном костюме, дурак. Давай быстро.

Когда Хват скрылся в темноте, Серый взял под уздцы лошадь, вывел ее на улицу и поставил в квартале от этого двора. Потом он сел в пролетку, взял в руки вожжи и зашептал:

– Иди в тот двор и спрячься. Если эта падла налетит на засаду, продаст и приведет ментов, стреляй и беги сюда. Мы успеем ускакать.

– Ну и голова у тебя, Серый, – восхищенно сказал Валет и ушел.

Серый развернул пролетку в обратную сторону, чтобы выехать в параллельный переулок. Он напряженно вслушивался в каждый шорох, чтобы при малейшей опасности вцепиться кнутом по лошадиной спине и скрыться. Но кругом было тихо, минут через пятнадцать появился Валет, и они благополучно перетащили чемоданы в подвал.

За столом веселились только Валет и Хват, они выпили сразу по кружке водки, сожрали по ломтю ветчины и, умиротворенные, разыгрывали в карты, кому наливать. Серж и Цыган водку не пили, сидели, лениво развалившись на стульях, чуть не дремали, но, если один закуривал или делал какое-то иное движение, другой тотчас же бросал на него настороженный взгляд. Серый, перебрасываясь с Пашкой ничего не значащими словами, следил за ними и все больше убеждался и все больше жалел, что обоих придется убрать. «Словно породистые псы, – думал он, глядя на поджарые, нервные фигуры „друзей“. – Умны, хитры и отважны. Не то что эти

дворняжки. – Серый подвинул Хвату свою бутылку водки. – Какую охоту с такими зверями можно было бы устроить! Но кто из них в решающий момент схватит меня за горло?»

Серый повернулся к Пашке:

– Ты просил у меня денег, Америка?

– Не давай ему ни копейки, Игорь, – сказал Серж и потянулся. – Он без тебя убежать хотел.

– Редкая ты сволочь, друг детства. Что тебе, выслужиться захотелось? Договорились же молчать, паскудина. – Цыган отодвинулся от стола. – Не пойму, как таких в уловке держат?

– Пашка? – хмуро спросил Серый.

– Не трогай ты парня, – вмешался Цыган. – Кому охота здесь сидеть? Был бы я поглупее, тоже бы попытался удрать.

– Что же ты с Америкой не договорился? Вдвоем бы повязали француза, – спросил Серый. Он лишь сейчас заметил, что у Пашки под глазом синяк.

– Договорился бы, да у друга детства пушка в кармане, и он сизмальства по воробьям не промахивался.

Серый поднялся и обошел стол.

– Я же тебя обыскивал и пушку отобрал, – удивленно сказал он, останавливаясь около Сержа. – Выкладывай на стол. Вы, морды, хватит водку жрать, идите сюда! – закричал Серый, направляя на Сержа наган.

Серж встал и поднял руки.

– Есть у него, точно есть, – крикнул со своего места Пашка. – Чуть не перестрелял нас.

Серый обшарил Сержа. Пистолета не было.

– Спрятал где-то. – Цыган махнул рукой в темноту.

– Отдай пушку, разом порешу, – сказал Серый и уперся наганом в живот Сержа.

– Если бы пистолета у меня не было, ты бы нашел здесь мой труп и засаду милиционеров.

Серый опустил наган и выругался.

– Кстати, Игорь, – продолжал Серж, стряхивая с плеча руки Валета и садясь за стол. – Мне здесь интересная мысль в голову пришла.

– У меня от твоих мыслей голова кругом идет, – прорычал Серый. – Отдай пушку, француз!

– Очень интересная мысль, – повторил Серж, закуривая. – В блокнотике у рыжего полового все были записаны: ты, я, Валет, Хват. Только Цыгана там не было. К чему бы это?

Цыган выпрямился и твердо посмотрел в лицо Серому.

– Мне, Серый, не надо было заводить бухгалтерию, чтобы сдать тебя уловке. Верно? Был ведь такой момент? Отвечай, был или нет?

– Что было, то быльем поросло, – ответил Серый, взглядом приказывая Валету и Хвату быть наготове.

– А кто придумал историю с моим обучением на чекиста? Кто бросился на покойного Свистка, царство ему небесное, – Серж перекрестился, – когда он убил в трактире гражданина в пенсне? Кто предупредил полового?

– Действительно, кто? – спросил Серый, поднимая наган, но услышал условный стук в дверь. – Хват! – сказал он и отошел к запасному выходу.

Через минуту Хват вернулся.

– Отец Василий пожаловал. Пустить?

Серый подошел к столу и молча кивнул.

– Эй, Валет! – крикнул из коридора Хват. – Иди сюда, подмоги мешок дотащить.

– Сейчас устрою хрычу баню, – тихо сказал Серый.

Неожиданно он почувствовал резкую боль в руке, наган выпал на землю, и от удара чьей-то ноги он отлетел в сторону. Сильные руки схватили Серого за плечи, в поясницу уперлось

что-то твердое. Сквозь фрак он почувствовал холод металла. Он сник и втянул голову в плечи. В темном проходе мелькнул свет, Валет и Хват вернулись. Они появились с поднятыми руками. Серый осторожно скосил глаза. Климов ткнул его наганом в бок и равнодушно сказал:

– Не вертись, гражданин.

Наган Серого лежал на земляном полу. Нога в хромовом ботинке наступила на наган и потащила в сторону. Пашку толкнули, но он не шевельнулся. Рядом с ногой появилась рука, и наган пополз по полосатой брючине. Надо было крикнуть, но Пашка не мог, закрыл глаза, упал и рванул ноги в хромовых ботинках. Он чувствовал, что сверху валятся люди, а рядом кто-то хрипит.

Когда Пашка выполз из кучи и открыл глаза, то увидел придавленное к земле бешеное лицо Цыгана. Потом раздался топот ног, и в подвал влетел рыжий Николай. Он взвизгнул и повис на шее у Сержа.

– Мишка! Друг! Живой!

Глава двенадцатая. Отъезд

– Арестовав предателя Шленова, мы стали готовиться к задержанию банды. Пока я разговаривал с Павлом Антоновым, мой заместитель наводил справки о хозяине трактира. Почему я сразу не заинтересовался его личностью? – Климов чертыхнулся и оглядел руководящих работников управления и районных отделов уголовного розыска, собравшихся на его отчет о ликвидации банды. – Если бы вы его видели, товарищи. Просто в голову не придет, что под личиной хозяина трактира, богобоязненного старичка, прячется матерый волчище. Истинная его фамилия Ржавин, и он разыскивался ЧК как агент царской охранки и провокатор. Сейчас выяснилось, что Ржавин сразу после революции исчез из Москвы и пристал к Махно, где и познакомился со Шленовым, который был у батьки оружейником. Потом Ржавин отсиживался на Тамбовщине, всплыл в Москве только в первые дни нэпа. Более подробно о «божьем» старикашке нам сообщат из ГПУ, куда утром забрали Ржавина. Владимир Николаевич, – обратился Климов к заместителю, – расскажите товарищам, как вы раскопали прошлое Ржавина.

Зайцев вышел из задних рядов и встал рядом с Климовым.

– Отхватил ты себе зама, Климов. А я все гадаю, что за птица сидит и конфетки сосет, думаю, иностранец какой пробрался, – сказал один из присутствующих.

Зайцев холодно посмотрел на говорившего, и тот спрятался за спину соседа. Все задвигались, зашумели и засмеялись.

– С таким зверем и работаю, – сказал Климов, усаживаясь рядом с начальником.

А Зайцев стоял, заложив руки за спину, смотрел в окно и ждал, пока зал успокоится.

– Рассказывать, в сущности, нечего. – Зайцев потер подбородок и смущенно улыбнулся. – В первые дни работы я запросил ГПУ о проживающих в районе бывших сыскных царской уголовной полиции, а потом собрал на них подробную информацию. Сделал без конкретной цели, так, на всякий случай. Когда стало ясно, что бандой руководит хозяин трактира, я рассудил, что этот человек должен быть с прошлым, начал думать, у кого можно о нем расспросить поподробнее, и вспомнил о бывших полицейских. Среди них я обнаружил некоего Калугина Алексея Ивановича, который отбыл наказание и в настоящее время характеризовался как человек порядочный. Я положил в карман фотокарточку хозяина трактира и нанес Калугину визит. Он опознал Ржавина и рассказал о его прошлом, о связях с уголовниками и скупке краденого. Сегодняшнее лицо Ржавина сумели выявить Лавров и Панин. – Зайцев поклонился и прошел на свое место.

– Ясно, товарищи? – спросил, поднявшись, начальник. – Нанес визит и нашел волка, которого искали восемь лет. Спасибо.

Все засмеялись и захлопали. Климов встал, снова занял свое место, посмотрел в порозовевшее лицо Зайцева и тихо рассмеялся, заметив, что соседи заместителя сосут леденцы.

– За Антоновым мы, естественно, установили наблюдение, выяснили место стоянки налетчиков и перекрыли второй выход. Зайцев в это время арестовал Ржавина, изъясил из его подвалов золото, меха и остальное награбленное добро, провел очную ставку со Шленовым, и старикан во всем признался. Сначала хотели брать налетчиков прямо на ограблении, но в этом случае стрельба была неминуема. – Климов сделал паузу и посмотрел на начальника. – Мы решили не рисковать людьми и дали налетчикам вернуться в их логово. Зайцев с группой товарищей подвели Ржавина к дверям подвала. Условный стук и голос старика дали возможность войти тихо. Я в это время прошел запасным входом. Повязали всех спокойно, один лишь Рюмин-Цыган пытался оказать сопротивление. Все. – Климов сел и вскоре задремал.

После боя или окончания сложной операции Климова неудержимо клонило в сон, и он порой засыпал в самых неподходящих местах. Он даже жаловался на это врачам, те долго его выслушивали, щупали и объясняли, что он отчаянно здоров, а спать надо, так как это, видите

ли, естественная реакция организма. Сейчас реакция проходила особенно бурно, он то и дело «нырял» головой и два раза подряд уронил трубку.

– Климов, отправляйся домой, – громко сказал начальник. – У нас совещание, а не мертвый час.

Климов встал и оглянулся.

– Давай-давай. – Начальник вышел из-за стола. – Ребят обними и скажи, что представлены к именному оружию.

Климов махнул рукой Зайцеву и, подталкиваемый друзьями, выбрался из душного кабинета. Потом долго тер упорно закрывающиеся глаза. На улице ему стало легче, а когда он вспомнил, что Панин и Лавров без согласования с ним провели остроумную, но опасную комбинацию с «кражей» блокнота и «разоблачением полового», а он с ними еще не рассчитался, сон как рукой сняло. Бормоча «оборву уши», Климов зашагал в отдел.

Когда он, громко хлопнув дверью, вошел в кабинет, ребята прекратили разговор и встали.

– Так, голубчики, – сказал Климов, пытаясь придать лицу грозное выражение, сел за стол и потер руки. – Сейчас я с вами поговорю.

Лавров стоял, опустив голову и потупив глаза, а Панин, наоборот, выставил подбородок. Взгляд его был чист и невинен.

– Садитесь, – сказал Климов и неловко заворочался на своем прокурорском месте. – Разве можно так?

– Колька, оправдывайся! – зашептал Лавров.

– Верно, я виноват, – горячо заговорил Панин. – Но вы выслушайте, Василий Васильевич. – Он встал и начал ходить по кабинету. Видно, деятельная его натура не могла находиться в состоянии покоя. – Подобрались мы к Серому вплотную, и заколодило. Он нас чувствует и на дело не идет. Тут еще Цыган Мишку узнал, и совсем неважно стало. Надо было или уходить, или атаковать. Здесь Михаил и придумал, что если он меня «выдаст», то и себя реабилитирует, и Серого успокоит, мол, сбежал мент, и Цыгана прижмет.

– А что ты здесь плел про Павла? – уже не скрывая улыбки, спросил Климов.

– Так ничего я не плел. Когда Мишка кончил разговаривать с Павлом, встал и поправил прическу, что означало: сматывайся, я кивнул и пошел к выходу. Тут Павел подзывает, меня аж в пот бросило, неужто, думаю, задержать хочет? – а он мне мелочь за пиво сует и шепчет: «Тебя Серж расколол, беги». Все так и было. Только, по замыслу Мишки, я должен был явиться к вам и все рассказать, а я испугался. Думаю, наверняка вы догадаетесь, что дела у Михаила плохи, раз мы такой ход сделали. Наказывайте. – Панин развел руками.

– А у меня все было просто, – сказал Лавров и смущенно улыбнулся. – Николай принял огонь на себя и скрылся, дальше все было, так сказать, делом несложной техники. Я полностью реабилитировал себя и скомпрометировал Рюмина, то есть Цыгана. Но Серый оказался не так прост и мне до конца не доверял, играя на нашей с Рюминым обоюдной ненависти, он связал мне руки. Когда явился Павел, стало ясно, что вы за ним проследили и адрес вам известен. Моей единственной задачей стало удержать Рюмина до возвращения налетчиков и ждать вас.

– Не удалось Рюмину осуществить свою мечту: стать главарем и повернуть банду с уголовщины на политику, – сказал Панин, встал и пожал Михаилу руку.

Решив прижать ребят к стене и поубавить им спеси, Климов тяжело вздохнул и сказал:

– Все это, конечно, хорошо, начальство даже вас награждать собирается, но мне-то что с того? – открыл лежащую на столе папку и взял первый подвернувшийся листок. – Вот заявление о том, что пятого августа в пьяной ссоре убит гражданин Кирюшин, известный вам под кличкой Свисток. Заявление зарегистрировано, и уже звонили из управления и спрашивали, что предпринято для розыска преступника. Что прикажете делать?

– Я выстрелил в порядке самозащиты, – быстро сказал Лавров.

– Точно, – вмешался Панин. – Могу официально свидетельствовать, что гражданин Лавров говорит в данном случае только правду.

– Разберемся, – угрожающе пробормотал Климов и спрятал «заявление» в стол.

– Правильно, товарищ начальник, разберитесь. Раньше решите этот вопрос принципиально, тем более и заявление у вас есть.

Климов посмотрел на говорившего Панина, не выдержал и вышел из-за стола.

– Да я тебе, постреленок... – начал он, засучивая рукава, перевел взгляд на Лаврова и замолчал.

Лавров сидел, запрокинув голову, и держал у носа какую-то склянку. Глаза у него были закрыты, ноздри раздувались, а на лице было написано блаженство. Климов вспомнил страшные крики наркоманов, когда они мечутся по камере, лишённые своего зелья, на секунду опешил, потом подскочил к Лаврову и залепил ему пощечину. Лавров качнулся, склянка вылетела у него из рук, ударилась об стену и разбилась.

– Опять меня за Кольку бьют, – сказал Лавров, потирая пылающую щеку. – И погибли мои вещественные доказательства. – Он вынул из кармана точно такую же склянку и протянул ее Климову.

Климов взял ее, посмотрел на хохочущего Панина и взорвался.

– Объясните мне наконец, что вы вытворяете? Что это такое? – Он сунул склянку Лаврову под нос.

– Кокаин, естественно, – сказал Лавров, отстраняясь и протирая платком слезящиеся глаза. – Ну и ручка у вас, Василий Васильевич.

– Кокаин? Так я тебе сейчас совсем башку оторву!

– Это моя выдумка, Василий Васильевич, – быстро проговорил Панин и схватил Климова за рукав.

– Выдумка его, а физиономия моя, – сказал Лавров и, прикрывая лицо платком, вышел из кабинета.

– Все объясню. – Панин театрально взмахнул руками перед лицом недоумевающего Климова. – Трубочки были две, в одной кокаин, в другой – ваниль. Понимаете? Мишка нюхал ваниль, а когда у него просили нюхнуть, давал настоящий кокаин.

– Вот черти! – смущенно пробормотал Климов и потер щеку. – Сходи узнай, как он там. – Климов забежал по кабинету. – У меня где-то свинцовая примочка есть...

– Отойдет. Мишке только на пользу, а то он в самые герои забрался. А изображал он здорово. – Панин сел на стул, вытянул ноги, запрокинул голову и стал похож на изображающего покойника клоуна. – Не выходит, ноги у меня коротковаты. – Он вскочил. – Понимаете, как я точно рассчитал, Василий Васильевич. Если все поверят, что Мишка наркоман, то автоматически отпадают все подозрения. До ужаса тонко. – Панин сокрушенно вздохнул.

– Уже можно? – Лавров, открывая дверь, остановился на пороге.

– Входи, я все урегулировал, – покровительственно ответил Панин.

– Только, пожалуйста, не извиняйтесь, Василий Васильевич, – быстро сказал Лавров. – Оплеуха была необходима, только выдана, как всегда, не по адресу. Но мне не привыкать, а в Киеве я трое суток под арестом вместо Николая сидел.

– Вот мелочный человек. – Панин тяжело вздохнул и сел рядом с другом.

Климов молчал, поглядывая на ребят, и прикидывал, как бы их оставить в Москве. Раздался телефонный звонок, и Климов машинально переспросил:

– Какой Киев?

– Самый обыкновенный, – зарокотал в трубке знакомый бас. – Ты свои штучки брось, я тебя за тыщу верст насквозь вижу. Дай хлопцам трубку.

Вырывая друг у друга трубку и повернувшись к Климову спиной, Лавров и Панин разговаривали с батей. Чтобы не стеснять ребят, Климов встал у окна, а когда в кабинет вошел Зайцев, он улыбнулся и приложил палец к губам.

– Шленов хочет поговорить с вами, – шепотом сказал Зайцев. Они вышли из кабинета.

– Ты уж прости меня, Владимир Николаевич, но я с этим... – Климов замялся, подыскивая подходящее слово, – разговаривать не буду.

– Это почему же?

Климов услышал в голосе заместителя презрительные скрипучие нотки и остановился.

– Давай не ссориться. Хотя бы пару дней, что ли. Не могу я, понимаешь! Не могу видеть этого гада! – Климов расстегнул ворот рубашки и провел рукой по шее. – Сделай одолжение, допроси сам.

– Допрос я провел, – сказал Зайцев и, открыв дверь своего кабинета, жестом пригласил Климова войти. – Шленов дал исчерпывающие показания.

– Да куда же ему деваться, – проходя в кабинет, ответил Климов. – Гад он, во всем гад. Теперь небось валит на других, свою шкуру спасает.

– Какой ты правильный, Василий! Как судишь легко! Главное, всегда ты уверен в своей правоте. – Зайцев бросил папку, которую держал в руке, и ударил кулаком по столу.

Климов смотрел на заместителя, открыв рот. Это был первый случай, чтобы Зайцев повысил голос и говорил кому-нибудь «ты».

– А вот не валит на других Шленов, берет всю вину на себя. И знает, что расстрелять могут, а все берет на себя.

– Так что же нам теперь, его пожалеть и отпустить? – спросил Климов.

– Осудить! Оправдать! Посадить! Отпустить! – закричал Зайцев. – Понять! Понять надо! Почему Шленов предатель? Почему? Не подумал? И думать не хочешь, для тебя он отрезанный ломоть. В тюрьму его или к стенке. – Зайцев быстро ходил по кабинету и говорил, будто рубил сплеча. – А я не могу так. Ты с первого дня революции шагаешь в ногу, и тебе все ясно. Ты узнал, что Зайцев окончил академию и служил в белой армии, – и Зайцев на мушке. Осталось только спустить курок. А вот осечка. – Он остановился перед Климовым. – Осечка, дорогой товарищ. Меня судить за академию – все равно что судить за цвет лица. Я еще не родился, а меня уже ждали в этой чертовой академии. Я с молоком матери всасывал чуждые для тебя идеи, а сейчас мы рядом. А почему? Думаешь, я сразу разобрался, извинился за происхождение и зашагал в ногу? Черта с два! Меня большевики спасли. Настоящие большевики, тебе до них еще сто лет расти и разума набираться.

Климов исподлобья смотрел на Зайцева, чувствовал, что медленно краснеет, и молчал.

– А Шленов? Был рабочим человеком. Знаешь, как он увяз? Был когда-то оружейником у Махно. Скрыл этот факт и попался в лапы Ржавина. Запутал его старик, запугал. Мы с тобой отчасти виноваты в этом. Мы должны были узнать первыми о его прошлом. И надо, чтобы он доверял нам, а не ржавиным, верил в нашу доброту, в нашу справедливость. – Зайцев успокоился и устало провел ладонью по глазам. – Что может быть сложнее человеческой судьбы? Возьми Лаврова и Рюмина. Одинаковые семьи, одинаковое воспитание, а Лавров становится комсомольцем и совершает подвиг, Рюмин же вырастает в Цыгана и мечтает о мести. Почему? Люди, люди, вставшие или оказавшиеся на их пути, решали их судьбы, вели за собой.

– Тебя послушать, так человек к собственной судьбе и отношения не имеет, – вставил наконец Климов. – Все, мол, от других зависит.

– Лавров с Рюминым и зависели, что они в одиннадцать-двенадцать лет понимали? Даже смешно, что тебе объясняю. Все теперь от большевиков зависит. Дорогу проложили, теперь на нее людей выталкивать надо. Воспитывать. Много людей рядом топчется, так их не отталкивать, а вытаскивать надо, и каждого отдельно.

– А ты почему в партию не вступаешь? – неожиданно спросил Климов.

Пашка толкнул дверь, но она оказалась заперта. Это был первый случай, чтобы, вернувшись домой, он не застал Аленку дома. Пашка нагнулся, пошарил под половиком, нашел ключ и открыл дверь. Комната встретила холодно, голые, облезлые стены смотрели как на чужого, и Пашка зябко повел плечами. Куда вдруг смоталась девчонка? Он сунул руки в карманы и засвистел, но сразу сфальшивил, потом часто заморгал глазами и шмыгнул носом.

«Неужели ушла? – подумал Пашка и заглянул под кровать: плетеной корзинки на месте не было. – Ушла. Столько дней сидела здесь, молчала, ждала чего-то, а теперь ушла». Пашка плюнул, но даже плевать не получилось, и он, тускло выругавшись, вытер подбородок и опустился на стул. Девчонка как девчонка, таких двенадцать на дюжину по улице шастает. А любит его. Пашка точно знает, что любит. Другие на деньги его зарились или пофасонить хотелось, смотрите, мол, какой у меня кавалер: самый фартовый карманник в округе, Пашка Америка! А эта – любит, Пашка точно знает.

Он опустил руки между колен и поморщился, словно от физической боли. Кончился Америка. И не сгорел, и не менты повязали, а просто кончился. Когда в подвале рыжий повис на шее у Сержа, Пашка понял, в какую «игру» эта пара играла, закружилась у него голова, и дух захватило. А когда Серж, то есть Михаил, посмотрел на Пашку, улыбнулся смущенно и сказал: «Извини меня, Павлик», у него аж искры из глаз посыпались. А эти двое смотрят на него жалостливо, словно на щенка, который хочет по-волчьи оскалиться, и улыбаются. Увидел он себя со стороны и кончился, и нету Америки, а есть Пашка, маленький такой, словно вправду щенок.

Пашка закурил и с тоской оглядел грязную комнату. Он потер лоб, пытаясь вспомнить, какая она была, Аленка. Неожиданно дверь распахнулась, и вошла Аленка, глаза в пол-лица, рот до ушей, самая что ни на есть настоящая Аленка.

– Ждешь? – весело спросила она и закружилась по комнате. – Молодец. – Потом, видимо, заметила, что с Пашкой творится неладное, схватила его за волосы, подняла голову и долго смотрела в лицо. – Ты моей записки не читал? – Аленка взяла со стола какой-то листок и снова заглянула в его слепые глаза. – Дурачок. Какой ты дурачок, Павлик! Разве я могу тебя бросить?

Пашка молчал, он ничего не понимал и не чувствовал. Все его силы были сосредоточены лишь на одном: не плакать, только не плакать.

– Давай поднимайся, Павлик, – говорила Аленка, – опоздаем. Остался всего час.

Пашка встал и пошел к дверям. Дорогой он молчал, все пытался понять, зачем он уезжает. На вокзале Аленка бежала впереди, тянула Пашку за руку и говорила:

– Быстрей, Павлик, быстрей. Шестой вагон, десятое и одиннадцатое места.

Они проскочили мимо проводницы и, перешагивая через многочисленные чемоданы и узлы, добрались до своих мест.

Лавров, Панин и Климов были уже в купе. Они молча пожали Пашке руку и продолжали свой разговор.

– Я на филологический пойду, – говорил Лавров. – На французское отделение. В кадровые сыщики у нас Колька собирается, а я – нет. Да через год все жулики переведутся, а если кто останется – без меня добьете.

– Это Мишка под свое дезертирство политическую платформу подводит, – перебил друга Панин. – Он известный захребетник, всю жизнь ищет, где полегче. Повесит на стенку именное оружие, которое ему за мои дела дали, и будет до седых волос хвастаться, что когда-то чего-то один раз не испугался.

– Ты зачем надулся? – спросила шепотом Аленка и дернула Пашку за рукав. – Скажи чего-нибудь.

– А чего говорить-то? – ответил Пашка.

– Минуточку, бабуся, – громко сказал Панин, останавливая проходившую нищенку, и повернулся к Пашке. – Быстрее, бабуся ждёт неугоду.

Пашка удивленно взглянул на Николая и вынул горсть мелочи.

– Вот чудак. – Панин встал и ловко вывернул все Пашкины карманы. – Все, все выкладывай. Ничего не осталось? Вот и лады. – Он протянул все деньги причитающей старухе. – Бери, бери, бабуся. У моего друга сегодня день рождения.

– Ты что, ошалел? – воскликнул пришедший в себя Пашка. – Это же мои последние деньги!

Панин вышел в проход и подтолкнул испуганную старуху в спину.

– Топай, топай, бабуся, он шутит. Мой друг страшный шутник. – Панин взял Пашку за локоть, пересадил к окну, сел рядом. – Не твои это деньги, Павлик. Не могу я тебя, родной, с ворованными деньгами, извини за выражение, в Киев привозить. Никак не могу.

Вагон вздрогнул, и Климов стал прощаться, потом выбрался на платформу и встал против окна. Пашка увидел, как к нему подошел худой остроносый мужчина, что-то сказал и встал рядом, а Климов обнял его за плечи.

– Мишка, Зайцев пришел, – зашептал рядом Панин.

– Вижу, не слепой, – тоже шепотом ответил Лавров и замахал рукой.

Пашка тоже замахал и вдруг вспомнил.

– Забыл, забыл, сука! – закричал он и стал рвать окно.

– Напишешь.

– Да нельзя, опоздаю. – Пашка рванул ремни изо всех сил, и окно подалось.

Климов увидел, что ему хотят что-то сказать, подтолкнул Зайцева, и они пошли рядом с медленно ползущим вагоном.

Наконец окно открылось, и Пашка высунулся.

– Начальник. – От волнения он забыл отчество Климова и повторил: – Начальник, на углу Пятницкой и Климентовского пацан маленький папиросами торгует, – говорил Пашка, захлебываясь и пугаясь, что Климов не поймет, как это важно. – Не знаю, как зовут его. Маленький такой, курносый. Он еще повторяет: «Гражданин-товарищ-барин». Подбери его, начальник! – кричал Пашка, совсем высовываясь из окна. – Скажи, Америка велел!

Агония

Глава первая. Скованные одной цепью

Начался сентябрь, но солнце палило нещадно, и Москва походила на Ялту в июле. На Бульварном кольце деревья опустили пожухлые листья, пыль покрывала тротуары и булыжные мостовые. Люди старались на улицу не выходить и, затаившись в квартирах и учреждениях, бессильно обмахивались газетами и безрассудно пили теплую воду. Редкие прохожие перебежали залитую солнцем мостовую, будто она простреливалась, жались к стенам в поисках тени. Извозчики дремали в пролетках, лошади, широко расставив ноги, спали, не в силах взмахнуть хвостами и прогнать ленивых мух. Даже совбур, которому в эти годы нэпа надо было ловить счастливые мгновения, откладывал дела на вечер и ночь, а днем отсыпался.

Около трех часов, когда асфальт начал пузыриться ожогами, а тени съжились, в городе появился ветерок. Порой останавливаясь в нерешительности, он прошелся по городу, шмыгнул в подворотни, затаился, выскочил, уже уверенный и нахальный, бумажно зашелестел листвою деревьев, на круглых тумбах дернул заскорузлые афиши и погнал по булыжной мостовой застоявшуюся пыль.

В это время по безлюдному переулку тяжело шагали трое мужчин. Двое, прижимаясь плечами друг к другу, шли под ручку, третий, в промокшей от пота гимнастерке, с раскаленной кобурой на боку, держался на шаг позади. Идущие под руку выглядели странно. Один в скромной пиджачной паре, в сапогах с обрезанными голенищами. Второй в смокинге и крахмальной манишке, в лакированных штиблетах. Первый был смуглолиц, волосы короткие, черные и блестящие, скулы широкие, глаза под густыми бровями чуть раскосые, и не было ничего странного в том, что он носил кличку Хан. Его спутник выглядел моложе, хотя они были одногодки – ровесники века, выше среднего роста, так же сух, жилист и широкоплеч, но белобрыс и голубоглаз, с девичьим, даже сквозь пыль проступающим румянцем. И кличку его – Сынок – придумал человек неостроумный.

– Что решил? – спросил он, облизнув рассеченную губу.

– На мокрое не пойду, – выдохнул Хан, глядя под ноги.

– На своих двоих в академию, к дяде на поруки? – Сынок поднял голову, взглянул на выцветшее небо, по которому на город напознала туча.

– У него же власть на боку, – имея в виду конвоира, ответил Хан. – Позови его.

Сынок остановился, достал из кармана папиросу и, добродушно улыбнувшись, сказал:

– Начальник, дай огоньку.

– Почему не дать? – советуясь сам с собой, конвоир пожал плечами, похлопал по карманам, достал коробок.

Сынок нагнулся, прикуривая, а Хан ударил конвойного кулаком по голове, будто прихлопнул. Тот взглянул недоуменно, упал на колени, затем безвольно свалился на бок.

Сынок и Хан, тесно прижимаясь друг к другу, бросились в проходной двор, и в переулке стало пусто, лишь конвойный лежал на боку, будто пьяный, и ветер припорошивал его пылью. Туча ползла, погромыхая, несла с собой тьму, как бы пытаясь скрыть происшедшее в переулке. Ветер притих. Одиночные капли ударили по мостовой. Конвойный сел, держась за голову, потом с трудом поднялся, оглянулся.

Дождь упал отвесный, прямой, мгновенно вымыл дома, ручьями ринулся вдоль тротуаров, все шире разливаясь по мостовой. Потоп, обрушившийся на Трубную, начинался где-то на улице Воровского. Здесь, у аристократического особняка, воды было еще немного, она медленно наплывала на Арбатскую площадь, где соединялась с ручейками, спускавшимися с

Гоголевского бульвара, и уже речкой направлялась по трамвайной линии «А», которую москвичи звали «Аннушкой». У Никитских ворот образовалось озеро, оно стекало по Тверскому бульвару, мимо Горсуда, у памятника Пушкину раздваивалось, часть воды уходила направо по Тверской, а основной поток продолжал бег по рельсам «Аннушки», пересекал Петровку и выливался на Трубную площадь. Здесь путь ему преграждал вздыбившийся горбом Рождественский бульвар, который сюда же сливал воду, накопленную на Сретенке. Трубная оказалась на дне моря.

– И настал конец света, – сказал Сынок философски, глядя на затопленный до подножки трамвай и накренившуюся набок и готовую вот-вот упасть афишную тумбу.

Беглецы сидели в небольшой закуской, двери которой распахнул нэп. Обычно полупустая, сейчас она была набита мокрой и шумной публикой. Люди, ничего не евшие в жару, жадно уничтожали сосиски и пиво. Хан и Сынок, попавшие сюда одними из первых, оказались зажатými в самый дальний угол, у окна. Было душно и сыро, как в предбаннике, никто не обращал внимания на смокинг Сынка и обтрепанный пиджачок его соседа. Правая рука одного была пристегнута к левой руке другого стальными наручниками. Скованные руки беглецы, естественно, держали под столом. Хан смотрел на окружающих угрюмо и настороженно, Сынок же, улыбаясь, зыркал голубыми глазами и по-детски шмыгал носом.

– Простудился, вот незадача, – сказал он весело, ткнул своей кружкой в кружку соседа. – Тебя как звать-то? Мы ведь теперь братья, даже ближе. – Он дернул под столом рукой, натянул цепь.

– Хан.

– Батый? – Сынок подмигнул. – Видать, что ты косоглазому татарину родственничек. Видать, твоя какая-то бабка приглянулась татарчонку. – Он говорил быстро, блеснул белыми зубами, глаза его, только что наивные и дурашливые, изучали соседа внимательно, чуть ли не царапали, пытаясь заглянуть человеку внутрь.

Сынок неожиданно отставил кружку, распахнул Хану ворот рубашки, потянул за цепочку, вытащил крестик.

– Хан, Хан, – повторил он, – а крестили как?

– Степаном. – Хан медленно улыбнулся, и лицо его просветлело, на щеке образовалась ямочка. – Один я в роду такой чернявый, батя и братья-браты вроде тебя.

– А меня Николаем окрестили, среди своих Сынком кличут, – радостно сообщил Сынок, однако взгляда цепкого не опускал, разглядывал Степана внимательно и был осмотром явно недоволен. – Значится, Степан и Николай. Два брата-акробата. Тебя что же, Степа, взяли от сохи на время?

– Что? – спросил Хан.

– По-свойски не кумекаешь? Я спрашиваю, мол, случайно погорел, не деловой? – Сынок выпил пиво, отставил пустую кружку.

Хан не ответил, лишь плечами пожал, разгрыз сушку, тоже допил пиво и спросил:

– Как расплачиваться будем? У меня в участке последний целковый отобрали.

– Это беда так беда. – Сынок взял со стола вилку. – Придержи полу клифта. – Подпарывая полу, говорил: – Последнее только ты, Хан, от широты души отдать можешь. – Он справился с подкладкой и положил на стол два червонца, деньги по тем временам солидные. – А вот как мы браслетики сымем?

Хан осмотрел вилку и сказал:

– Придержи, деловой.

Сынок держал вилку, а Хан начал откручивать у нее зубец, именно откручивать, будто тот и не был железным.

– Пальчики у тебя вроде стальные, – глядя на манипуляции Хана, восхищенно сказал Сынок.

– Соху потаскаешь, обвыкнешься. – Хан отломал зубец и согнул об стол в крючок, затем опустил руку под стол и вставил крючок в замок наручника.

Глядя в потолок и шевеля губами, будто читая там какие-то заклинания, Хан через несколько минут вздохнул облегченно и положил на стол свободные руки. Потирая натруженную кисть, он посмотрел в окно и сказал:

– А вот и распогодилось.

Дождь действительно кончился, просветлело. Публика потянулась к дверям, некоторые разувались, подворачивали брюки. Хан поднялся, взял со стола червонец, другой подвинул Сынку и сказал:

– Бывай, – и шагнул к выходу.

Сынок схватил его за рукав:

– А я? Кореша бросаешь, подлюга? – Он брякнул цепью наручника, который охватывал его руку.

– Сунь в карман и топай себе, дружки тебе бранзулетку снимут, – равнодушно ответил Хан. – Ты деловой, а я от сохи, нам не по дороге.

– Тебе лучше остаться, – медленно, растягивая слова, сказал Сынок.

– Не пугай. – Хан улыбнулся, лицо его вновь просветлело, но глаза были нехорошие, смотрели равнодушно.

Сынок его отпустил, взял со стола крючок, сделанный из вилки, и сказал:

– Я к тебе предложение имею. Сядь. – Он ударил кружкой по столу и, когда мальчишка-половой подбежал, сказал: – Подотри и принеси, что там из отравы имеется.

Мальчишка фартуком вытер осклизлый стол, забрал пустые кружки и исчез. Хан взял крючок, опустил руки под стол, звякнул металлом и положил наручники Сынку на колени.

– Прибереги на память, деловой.

– Ты памятный. – Сынок спрятал наручники в карман. – Не простой ты, мальчонка, совсем не простой. – Он рассмеялся.

Хан тоже улыбнулся.

– Простых либо схоронили, либо посадили... – Он замолчал, так как подошел хозяин заведения, который, поклонившись, спросил:

– Желаете покушать, господа хорошие? – Он протер и без того чистый стол. – У нас не ресторан, но по-домашнему накормим отлично-с.

Закусочная опустела, лишь за столиком у двери пил пиво какой-то оборванец. Смокинг Сынка внушал хозяйчику уважение, и он смотрел на молодого человека подобострастно.

– Колбаса изготовлена по специальному рецепту, можно с лучком пожарить, грибочки, огурчики из подпола достанем-с...

– «Смирновская» имеется? – перебил Сынок и, поняв, что имеется, продолжал: – Корми, недорезанный. – Он рассмеялся собственной остроте. – Да не обижайся, мы с тобой элемент чуждый, на свободе временно. Вот кучера собственного встретил. – Сынок указал на Хана. – Раньше-то он дальше кухни шагнуть не смел, теперь за одним столом сидим. Мы сейчас все у общего корыта, все равны.

Хозяин склонился еще ниже и доверительно зашептал:

– Этого, простите, никогда не будет. Можно у одного отнять, другому отдать. Так все равно-с, простите, один будет бедный, другой богатый.

Николай Сынок взглянул на хозяйчика лукаво и спросил:

– А если поделить?

– На всех не хватит, – убежденно ответил хозяин. – Больно человек жаден, ему очень много надобно. – и развел руками, показывая, как много надо жадному человеку.

Хан, сидевший все это время неподвижно, глянул на хозяина недобро, покосился на Сынка:

– Так что, барин, есть будем или разговаривать?

– Ишь, – Сынок покачал головой, – пролетариат свой кусок требует. Неси, любезный, и... – он кивнул в сторону двери, у которой сидел оборванец, – не сочти за труд.

– Сей минут, в лучшем виде. – Хозяйчик поклонился, подбежал к оборванцу, забрал пустую кружку, что-то зашептал сердито. Оборванец поддернул штаны, смачно сплюнул и, насивывая, вышел на улицу. Остановился у стоявшего неподалеку от закуской извозчика.

– Эй, ямщик, гони-ка к «Яру»!

Извозчик взглянул на рваную тельняшку, чумазое лицо и нечесанные волосы и отвернулся.

– «Я ушел, и мои плечики скрылись в какой-то тьме». Счастье свое не проспи, ямщик. – Оборванец вновь поддернул штаны и направился в сторону Тверской, свернул в Гнезниковский, вошел в здание Московского уголовного розыска, который большая часть москвичей называла МУРом, а меньшая – «конторой». Здесь оборванец зашел в один из кабинетов, где за огромным столом сидел солидный, уже пожилой мужчина в пенсне.

– Разрешите войти, товарищ субинспектор? – Оборванец щелкнул каблуками.

– Вы уже вошли, Пигалев. – Мелентьев снял пенсне и начал протирать его белоснежным платком.

Агент третьего класса Семен Пигалев работал в уголовном розыске уже пятый месяц и мог быть самым счастливым человеком на свете, если бы не фамилия, к которой редкий человек мог остаться равнодушным.

Субинспектор Мелентьев никогда не позволял себе шуток по этому поводу, произносил фамилию Семена уважительно, без ухмылочек и многозначительного подмигивания. Семен взглянул на него с благодарностью и доложил:

– Объекты, – Пигалева хлебом не корми, дай ввернуть ученое слово, – ушли от конвоя, дождь переждали в закуской на Трубной, заказали обед. Я оставил там Серегу Ткачева, велел глаз не спускать.

Мелентьев и бровью не повел, хотя знал, что кучером в пролетке сидел агент первого класса, работающий в угро шестой год и, не в пример Пигалеву, человек опытный.

– Благодарю вас, Пигалев. Приведите себя в порядок и доложите Воронцову.

– Слушаюсь. – Пигалев распахнул дверь и чуть не столкнулся с входящим в кабинет сотрудником, который в форме рядового милиционера час назад конвоировал Сынка и Хана.

– Как здоровье, Василий? – с издевкой шепнул Пигалев. – Головушка бо-бо?

Василий Черняк, среднего роста, с выправкой кадрового военного, перетянутый ремнями, с влажными после мытья волосами, взглянул на Пигалева недоуменно и развел руками, как бы говоря: совсем обнаглел, братец. Семен понял товарища и поспешил убраться, а Черняк вошел в кабинет, плотно прикрыв за собой дверь, сказал возмущенно:

– Мы так не договаривались, Иван Иванович! Я боевой командир Красной армии, орденосец!

Мелентьев надел сверкающее пенсне, оттянул пальцем крахмальный воротничок и вздохнул.

– У меня сын недавно родился. – Черняк осторожно дотронулся ладонями до головы, казалось, он сейчас ее снимет и поставит перед субинспектором как вещественное доказательство творящихся безобразий. – Сын, Иван Иванович! Он маленький, ему отец нужен, даже необходим.

– И чем же это вас? – поинтересовался Мелентьев, пенсне надежно скрывало его смеющиеся глаза, а тон был участлив безукоризненно.

– Чем-чем, – смутился Черняк, – кулаком! Меня в девятнадцатом один беляк рукояткой нагана шарахнул, я качнулся, и только. А тут...

– Возраст, батенька. – Мелентьев указал на стул. – Как я понимаю, вас ударили. Кто именно?

– Чернявый, как молотком...

– Так-с. – Мелентьев смотрел испытующе. – Значит, Хан сбил вас с ног и преступники скрылись?

– Вы сказали: в случае побега стрелять только в воздух, что бить будут – разговора не было. – Черняк хотел покачать головой, но не решился: в виске тихонечко покалывало.

– Упустили, значит, – Мелентьев покачал головой, – случается, на первый раз оставим без последствий. Надеюсь, в дальнейшем, Василий Петрович...

Черняк медленно поднялся, дважды открыл и закрыл рот, наконец, поборов возмущение, сказал:

– Что же это? Как же такое получается? Нет, – он прижал руки к груди, – вы не говорили, что побег будет точно, но я так понял.

– И совершенно напрасно, уважаемый Василий Петрович. – Мелентьев встал и вышел из-за стола, давая понять, что разговор окончен. – Мы не для того задерживаем преступников, чтобы вы их отпускали.

– Бросьте. – Черняк махнул рукой и сел на стуле удобнее. – А чего это меня в конвойные определили? И Сенька Пигалев, что вышел от вас, вчера мне калякал... который из беглецов наш-то?

– Товарищ Черняк, – прервал его Мелентьев, выглянул в коридор и громко сказал: – Пигалева к Старику! Срочно! – Он отлично знал, что его за глаза называют в розыске Стари-ком.

Мелентьев прошелся по кабинету, остановился около Черняка и молча на него смотрел до тех пор, пока молодой сотрудник не догадался встать. «Который из беглецов наш-то?» – вспомнил Мелентьев, и ворот крахмальной рубашки стал ему тесен. Раньше, в сыском, не то что такой вопрос задать, даже намекнуть начальству, мол, догадываюсь кое о чем, никто не посмел бы. Мелентьев взглянул на молча стоявшего Черняка безразлично, позвонил заместителю начальника отдела по борьбе с бандитизмом МУРа.

Начальник Мелентьева Воронцов был из матросов, работал в уголовном розыске с двадцатого года, Мелентьев же занимался сыском уже четверть века, и Воронцов этого не забывал. Он учился у опытного сыщика азбуке розыскного дела, порой был ему лучшим другом, а когда происходил очередной конфликт, бывший матрос старался с Мелентьевым не встречаться и не разговаривал с ним неделями. Затем все возвращалось на круги своя, и Воронцов прятался от подчиненных и начальников в этом кабинете, слушал, как субинспектор ведет допросы или просто беседует по душам с каким-нибудь старым уголовником. Мелентьев относился к Воронцову равно, в периоды дружбы чуть иронически, во время ссор подчеркнуто официально.

Вчера, когда уточнялись детали предстоящей операции, Воронцов с Мелентьевым во мнениях не сошлись, бывший матрос кричал, а бывший царский сыщик, как обычно, молча смотрел в окно. Из Петрограда в МУР поступили данные, что в Москве в ближайшие дни готовится ограбление банка и проходит по сообщениям рецидивист-медвежатник по кличке Корень.

– Где готовится ограбление? Когда? – выложив Мелентьеву суть дела, спросил Воронцов. – Ты, субинспектор, главная наша мозга, думай.

– Ввести сотрудника в уголовную среду, – ответил Мелентьев. – Попросить человека из Петрограда, чтобы его наша клиентура не знала, легендировать и ввести в среду. Надо искать Корня. Я его знаю, серьезный гражданин.

– В Питер я даже обращаться не буду. Стыдно! – Воронцов погрозил пальцем, потом загнул его – такова была его обычная манера счета. – Кто такой Корень? Где его искать? – Он

загнул еще два пальца, затем распрямил пятерню, хлопнул по ней другой и начал потирать руки. Все это означало, что счет Воронцов окончил.

Константин Николаевич Воронцов был роста среднего, в плечах неширок, но фигурой крепок, волосы стриг коротко, был широкоскул, сероглаз, нос у него торчал бульбочкой. Одевался Воронцов просто: шевиотовый костюм неопределенного возраста, рубашка маркизетовая, из-под которой даже в немыслимую жару торчала тельняшка, брюки заправлял в сапоги – и походил заместитель начальника отдела МУРа на уголовника средней руки. Воронцов за двадцать пять лет окончил семь классов гимназии, получил контузию, один орден, три ранения. Он был от природы упрям, стеснителен и влюбчив, а прожив четверть века, был неразумно смел, в меру умен и неприлично честен. Обо всех перечисленных качествах начальника Мелентьев прекрасно знал. Если Воронцов от стеснительности хамил – терпел, а когда при встречах с машинисткой отдела Зиной краснел, старый сыщик снимал пенсне, протирал его тщательно.

Пять лет назад, потряхивая чубом и натягивая на груди тельняшку, Воронцов пришел в уголовный розыск и обратился к субинспектору на «ты» с таким подтекстом: не бойся, сразу не расстреляю, может, ты полезный. Мелентьев согласился: «Возможно, я и полезный, вы со временем разберетесь, молодой человек». Отношения их с тех пор изменились, а «ты» и «вы» остались на своих местах. Изредка, когда они вдвоем пили чай или, ожидая важного донесения, играли в шашки, Воронцов тоскливо говорил:

– Иван, давай на «ты»? А?

Мелентьев молчал и улыбался либо пожимал плечами. Воронцов тут же взрывался:

– Не желаешь? И черт с тобой! Выкай до гробовой доски. – Остыв мгновенно, заканчивал: – Вот убьют меня твои бандюги, пожалеешь, да поздно будет.

Почему-то Воронцов считал всех воров и бандитов чуть ли не друзьями субинспектора. Возможно, оттого, что каждый задержанный если и не знал Мелентьева лично, то обязательно слышал о нем или находился у них общий знакомый.

– Так кто такой Корень? – спросил Воронцов.

– Долго рассказывать, Константин Николаевич, – ответил Мелентьев. – Однако если полученные данные верны и Корень в Москве, то нас ждут, мягко выражаясь, неприятности.

Старый уголовник и рецидивист, о котором шла речь, имел несметное количество фамилий, имен и кличек. Досье его еле умещалось в пяти папках и было уничтожено в феврале семнадцатого. Он освободился вчистую, имея документы на имя Корнеева Корнея Корнеевича, видимо придумав себе фамилию, имя и отчество от последней клички – Корень. В Москву не приехал, в Одессе, Киеве, Ростове, других больших городах тоже не появился, и где находится в настоящее время Корнеев, никто не знал.

Мелентьев сам выбрал сотрудника, взял его из района, чтобы хоть центральный аппарат не знал человека в лицо, сам проинструктировал и разработал легенду, наконец вчера сообщил, что все готово.

– Ну давай посидим, уточним, обмозгуем, – сказал Воронцов. – Хочу взглянуть на твоего протеже, – и, гордясь выученным словом, усмехнулся.

– Протеже произносится через «э», Константин Николаевич. Если вы настаиваете, пожалуйста. Я вас сведу, но полагаю, это лишнее, – ответил Мелентьев.

Тут и разразился скандал. Воронцов и Мелентьев говорили на разных языках, что было понятно одному, другому было непонятно совершенно.

Воронцов не сомневался – каждый участник предстоящей операции должен знать о ней все, понимать ее важность и значение, конечную цель. Тогда человек – не тупой исполнитель чужой воли, а работник творческий, вдохновленный идеей, знающий начало и конец операции, он способен внести в нее необходимые коррективы на ходу. Ум хорошо, а два лучше. Коллеги-

альность в таких делах – главное. И доверие. Человеку необходимо доверять, тогда он, гордый, за идею и на смерть пойдет.

Мелентьев полагал, что чем меньше знаешь, тем труднее проговориться или наделать глупостей, и вообще лучше обойтись без смерти.

– Лишнее? – кипятился Воронцов. – Ты считаешь, что знать, кого ты посылаешь к бандитам, для меня лишнее? Или ты, – он ткнул Мелентьева пальцем в грудь, – мне, – он расправил плечи, – не доверяешь?

Мелентьев отличался завидным терпением, он выдержал паузу, когда Воронцов начал нехорошо бледнеть, спросил:

– Константин Николаевич, вы мне доверяете?

– Доверяю! Вот я тебе – доверяю!

– Благодарю. У вас маузер барахлит, давайте починю.

– Чего выдумал, именное оружие увечить.

– Серьезно? – Мелентьев смотрел участливо. – Вы не боитесь, что я вам динамит в ствол засуну, боитесь, поломаю от неумелости своей?

– Так-так, с подходцем, значит, – протянул Воронцов. – Ни шиша я, значит, в работе не петрю. Ясненько. Договорились.

Не найдя нужных слов, он смешался, махнул рукой и вышел.

За последние годы Воронцов в работе поднаторел, и Мелентьев лучше, чем кто-либо, знал это. Он перегнул умышленно, пусть Костя, так субинспектор про себя называл Воронцова, разозлится, ввод сотрудника в среду уголовников – дело опасное. Казалось, все предусмотрел Мелентьев, и вот Черняк и даже Пигалев о чем-то догадываются. А может, знают?

Воронцов и Пигалев вошли в кабинет одновременно.

– Вызывали? – неожиданно обращаясь на «вы», Воронцов молодцевато щелкнул каблуками и вытянулся.

Пигалев и Черняк переглянулись: может, перестановка произошла и Старика начальником назначили?

– Извините, что нарушаю субординацию, Константин Николаевич, и побеспокоил вас, – сказал Мелентьев. – История произошла неприятная. Товарищ Черняк конвоировал двух арестованных, которые его сбили с ног и скрылись.

– Так в чем дело? – Воронцов привычным жестом пригладил непокорный вихор. – Они должны были бежать или нет?

– Я предполагал, что побег будет организован с воли, мне нужны были их связи. – Мелентьев лгал так убедительно, что даже Воронцов ему начинал верить. – Черняка подстраховали и уголовников не упустили. Но уж раз они на воле, с арестом повременим, интересно, куда они направятся. Дело в другом, уважаемый Константин Николаевич. Оказывается, один из бежавших – наш сотрудник. Что это получается? Проводится такая серьезная операция, а субинспектор Мелентьев не в курсе дела? Как мне вас понимать? Мне не доверяют?

– Какой сотрудник? Кто такое придумал? – спросил Воронцов.

– Товарищи утверждают. – Мелентьев кивнул на Черняка и Пигалева.

– Ничего я не утверждаю, Иван Иванович, – плаксиво заговорил Черняк, болезненно морщась.

– Идите. – Воронцов отпустил сотрудников. Когда они вышли, резко сказал: – Досекретничались, Иван Иванович. Пигалев и Черняк друзья, вам, товарищ субинспектор, такое знать следует. Вы Черняка ставите конвоировать, а Пигалева – за бежавшими наблюдать и надеетесь, что они не поймут, в чем дело?

– У меня других сотрудников нет. – Мелентьев вздохнул.

– Из-за чего сыр-бор разгорелся? – перебил Воронцов. – Кто-то где-то сказал, что какой-то Корень собрался банк взять... Он собрался, а мы все дрожим...

– Вы знаете, кто есть рецидивист, над которым вы изволите подшучивать?

Глава вторая. Уголовник-рецидивист по кличке Корень

Субинспектор Иван Иванович Мелентьев встретился с Корнем четверть века назад. Москва только отпраздновала начало двадцатого века, Мелентьева звали просто Иваном, служил он в уголовной полиции в отделе по борьбе с ворами, орудующими на улице, в магазинах, у театров. Московское мелкое жулье и многие деловые гастролеры Мелентьева хорошо знали, однако все равно попадались. Арестованные на него зла не держали, так как был он в работе справедлив и мзду не брал. Повязав с поличным, не издевался, не бил; встретившись с деловыми случайно на улице либо, скажем, в ресторации, на поклоны отвечал, мог и поговорить с человеком, и рюмочку выпить, профессией не попрекал, в душу не лез. В общем, был сыщик Иван Мелентьев у своих клиентов в авторитете, его по-своему уважали, однако встречи с ним, естественно, никто не искал.

Новый век для московской уголовной полиции начался тяжело. Первым вспороли сейф в ювелирном магазине на Тверской, против Брюсовского переулка. Затем как грецкие орехи раскололись сейфы помельче: на механическом заводе в Садовниках, в мебельном магазине Петрова на Большой Дмитровке, в конторе металлосиндиката на Мясницкой. Стало ясно, что работают серьезные медвежатники, но у Ивана Мелентьева голова от этих дел не болела, его подопечные сейфов не потрошили, в худшем случае ширмач-техник карман взрежет у заезжего купца, ну, капелла мошенников-фармазонщиков продаст какой-нибудь мешаночке ограниченное стекло каратов в десять.

Но вот вспороли знаменитый патентованный сейф Сан-Галли в Центральном банке, убив при этом сторожа и двух чинов наружной службы. Сто пятьдесят тысяч радужными «катеньками» вылетели из государственной казны на волю и скрылись в неизвестном направлении.

«Найти! Разыскать немедленно!» – разнеслась команда по департаменту полиции. Сыщики уголовной полиции взялись за дело серьезно. Не потому, что, срывая голос, кричал в кабинете с мягким ковром и всегда зашторенными окнами директор. И потеря государевой казной ста пятидесяти тысяч не расстроила сыщиков, и зла они против воров не имели – труд у них опасный и малоодоходный. Вор – человек по-своему полезный, так как на весах общества на другой стороне стоит, а чтобы равновесие поддерживать, на этой стороне сыщиков надо держать, зарплату им исправно платить, пусть и не большую, но и не маленькую.

Сыщики взялись за дело на совесть потому, что убили двух их товарищей. Убили, не отстреливаясь, когда от страха нутро дрожит и глаза в холодном поту плавают, убили не в схватке за свою свободу и жизнь, такое и раньше случалось. Убили расчетливо, спокойно зарезали, как режут скотину к празднику, заранее взвесив и подсчитав, сколько понадобится, чтобы насытиться до отвала.

Такое убийство товарищей сыщики прощать не могли. Найти и повесить, чтобы все уголовники видели: ты бежишь, я догоняю – одно, я хватаю, ты защищаешься – другое, а убивать спокойненько, с заранее обдуманым намерением – такого не позволим. И затрещали двери воровских притонов, которые оберегали сыщики, как последнюю лучину, – мало ли кто нужный зайдет на огонек. И в квартирах рангом повыше побледнели, внешне благопристойные мужи-содержатели крестились, приговаривая: «Сохрани, святая богородица! Сколько лет дружим, господин начальник, сколько душ вам отдал! Неужто запомнили?»

«Кто? Кто? Отдайте, и мы вернем вам покой! Отдайте!» И в дорогих притонах летели на пол карты, золото и серебряные блюда, рвались с треском шелка. Здесь били для страха.

«Кто? Кто? Отдайте!» И в сером, еле угадывающемся рассвете сапоги били под ребра, срывали одурманенных водкой и марафетом людей с кроватей, тащили в участок. Здесь били серьезно.

«Кто?» Даже в Английском клубе слышали этот шепот. Здесь не ломали, не опрокидывали столов, не рвали шелка и, уж конечно, не били. Но двое фрачников с иностранным выговором, которые вели всю зиму крупную игру, исчезли, через несколько дней вернулись побледневшие и задумчивые, и один из них по рассеянности даже сдал хорошую карту соседу.

Уголовный мир убийц не отдавал – то ли страх перед ним был сильнее страха перед полицией, либо не знали уголовники медвежатников, которые так легко пошли на мокрое. Розыск не прекращался, вели его опытейшие криминалисты, уголовная полиция трясла свою агентуру, уведомили коллег в Вене, Париже, Берлине и в других столицах Европы. А вышел на преступников никому тогда не известный низший чин наружной службы Иван Мелентьев.

Началось все с того, что светлым мартовским днем Иван Мелентьев на Тверской, в булочной у Филиппова, съел пятачковый пирог с мясом и, думая о нелегкой своей сыщицкой доле, держась к домам поближе, чтобы не обрызгали извозчики, двинулся вниз, к Столешникову.

Александр Худяков, по кличке Сашенька, был артист-техник и в былые времена легко брал задний карман брюк у человека, одетого в пальто. Уже два года, как Сашенька завязал, обзавелся гнедым рысаком, и вечерами Мелентьев видел Сашеньку на козлах шикарного выезда у театров и дорогих трактиров. Еще было известно, что Сашенька женился.

Мелентьев заметил Сашеньку, когда тот двигался по Пассажу, придерживая под локоток такую же, как он сам, маленькую женщину. Она шла тяжело, валко, судя по размерам живота, вскоре собиралась сделать Сашеньку отцом. Жена зашла в секцию, где торговали полотном и ситцем, а Сашенька закурил папиросу, посмотрел вокруг солидно, и тут его толкнул разухабисто шагавший мужик в распахнутой дохе. Глянув только на мужика, Мелентьев безошибочно определил, что он не москвич, а залетный, вчера поутру удачно сбыв привезенный товар, вечером с дружками старательно поужинал, сегодня на постоялом дворе выпил графинчик, а сейчас собирается покупать подарки родне.

На такую наживку должно клюнуть незамедлительно, и Мелентьев двинулся за дохой следом. Месяц катился к концу, а у Мелентьева ни одной поимки, начальство еще молчит, но уже хмурится.

Мимо такого живца московский жулик пройти не должен. Если не карманник его потрошить начнет, так мошенник увидит и уступит ему по дешевке алмазы бразильские, на худой конец, акции копей царя Соломона. Рассуждая так, Иван Мелентьев мужика в дохе из виду не терял и вдруг увидел, как у Сашеньки взгляд стал мечтательным и отрешенным, зевнул он нервно и шагнул за дохой следом, затем вытер ладони об полу своей шубейки и обежал вокруг мужичка, прицеливаясь. Тот торговал штуку яркого ситца и, чтобы у Сашеньки промашки не получилось, вытащил из-за пазухи замасленный кошель, хлопнул им о прилавок и сунул в широченный карман дохи.

Вместо того чтобы выждать, пока Сашенька возьмет, Мелентьев шагнул из своего укрытия, положил тяжелую руку Сашеньке на плечо и спросил:

– Гражданин хороший, не вас ли супруга кличет?

Сашенька, глядя на Мелентьева снизу вверх, слизнул капельки пота и икнул. Жизнь вертелась вокруг, и никто не обращал на них внимания, лишь они двое знали, что один уже шагнул с обрыва в омут, а другой выдернул его, спас. Сашенька перекрестился, приседая и оглядываясь, бросился к жене, которая, прижимая к груди свертки, выкатилась из секции в проход Пассажа. «Даже спасибо не сказал, сукин сын», – подумал Мелентьев, не серьезно подумал, а так, перед собой похваливаясь, и стал отыскивать мужичка в дохе, не нашел, однако настроение весь день у него было праздничное.

Вечером Мелентьев толкался у колонн императорского театра, когда к нему подскочил оборванец, сунул конверт.

– Передать велено. – и скрылся, не попросив, как обычно, папиросочку.

«Дело, вас интересующее, поставил не деловой. Приглядитесь к студенту Шуршикову Якову, что на Солянке у известного вам Быка угол снимает». Буквы печатные, однако гладкие и ровные, отметил Мелентьев, и слог культурный. Кто же из его крестников так изъясняться выучился? Автор письма сыщика заинтересовал больше, чем неизвестный студент. Мелентьев бумагу пощупал, понюхал – простым табаком отдает – и оглянулся, выискивая беспризорника.

– Ну, балуй! – услышал Мелентьев, посторонился от наезжавшей пролетки, взглянул на гнедого рысака, который хрипел, задирая голову, потом на кучера и узнал Сашеньку. Секунду, не более, они смотрели друг на друга. Мелентьев сунул письмо в карман и легко прыгнул в пролетку, сиденье скрипнуло, пахло пылью. «Не дело, если меня здесь увидят», – подумал Мелентьев и поднял верх. Сашенька выкатился из суматошной толпы и остановился, перебирая вожжи, ждал, куда везти прикажут. Мелентьев отодвинулся в угол и молчал, боялся разорвать ниточку, протянувшуюся между ними в момент немного Сашенькиного признания. Сашенька еще чуток выждал, затем тронул рысака, выехал через Театральный проезд на Никольскую и свернул в Ветошный переулок. Москва словно отпала, осталась позади, тихо и темно, сквозь окна просвечивали абажуры, на цокот копыт тявкнула со двора собака, уже задремавшая, другая лениво отозвалась и замолкла. Пролетка перевалилась по булыжнику, наконец встала. Мелентьев щелкнул портсигаром и сказал:

– Угощайся.

– Не курим, барин. – Сашенька натужно откашлялся и спросил тоскливо: – Куда велите, барин?

Мелентьев не ответил, закурил, устраиваясь поудобнее, скрипнул сиденьем, ждал. Сашенька вытянул кнутом по гладкой спине рысака, тот, неодобрительно покачивая головой, промчал переулок, вынес на Ильинку. На Москворецкой набережной Сашенька перевел кормильца на шаг, покосился назад, но Мелентьев упорно молчал. Между уважающими себя сыщиками и подсказчиками существовал неписанный договор: ты ничего не говорил, я ничего не слышал. Иван Мелентьев его свято придерживался, зная на горьком опыте неразумных товарищей, что, ежели нарушишь, не будет у тебя на той стороне доброжелателей. А что ты без них? Слепой путник скорей выйдет из леса на дорогу, чем сыщик без подсказки найдет преступника.

Мелентьев курил, глядя на худого сгорбленного Сашеньку, который, казалось, с каждой минутой становился все меньше, и слышал его мысли, словно тот говорил вслух: «Отпусти меня, Иван Иванович, не вынимай душу, я тебе добром за добро, и ты мне так же, слезь с пролетки, уйди». Сыщику было жалко бывшего карманника, но себя Иван Мелентьев жалел больше и потому Сашеньку отпустить никак не мог.

«Дело, вас интересующее...» Какое дело? Неужели Сашенька что-то знает о банке и убийстве чинов наружной полиции? Что знает? Как узнал? Сеня Бык с Солянки – личность знаковая: пьяница, марафетиком приторговывает, к серьезному делу и краешком прикоснуться не может. Студент Яков Шуршиков? Кто такой? «Дело поставил»? Откуда Сашенька подхватил такие слова? «Дело поставил, дело поставил», – повторял Мелентьев. Дело поставил не деловой, человек, незнакомый воровскому миру. Похоже, ох как похоже, вот почему крестятся «отцы» и «матушки», плачут, клянутся, не знаем, мол. Эх, Сашенька, что же делать-то теперь? Если рапорт подать, мол, подбросили записочку, так Ивана Мелентьева в случае удачи не то что приказом по ведомству, в коридоре добрым словом никто не помянет.

– Запарился? – Сашенька слез на землю, похлопал рысака по влажному крупу. – Тяжело тебе, а мне, думаешь, легко? Я сына, кормилец, жду, он без отца пропадет. А для Якова Шуршикова жизнь человека – плюнуть и забыть, кокнул пером, амба и ша. – Он влез на козлы, вздохнул, как застонал, и рысак ответил хозяину тихим ржанием.

Мелентьев затаился в последний раз и выбросил окурок в Москву-реку.

– Яков долю содельникам не выдал, – еле прошептал Сашенька. – Все у себя держит. Бык и не знает, на чем спит. Ежели в его доме «катеньки» взять, то Якова налицо перевернуть можно.

Мелентьев зевнул так, что скулы свело, и сказал грубо:

– Ты что стоишь, дядя? Соснул седок, ты и рад. А ну гони к Театральному, подлая твоя душа.

Не доезжая двух кварталов до места, Мелентьев неслышно с пролетки соскочил, исчез в проходном дворе, и больше сыщик и бывший карманник-техник не встречались.

Через два дня извозчика Александра Матвеевича Худякова нашли в собственной пролетке зарезанным. Не был он никаким чином, да еще стоял в уголковке на учете, и похоронили Сашеньку тихо. Мелентьев на похороны не пришел, так как объяснить появление сыщика на могиле бывшего вора совершенно невозможно.

Яша рос мальчиком болезненным, был застенчив и нравом кроток. Отец его – Михаил Яковлевич Шуршиков – служил в почтовом ведомстве, ходил, вечно опустив голову, боялся начальства, соседей, а больше всего – хозяина дома, которому постоянно за квартиру должен. Мать Яши – Мария Григорьевна – некогда слыла красавицей, только времени того никто не помнил. Единственного сына она родила в девятнадцать лет, в материнстве не расцвела, лицом бледнее и строже стала, душещипательные романсы забыла, не расставалась с Библией и к тридцати годам стала существом без возраста и пола. Шуршиковы занимали три комнаты на втором этаже деревянного дома, расположенного в самом конце Проточного переуллка, который так назывался потому, что от Садового шел к Москве-реке под уклон и текли по нему и воды вешние и осенние, и талый снег с навозной жижей.

Текли воды, годы, матушка до тридцати пяти не дожила, отец втихую запил, Яков успел окончить гимназию, и однажды, когда отца, освобождая квартиру, в горячке снесли во двор, а чиновник растерянно смотрел на пристава, не понимая, что можно в этом доме описывать, Яков Шуршиков пошел по Проточному вверх, выбрался на Садовую и, не оглядываясь, зашагал налево, к Поварской. С таким же успехом он мог бы направиться и направо, к Арбату.

Через приятелей по гимназии Шуршикову удалось получить место репетитора – крыша над головой и харчи. Попад в студенческую среду, он сошелся с эсерами не по идейным соображениям, а так случилось. Но очень скоро Шуршиков впервые почувствовал: отсюда надо бежать, и чем быстрее, тем лучше. Каждому человеку от рождения что-то дано: музыкальный слух или понимание прекрасного, отвага, чувство справедливости, эгоизм или стремление к самопожертвованию; Яков Шуршиков предчувствовал надвигающуюся опасность. Совершал порой самые рискованные поступки, уверенный, что все сойдет ему с рук. Так, первым его преступлением была безрассудная кража. Он репетировал в купеческой семье среднего достатка и однажды, проходя вечером через гостиную, увидел на столе пухлый бумажник и положил его в карман. Разразился скандал. Из дома с позором выгнали приходящую прислугу, хотя дворник и кучер видели, что девушка из кухни не выходила.

Яков совершил еще несколько краж по случаю, затем начал принимать краденое от знакомых подростков, с репетиторством покончил и стал преступником профессиональным. Образование и природная сметка ставили Шуршикова выше тех мелких жуликов, с которыми он имел дело. Прошло несколько месяцев, и он связи с карманниками порвал, почувствовав опасность, место жительства сменил. Он появился на Сухаревке, в этой академии преступного мира Москвы, но и здесь ему не понравилось. Сухаревка походила на мост, соединявший свободный мир и каторгу. Якова Шуршикова это явно не устраивало. Но прежде чем расстаться с Сухаревкой, Яков убил человека, который шел через Москву на юг России. Яков встретил его в ряду, где торговали одеждой, и по тому, к чему человек приценивался, понял: деньги у человека есть. Когда случайное знакомство состоялось, они выпили в трактире по паре чая, и Яков

узнал, что человек бежал с этапа, в Москве у него ни родственников, ни знакомых и на заре он должен из златоглавой убираться. И понимал Шуршиков: не возьмешь с человека много, однако безнаказанность манила, и по пути от трактира к ночлежному дому проломил болтливому приятелю кистенем голову, забрал двенадцать целковых с мелочью, и больше Студента – так за фуражку с гербом окрестили его на Сухаревке – здесь никогда не видели.

Шуршиков снял угол у бывшего семинариста, который работал ночным сторожем, при торговывал наркотиком, был умен и силен как бык, и звали его в округе Быком. Раздумывая о своем будущем, Яков Шуршиков пришел к выводу, что быть ему преступником на роду написано. Действительно, а как жить? Учиться не на что, да и тяги такой не чувствовал, руками делать он ничего не умел, идти прислуживать – не желал. Не велики были университеты Якова, однако он понял: мелким воришкой, при всем чутье и везенье, от тюрьмы не уберечься, надо брать редко, но крупно. Где и как? Конечно, манила его фортуна афериста-гастролера, о подвигах «международников» порой писали газеты. Но нужны для начала деньги, связи, да и талант. Яков понимал: не годится он для такой карьеры. Хорошие деньги лежат в сейфе, но как его открыть? И тут Яков среди клиентов Быка встретил пожилого часовщика, который все заработанное отдавал за морфий. Оказался часовщик в прошлом взломщиком-медвежатником, но, отсидев два срока, пристрастился к марафету, здоровье заставило профессию сменить, а так как был он от природы умельцем, какие редко встречаются, то быстро освоил часовое дело. Петрович, так звали часовщика, доживал век мирно, брал за работу дешево, зарабатывал, как говорится, «на иглу», больше ему и не требовалось. Кольнувшись, он становился болтлив, охотно рассказывал о годах молодых, люди слушали и посмеивались. Яков Шуршиков слушал и все больше задумывался. Думал он, думал и, улучив момент, вошел к Петровичу с предложением. «Ты стар, без марафету не проживешь, а глаза и руки уже не те, скоро откажут, обучи меня своему прошлому ремеслу, тебе риску никакого, а я тебя до последних дней не оставлю, угол и шприц всегда иметь будешь». Петрович думал недолго, согласился.

Яков обучение поставил серьезно, первым делом мастера в морфии ограничил, заставил есть через силу, гулять выводил. Старик мучился, матерился, терпел, однако и не только будущей корысти ради, а нравился ему молодой студент, цель какая-то в жизни появилась. Начали с разговоров, старик во время прогулок рассказывал о былом, привирал изрядно. Яков слушал, врать не мешал, ждал, когда старик выговорится. Потом стал Яков чертежи рисовать, замки простенькие, потом сложнее, больше запоминал, кое-что и записывал, так теоретически и до сейфов добрались. Надо было учиться металл работать. Тут инструмент понадобился. Поначалу, какой попроще, Петрович сам изготовил. Яков со свалки железный ящик притащил, столько в нем дырок наделал, что в натуральную терку превратил. Пальцы силу и чуткость приобрели, стал Яков рисовать сейфы настоящие: «Панцирь», «Сан-Галли», изучать замки сложные.

Когда Шуршиков почувствовал, что из старика больше ничего не выжмешь, купил ему морфию, дал колоться в охотку, а однажды добавил шприц уже заснувшему, и не проснулся человек. А кому он нужен? Кто разбираться станет? Жил на игле, от нее и помер, рассудили соседи, и схоронили в складчину. Студент даже целковый дал, чем людей растрогал. «Вот и ученый вроде бы, а душевный», – сказано было на поминках.

Глава третья. Профессионалы

Блекло-желтые абажуры висели низко, свет заливал бильярдные столы, зеленое сукно которых было исчерчено мелом, игрок наклонился вперед, чтобы сделать удар, попадал в квадрат света, а ноги и часть туловища оставались в тени. Человеческие фигуры от этого причудливо ломались, из полумрака на свет выползал серый дым, повисал над столами и играющими. Пахло в бильярдной застоявшимся табаком, пивом и сыростью, которую принесли сюда с затопленных ливнем улиц.

Хан и Сынок постояли у двери, пообвыкнув, прошли вглубь зала и остановились у колонны рядом со столом, на котором, судя по напряженному вниманию зрителей, шла крупная игра.

Когда, приканчивая в закусочной домашнюю колбасу, беглецы решали вопрос, куда податься, первым заговорил Сынок.

– На дно опустимся, отлежимся, – сказал он. – Согласен?

– Нет, повяжем галстуки и выйдем на Красную площадь.

Сынок прыснул в кулак, смешив был, затем насупил белесые брови и спросил:

– Может, у тебя и место есть?

Хан скупно улыбнулся, пожал плечами неопределенно.

– То-то, – сказал Сынок назидательно. – А у меня есть, примут по высшему классу. Вера Алексеевна учительствует, к уголовке никаким краем...

– А к тебе каким краем?

– У нас любовь. – Сынок самодовольно улыбнулся.

Хан слушал внимательно, смотрел с любопытством. Почувствовав заинтересованность, Сынок начал бойко рассказывать, какая серьезная и замечательная девушка Вера Алексеевна, и квартирка двухкомнатная, и окна в палисадничек.

Хан смотрел на Сынка, как смотрят на человека, который штаны не застегнул, то ли вообще забыл их надеть. Сынок тон поубавил, две фразы пробормотал невнятно и неожиданно спросил:

– Чего zenки шуришь? Не нравится? Или у тебя в «Европе» люкс забронирован?

– Ты за кем сидел?

– За Иваном Ивановичем числился, – с гордостью ответил Сынок.

– Уважаю. – Хан склонил голову. – Старик шпаной не занимается. Так где, ты полагаешь, товарищ субинспектор тебя искать будет? Зачем же нам к твоей Верочке тащиться? Легче в контору позвонить. Иван Иванович человек обходительный, извозчика за нами пришлет. – Он помолчал, раздумывая, закончил неохотно: – Попробую я одного человека найти, удастся, будет нам и крыша, и бульонка.

Сынок согласился, беглецы, прыгая по лужам, добрались до этой бильярдной.

Хан приглядывался к окружающим. Сынок уже освоился, видно, обстановка была привычная, толкнул приятеля и зашептал:

– Тихое местечко, не больше двух облав за день.

– Бывал? – Хан взглянул вопросительно. – Где тут этот... начальник местный?

– Маркер? – Сынок указал на крупного мужчину в подтяжках, который чинил кий на канцелярском столике у стены.

Хан кивнул, подошел к маркеру и стал молча наблюдать, как тот прилаживает к кию наклейку. Выждал немного и, убедившись, что никто не слышит, спросил:

– Леху-маленького не видели?

Маркер зацепил щепочкой пузырившийся в жестяной банке столярный клей, потянул его истончающуюся нить к кожаной шишечке наклейки, мазнул, приложил ее аккуратно на полагающееся место, придавил ладонью. Придирчиво разглядывая свою работу, маркер сказал:

– Гуляй, парень, ты тут ничего не терял, а раз так, то и искать тебе тут нечего. Гуляй.

Хан молча вернулся к наблюдавшему за ним Сынку, который не преминул съязвить:

– Ни тебе оркестра, ни цветов.

Партия на ближайшем столе закончилась, зрители громко обсуждали итог, шелестели купюры; игроки, чуть ли не соприкасаясь лбами, обсуждали условия следующей партии.

Сынок потянул Хана за рукав, кивнул на выход. Хан взглянул на маркера, оглянулся, сказал:

– Куда подадимся, решим сначала, – и не договорил, в спину его толкнул здоровенный верзила, будто ребенка отвел в сторону.

– Зачем тебе Леха-маленький? Он приболел, меня прислал.

Хан поднял голову, взглянул на нависавшее над ним заплывшее лицо.

– Я слышал, Леха, что меня один человек ищет.

– Какой человек?

– Корней.

– Не знаю такого. – Леха отодвинулся, оглядел Хана внимательно. – Как тебя кличут? Где слухок тебя нашел?

– Был я у дяди на поруках, там встретил тезку твоего...

– Заправляешь. – Леха улыбнулся, поскреб рыжую щетину, обнял Хана за плечи, повел в угол. – Как он там? Я лишь намеренно узнал, что заболел тезка...

– Он неделю как на курорт приехал, повязали его у барыги, за ним чисто, подержат и выгонят, – говорил Хан быстро. – Так он тебе велел передать.

– Уважил, уважил, – рокотал Леха. – А ты как? Вчистую?

– Если бы, – вздохнул Хан. – Под венец вели, червонец обламывался, соскочил...

– По мокрому?

– Никогда, – быстро ответил Хан. – Но не один, – указал взглядом на Сынка. – И как есть. – Он провел ладонями по карманам. – А тезка твой сказал, что его Корней искал...

– То его, – перебил Леха. – Твоего имени никто не называл. Я тебя даже во сне не видел.

– Раз мне тезка Корнея назвал, значит гожусь.

– Что же ты хочешь?

– Спрячь нас, скажи Корнею как есть, пусть решает.

– Тебя можно, а этот к чему? – Леха покосился на Сынка, который своей фразой выделялся среди порядком обшарпанной публики.

– Это же Сынок, – сказал Хан.

– Чей? – придуриваясь, спросил Леха; заметив, как скривился Хан, сказал: – Слыхал, слыхал: разговоров много. Тебя-то как кличут?

– Хан, – ответил, а сам подумал: «Леха кличку Сынок явно слышал, и держится парень нагло, будто в законе он абсолютно. Сынок? Сынок? – напрягал память Хан. – Почему же я его не знаю?»

– Точно окрестили, на татарву смахиваешь. Ждите. – Леха хотел идти, но задержался. – Скажи своему Сынку, чтобы он с Бариним в игру не ввязывался, останется в чем мать родила. – Он утробно хохотнул и неожиданно легким шагом направился к выходу.

Сынок, прислонившись к колонне, видимо, собирался играть в карты с хорошо одетым мужчиной средних лет. Котелок и трость игрока держал какой-то пьянчужка, смотрел на Барина подобострастно и фальшивым голосом говорил:

– Барин, вы же не в клубе, опомнитесь... Здесь же вас обчистят...

– А мне не жаль мово второго мильёна... – сверкая золотыми коронками, говорил Барин и тасовал так, что о его профессии не догадался бы только слепой. Вокруг играющих собрались любопытные.

– Опять связался, битому нейметя, – говорил один.

– Вчера пятьсот оставил.

– Третьего дня тысячу...

Сынок глядел на Барина восторженно, на зрителей виновато и, смущаясь, говорил:

– Нам много не надо, червончик-другой – и в аккурат закончим. Я счастливый, батя мне ишь какую одежонку купил, женить собирается. – Он лучезарно улыбнулся.

Хан собрался было вмешаться, но, вспомнив гонор нового приятеля, раздумал: «Больше червонца у него нет, а на вещи играть не дам».

Барин ловко справился со своим делом, сложил колоду так, что Сынок мог выиграть лишь прошлогодний снег. Сынок снял неуклюже, последовал «вольт» – прием, при котором колода возвращается в первоначальное положение.

– Войдите. – Барин бросил в свой котелок червонец.

– Чего? А, гроши, – догадался Сынок и долго шарил по карманам, отворачивался, чтобы не видели, где и сколько у него лежит.

– Пожалте. – Он положил червонец, взял у пьянчужки котелок, надел себе на голову, качнулся неловко, толкнул Барина и выбил у него колоду.

Мастерски сложенные карты рассыпались.

– Извиняйте, извиняйте. – Сынок нагнулся, помогая собрать карты, придерживал сползающий котелок, приговаривая: – Червончики, голубчики, где вы?

Барин болезненно поморщился, сложил колоду и спросил:

– Дать или сами возьмете?

– Сам, только сам, ручка счастливая. – Сынок показал всем свою руку, взял снизу две карты и открыл туза и десятку.

– Счастье фраера светлее солнца, – сказал Барин.

Сынок вынул из котелка червонец, сунул в карман, подождал, пока Барин положит новый, прорезал колоду, дал снять.

– Открывайте по одной снизу, – сказал Барин.

Сынок открыл семерку, затем короля. Барин кивнул, мол, еще. На колоду лег туз.

– Не очко меня сгубило, а к одиннадцати туз, – пропел Сынок.

– А Барин, кажись, на приезжего попал, – сказал кто-то.

Игра продолжалась еще минут пять. Сынок забрал у Барина шестьдесят рублей, часы и кольца, перестал дурачиться, смотрел на жертву равнодушно. Когда Барин начал в очередной раз сдавать, Сынок небрежно вынул у него из рукава туза и сказал:

– С этим номером только в приюте для убогих выступать. – Надел Барину котелок на голову. – Спи спокойно, тебя сегодня не обворуют.

Кругом рассмеялись, и, хотя выиграл чужак, народ веселился от души: ловких здесь уважали. Хан следил за происходящим и, с одной стороны, радовался за приятеля, с другой – злился его успеху, малый и так не подарок, теперь зазнается еще больше.

Сынок отделил от выигрыша два червонца, один положил в нагрудный карман Барину, как платочек, оставив уголки, и сказал:

– На разживку даю, встретимся – отдашь. – Он протянул второй червонец зрителям. – Выпейте, ребята, за здоровье раба божьего...

К Хану подошел маркер и указал молча на дверь. Сынок, словно следил за приятелем, мгновенно оказался рядом, беглецы быстро вышли во двор, впереди маячила фигура Лехи-маленького. Сынок стрельнул взглядом по переулку – ни души, лишь впереди женщина, сняв ботинки, переходила через залитую дождем мостовую.

Сотрудник уголовного розыска Сергей Ткачев наблюдал за беглецами из глубины подворотни. Когда они отошли на значительное расстояние, агент выбрался из укрытия и двинулся следом.

Леха шагал косолапя, слегка переваливаясь, однако следовавшим за ним Хану и Сынку приходилось поторапливаться. Ткачев порой еле успевал. Леха шел переулками, оставляя Арбат справа, неожиданно остановился около четырехэтажного дома, закурил, вошел в подъезд. Хан и Сынок тут же шмыгнули следом. На третьем этаже проводник открыл дверь, пропустил ребят вперед и погнал их перед собой по длинному коридору. Слева и справа чередовались двери, из-за которых доносились голоса, наконец коридор кончился, Леха открыл дверь черного хода, вытолкнул Хана и Сынка на лестничную площадку, поднялся еще на один этаж, снова открыл дверь, и снова они шли полутемным коридором, где-то рядом шевелилась жизнь, простуженно всхлипывал патефон, устало плакал ребенок, пахло вчерашней едой и пылью.

Через несколько минут они оказались во дворе. Леха, засунув руки в карманы, двинулся дальше, не оглядываясь, минут через пятнадцать, поравнявшись с двухэтажным каменным домом, остановился, кивнул на подъезд и ушел, не прощаясь.

«Гостиница „Встреча“. Иоганн Шульц». Вывеска была старая, бронзовые витые буквы устало скривились, но были заботливо вычищены.

Хан взглянул на вывеску, на Сынка, толкнул зеркальную тяжелую дверь. За спиной вежливо брякнул колокольчик, под ногами чисто выметенный ковер, за конторкой бледный мужчина неопределенного возраста, перед ним картонка, на которой кокетливыми буквами выписано: «Просим извинить, свободных мест нет».

Мужчина за конторкой взглянул на вошедших без всякого интереса, положил перед собой ключ с деревянной грушей и сказал:

– Вам, молодые люди, направо. Нумер семь.

Из двери за конторкой вышла блондинка лет тридцати в строгом, словно у классной дамы, костюме, оценивающе оглядела гостей, чуть склонила голову:

– Желаю хорошего отдыха.

– Благодарю, мадам. – Сынок ослепительно улыбнулся, взял ключ, шаркнул ножкой. Хан молча кивнул.

Мужчина открыл конторскую книгу, делая там запись, сказал:

– Не забудьте сдать на прописку паспорта.

– Непременно. – Сынок взял Хана под руку и увел в коридор, приговаривая: – Верительные грамоты и багаж придут позже.

Гостиница «Встреча» до революции была третьеразрядным заведением, где останавливались в основном соплеменники хозяина – Шульца, немца, родившегося в России, но изъяснявшегося по-русски с грехом пополам.

В четырнадцатом году Шульц гостиницу продал и с молоденькой белокурой Анной, ставшей его супругой за несколько месяцев до мировых событий, исчез в неизвестном направлении.

Вывеску содрали, зеркальные стекла побили, у заведения менялись хозяева и названия. А в первый год нэпа у заколоченных фанерой дверей остановилась двухколесная тележка со скромным скарбом, и в помещение тихонечко проникла худенькая Анна, сложила свои вещички у дворника и начала действовать. Куда она ходила, с кем разговаривала, сколько и кому платила, в округе не знали, но очень скоро отыскалась старая вывеска, которую кое-как починили, надраили до блеска и водрузили над дверью. Появились рабочие, строили, красили, вставляли зеркальные стекла. Через месяц помещение привели в порядок, все номера сверкали чистотой, хозяйка, тихая и несколько испуганная, удивленно оглядывала свои владения, гостей не пускала, кланяясь, деликатно отвечала, что еще не закончены приготовления. Налетевший,

как карающая десница, фининспектор пробыл в новой гостинице каких-нибудь полчаса и ушел довольный – все было уплачено без жалоб и сполна.

Помогал Анне прибывший вместе с ней очень бледный неразговорчивый мужчина лет пятидесяти, манерами и внешностью из бывших. Имени и фамилии его никто не знал, и очень скоро его стали звать Шульцем, хотя на пропавшего немца Шульца он не походил абсолютно. Известно было, что сочетались новые хозяева гражданским браком. Анна всплакнула, как решили соседи, «новый» в церковь идти не пожелал. Хозяина никто ни господином, ни по имени-отчеству не называл, просто Шульц, словно кличка. Авторитетом и уважением Шульц ни у соседей, ни у постояльцев не пользовался, дел он никаких не решал, сидел за конторкой, записывал вновь прибывших в книгу, выдавал ключи и тихим, бесцветным голосом отвечал по телефону. Этот аппарат вызвал много пересудов, телефон в тот год являлся редкостью, а в гостинице его поставили чуть не в первый день. Поначалу соседи ходили пользоваться, хотя и звонить-то им было некуда. Шульц никому не отказывал, но глядел на незваного гостя так, что человек несколько слов выдавливал из себя с трудом, начинал заикаться и вылеживался от этого недуга не сразу. Нет, странная гостиница, как на нее ни смотри. Номера, конечно, чистые, никто не спорит, на первом этаже с ваннами, но цены какие? Виданное ли дело, самый дешевый номер – четыре рубля, а есть и по двадцать. Кто же там жить-то станет, люди с такими деньгами могут и в «Европе» поселиться или, скажем, в «Бристоле».

Узнав все это, в округе решили: прогорит немочка со своим Шульцем, как бог свят – прогорит. Однако чудеса, да и только: из двадцати номеров хорошо четыре-пять заняты, а Шульц уже выставил свою табличку: «Нумеров предложить не можем». Немочка ходит, глазки опустив, улыбается задумчиво, жильцов не только не зазывает – пускает далеко не всех. Фининспектор не жалуется, милиция довольна, тишина в переулке, будто не гостиница, а дом политпросвета. А ведь поначалу было подозрение, что собираются в тихом омуте заведение непристойное организовать. Так этого ни-ни, как-то в связи с данным вопросом получился полный конфуз. Поселился у Шульцев молодой человек, представительный, за квартал видно: при деньгах. На третий день подкатывает гость на такси. Кто был из соседей дома – из окон вывесились: не один прикатил, а с дамочкой.

Тетка Настасья, что у окна напротив гостиницы сидит, мгновенно определила: дамочка та не кто иная, а совершенно точно – Ната Вачнадзе, которая в боевике «Натэлла» в заглавной роли. Не успела Настасья проковылять по переулку и разъяснить подругам свою точку зрения на происходящее, как появился в дверях «Встречи» Петр, который у Анны и швейцар, и прислуга, и аккуратно поставил на тротуар чемодан и саквояж из натуральной свиной кожи. Тут же выскочила на улицу дамочка, застучала каблучками дробно и скрылась за углом столь быстро, что любопытные разглядеть не успели – Вачнадзе или просто девочка, которая, как и автомобиль, сдается напрокат. У мальчишек свист от губ не успел отлепиться, как на тротуаре около вещичек стоял молодой человек приятной наружности и громко зеркальной двери объяснял, что платит непомерные, честно заработанные деньги и потому имеет право невесту привести. Петр сквозь стекло взглянул на оратора равнодушно, не дослушал даже, пропал в сумрачной тишине холла.

Тихо жила гостиница, так тихо, что у Настасьи с тоски коренной зуб разболелся. Плюнула она в сердцах и окно закрыла, а подругам объявила: мол, немцы, они супостаты и есть, спать дотемна ложатся, вино даже в праздники не пьют, хороший человек у них жить не станет и глядеть на них из окна русскому человеку противно, мочи нет.

Поверили люди, отвернулись от двухэтажного домика, где двадцать номеров, хозяйка Анна Шульц, за конторкой у телефона просто Шульц, а швейцар и прислуга – мужик по имени Петр. Позже поселилась еще в гостинице девушка Даша, однако о ней разговор уж совсем особый.

Спать в гостинице не то что дотемна, порой и до рассвета не ложились. Гости сутками не появлялись, порой сутками из номеров не выходили, приезжали и уезжали и на лихачах, и на такси, некоторые брали машину напрокат. Гости у Шульцев подбирались на удивление скромные, стеснительные, одевались – взгляду зацепиться не за что, жителей переулка уважали, пролетки и машины оставляли позади гостиницы, на параллельной улице, ногами не шаркали, дверьми не хлопали. Жили у Шульцев иногда восемь человек, а бывало, что и двое, платили же гости не двадцать рублей в сутки, как значилось в прейскуранте, а несколько больше. Случалось, постояльцы, уезжая, так бывали растроганы гостеприимством, что оставляли в домике и пятьсот рублей, и тысячу. Хозяйка ни золота, ни камней в подарок не принимала, хотя у гостей водились вещички интересные. У хозяина гостиницы и его постояльцев существовал закон: все вещи, добытые в златоглавой, должны из Москвы уйти немедленно. Ни одна даже пустяковая бранзулетка осесть не могла, делать и принимать подарки было строжайше запрещено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.